

Kenesarıyüly, Akhmet

Sultany Kenisara i Sadyk

СУЛТАНЫ

КЕНИСАРА И САДЫКЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

СУЛТАНА АХМЕТА КЕНИСАРИНА.

Обработано для печати и снабжено примѣчаніями

Е. Т. СМІРНОВЫМЪ.

Съ портретомъ Садыка, 5 рисунками и 9 политипажамы.

ИЗДАНИЕ

Сырѣ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-Литографія С. П. Ляхина.

1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стран.
Предисловіе	I.
ГЛАВА I.	
Первоначальная дѣятельность султана Кенисары Касимова	1.
ГЛАВА II.	
Дѣйствія манаповъ Джантая и Уриана и смерть Кенисары и его приближенныхъ въ войнѣ съ кара-киргизами	12.
ГЛАВА III.	
Потомство Кенисары-хана	25.
ГЛАВА IV.	
Причина переселенія сыновей Кенисары-хана на берега р. Сыра	31.
ГЛАВА V.	
Дѣятельность султана Садыка до взятія русскими Ташкента	34.
ГЛАВА VI.	
Взятіе русскими Ташкента	45.
ГЛАВА VII.	
Участіе Садыка въ войнѣ русскихъ съ Бухарою	50.

II

ГЛАВА VIII.

Участіе Садыка въ возмущеніи Абдуль-Малика (Катты-тюри)	62.
---	-----

ГЛАВА IX.

Завоеваніе русскими Хивы и переходъ Садыка къ туркменамъ	68.
--	-----

ГЛАВА X.

Пребываніе Садыка въ Кашгарѣ и возвращеніе въ русскіе предѣлы	77.
---	-----

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Свѣденія объ Аблай-ханѣ	1.
II. Замятка о Кенисарѣ	5.
III. Замятка о смерти Кенисары	7.
IV. Битва подъ Узунъ-агачемъ	8.
V. Причины движенія русскихъ отрядовъ въ культурную часть средней Азіи	12.
VI. Взятіе русскими гор. Туркестана	14.
VII. Бой подъ Акбулакомъ	17.
VIII. Рекогносцировка гор. Чимкента	28.
IX. Бой подъ Иканомъ	30.
X. Бой подъ Шоръ-тюбе	45.
XI. Взятіе гор. Ташкента	50.
XII. Зимнее движеніе къ гор. Джизаку	86.
XIII. Бой подъ Сарыбулакомъ	92.
XIV. Стычка подъ Джизакомъ	96.

III

- XV. Сраженіе подъ Зерабулакомъ 98.
- XVI. Нападеніе Садыка на колонну генерала
Бардовскаго 101.
- XVII. Выходъ туркестанскаго отряда на р. Аму-
Дарью 105.
- XVIII. Свѣденіе о походѣ Якубъ-бека въ Аксу . 121.
- XIX. Свѣденіе о занятіи Кашгара китайцами . 123.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Султанъ Садыкъ, сынъ знаменитаго въ киргизскихъ степяхъ султана Кенисары Касымова, былъ въ свое время очень извѣстенъ въ Туркестанскомъ краѣ какъ энергичный предводитель партій киргизскихъ и туримѣнскихъ наѣздниковъ, бившихся съ русскими войсками при завоеваніи средней Азіи.

Враждебная дѣятельность Садыка противъ насъ прекратилась вскорѣ послѣ хивинскаго похода, а въ 1877 году этотъ послѣдній боецъ за независимость киргизскаго народа перешелъ въ наши предѣлы вмѣстѣ съ кашгарскимъ ханомъ Бекъ-Кули-Беконъ, послѣ взятія г. Кашгара китайскими войсками и уничтоженія мусульманскаго государства, основаннаго въ бассейнѣ Тарима извѣстнымъ Якубъ-Беконъ.

Дѣятельность Садыка, обнимающая періодъ времени съ 1864 по 1876 года, должна представлять интересныи и цѣнный матеріалъ для исторіи покоренія нами Бокандскаго и Хивинскаго ханствъ, войны съ Бухарою и сношеній съ Кашгаромъ, почему въ 1886 г. возникла мысль предложить ему написать свою автобіографію, для чего и была дана ему мною программа. Бъ сожалѣнію самъ Садыкъ, вѣроятно плохо владѣя перомъ, не взялся за дѣло, а пору-

чилъ его своему брату султану Ахмету Кенисарину, который и доставилъ въ 1887 году рукопись на киргизскомъ языкѣ. По порученію г. Предсѣдателя Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета генералъ-маіора Н. И. Гродекова подстрочный переводъ ея на русскій языкъ передѣланъ мною для печати, нѣсколько обработанъ въ отношеніи ясности изложенія фактовъ и снабженъ необходимыми примѣчаніями.

Нужно замѣтить, что рукопись составлена съ значительными отступленіями отъ данной программы, съ пропусками и недосмотрами, но тѣмъ не менѣе сообщаемые въ ней факты весьма интересны какъ рассказъ нашего противника о разныхъ эпизодахъ войнъ въ средней Азіи. Болѣе выдающіеся изъ нихъ пояснены примѣчаніями, представляющими дѣло по нашимъ официальнымъ и частнымъ свѣдѣніямъ.

Болѣе значительное отступленіе заключается въ подробномъ рассказѣ біографіи Кенисары, чѣмъ авторъ, очевидно, увлекся, отдавая дань громкой дѣятельности своего отца. Это отступленіе однако принесло большую пользу дѣлу, такъ какъ рассказъ выясняетъ многія особенности характера Кенисары и случаи его дѣятельности, неизвѣстные дотолѣ въ нашей литературѣ о немъ.

Такимъ образомъ вмѣсто одной біографіи получилось двѣ: Кенисары и Садыка, самыхъ дѣятельныхъ и предприимчивыхъ нашихъ противниковъ бойцовъ за независимость тюркскихъ народностей въ средней Азіи.

Въ настоящее время султанъ Садыкъ живетъ въ Чимкентскомъ уѣздѣ, на р. Арысѣ, верстахъ въ шести на сѣверъ отъ сартовскаго сел. Карабулакъ, близъ развалинъ Ханъ-кургана, бывшаго когда-то ставкою его предка, кир-

гизскаго хана Аблай-хана. Садыкъ занимается скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, близъ своей зимовки, проводя свободное время за чтеніемъ и въ молитвѣ. Это совершенно бодрый, средняго роста, человекъ лѣтъ пятидесяти пяти; смуглое лицо киргизскаго типа, съ черною, небольшою, съ легкою просѣдью, бородою, оживлено замѣчательно красивыми, выразительными глазами. Вся его наружность, пропорціонально сложенная фигура съ мягкими контурами лица, маленькими, женскими руками, манера держать себя, спокойствіе, какъ бы нѣкоторая застѣнчивость въ разговорѣ, все это изобличаетъ въ немъ человека, пожившаго при средне-азіатскихъ ханскихъ дворахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кровнаго тюркскаго аристократа, «бѣлую кость», какимъ онъ и есть на самомъ дѣлѣ по своему происхожденію. При первомъ взглядѣ на этого задумчиваго, спокойнаго человека какъ то не вѣрится, что это именно тотъ наѣздникъ Садыкъ, съ именемъ котораго всегда соединялось понятіе объ отчаянномъ степномъ разбойникѣ и самомъ упорномъ, назойливомъ партизанѣ, что это тотъ Садыкъ, который навоевалъ, въ семидесятихъ годахъ, страхъ на наши передовыя линіи въ Туркестанѣ, являясь всегда неожиданно на слабыхъ мѣстахъ и нападая болѣе смѣло и энергично, чѣмъ другіе предводители киргизскихъ и туркменскихъ партизанскихъ партій. Но когда въ разговорѣ оживится его лицо, потечетъ быстрая, выразительная рѣчь, разгорятся глаза, впечатлѣніе смирнаго, задумчиваго человека исчезаетъ совсѣмъ. Передъ вами является другой человекъ: живой, энергичный и безусловно талантливый, съ „Божьей искоркой“ и юностью души, — качествами, столь неотразимо дѣйствующими на рядовыхъ людей и на народныя толпы. Становится понятнымъ его успѣхъ какъ сановника и совѣтника

IV

въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ при ханахъ Бухары, Хивы и Кашгара и его умѣнье держать въ рукахъ полудикихъ, своевольныхъ наѣздниковъ и энергично двигать ихъ нестройныя толпы на убійственныя залпы туркестанской линейной пѣхоты, дѣлать съ ними огромные и быстрые переходы въ мертвой Бизылкумской пустынѣ и падать, какъ снѣгъ на голову, на прозѣвавшаго непріятеля, пріобрѣта этимъ отъ него вполне незаслуженный эпитетъ „степнаго разбойника“.

Е. Т. Смирновъ.

Дѣйствительный членъ Сыръ-Дарьинскаго областного статистическаго комитета.

г. Ташкентъ.
Ноябрь 1888 года.

Г Л А В А I.

Первоначальная дѣятельность султана Кенесары Касымова.

Аблай-ханъ (*) имѣлъ тридцать сыновей, бывшихъ очень извѣстными среди киргизскаго народа. Урда (**) его находилась въ урочищѣ Кокчетавъ.

Послѣ смерти Аблай-хана сдѣлался ханомъ сынъ его Обайдулла-ханъ (***), который царствовалъ десять лѣтъ. Пограничныя русскія власти, а именно начальство граничившей съ его владѣніями Акмолинской области (****), желая завладѣть уроч. Кокчетавъ, послало къ Обайдулла-хану требованіе объ уступкѣ Кокчетава подъ постройку города. Ханъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „я не согласенъ на постройку города. Лучше будемъ спокойно жить каждый на сво-

(*) См. примѣчаніе 1 въ концѣ книги.

(**) Урда собственно значить цитадель, замокъ среди угрѣпленнаго города. У киргизовъ урдою называлось небольшое укрѣпленіе среди зимоваго стойбища.

(***) Обайдулла-ханъ не былъ признаваемъ ханомъ русскою властію, а, кажется, только китайцами. Въ официальныхъ бумагахъ того времени онъ именуется Габайдулла-султанъ. (См. Истор. записка по матер. Омскаго архива).

(****) Это невѣрно. Акмолинская область образована значительно позднѣе, именно въ 1868 году.

емъ мѣстѣ согласно письменнаго договора, заключеннаго между Аблай-ханомъ и Бѣлымъ Царемъ. Если же вы хотите силою захватить мѣсто и построить городъ, то сами отвѣчайте за послѣдствія“. Получивъ таковой отвѣтъ, русское начальство вызвало хана и задержало его у себя.

Обайдулла-хану наслѣдовалъ братъ его Вали-ханъ. (*) Онъ далъ согласіе на постройку города въ уроч. Кокчетавъ, на что согласились было и всѣ прочія дѣти Аблай-хана.

Младшій изъ тридцати сыновей Аблай-хана былъ султанъ Басымъ, имѣвшій двухъ женъ. Отъ старшей жены родилось шесть сыновей: Сарыджанъ, Исенгельды, Агатай, Буши, Бучакъ и Кенисара, а отъ младшей родился только одинъ сынъ Наурузбай. Султанъ Агатай умеръ въ то время, когда Наурузбай былъ еще малолѣтень.

По поводу уступки русскимъ уроч. Кокчетава султанъ Кенисара сказалъ своему отцу и четыремъ братьямъ: „Намъ наноситъ большой ущербъ нарушеніе письменнаго договора, заключеннаго съ Россією при Аблай-ханѣ. Если Богъ по-

(*) Г. Левшинъ говоритъ, что «Вали (ханъ), получившій ханское достоинство въ 1781 году послѣ смерти своего отца, остался въ ономъ до смерти своей, постигшей его въ 1821 году. Въ послѣдніе годы онъ однако же не былъ единственнымъ ханомъ средней орды: ибо по несогласіямъ его съ нѣкоторыми родоначальниками и по просьбамъ многихъ киргизъ-казаковъ, въ 1816 году назначенъ въ среднюю орду Императоромъ Александромъ другой ханъ Букей, сынъ Барака, умершій въ 1819 году. вмѣстѣ съ нимъ исчезло и званіе ханское въ средней ордѣ». (Опис. кир.-каз. орд. т. 2 стр. 331). О несогласіяхъ Вали-хана со своими родственниками упоминаетъ ниже и настоящій авторъ, говоря о донесеніи его русскому правительству о замыслахъ своихъ племянниковъ: Сарыджана, Кенисары и другихъ.

можетъ, то соединимъ всѣхъ киргизовъ и будемъ опять тѣмъ, чѣмъ были при Аблай-ханѣ. Иначе да будетъ надъ нами Его святая воля!» (*) Это мнѣніе Кенисары было одобрено султаномъ Касымомъ и его сыновьями, и всѣ они сговорились дѣйствовать противъ Россіи, при чемъ къ нимъ присоединилось и большинство киргизовъ (**).

Объ этомъ предпріятіи султановъ Сарыджана, Исенгельды, Кенисары и прочихъ дѣтей Касыма довелъ до свѣдѣнія русскаго начальства Вали-ханъ. Изъ Акмолинска вышелъ русскій отрядъ и три раза разгромилъ аулы султановъ и подчинившихся имъ киргизовъ (***), послѣ чего дѣти Касыма откочевали отъ Кокчетавъ.

Вмѣстѣ съ ними ушли подвластные имъ роды средней орды: Алтай, Тоба, Бирей, Увакъ, и части другихъ родовъ, всего въ количествѣ 40.000 кибитокъ. Они заняли р. Чу

(*) Буквально: «Иначе мы будемъ тѣмъ, чѣмъ захочетъ Богъ».

(**) Здѣсь нужно подразумѣвать главнымъ образомъ киргизовъ сибирскаго вѣдомства, а именно части средней и большой орды. Киргизы малой орды, а также всѣ кочевавшіе на р. Сыръ не принимали въ этомъ дѣлѣ никакого участія. Здѣсь авторъ упоминаетъ о какомъ то письменномъ договорѣ, заключенномъ между Аблай-ханомъ и русскимъ правительствомъ. Подобенъ договоръ въ отношеніи обозначенія границъ владѣній этого хана, едва ли могъ быть заключенъ по неопредѣленности вочевій подчиненныхъ ему киргизовъ. Занятіе уроч. Кокчетавъ относится ко времени образованія «новой линіи» сибирскихъ казаковъ.

(***) Здѣсь выставлена весьма интересная, мало извѣстная причина, именно захватъ уроч. Кокчетавъ, первыхъ столѣтій Кенисары съ русскими. Первая дѣйствія его были удачны. Въ 1838 году онъ окружилъ и разбилъ команду сибирскихъ казаковъ; при чемъ самъ раненъ. Зимой онъ намѣревался идти на

и другія мѣстности, подвластныя Боканду и Туркестану (*).

Султанъ Кенисара поселился въ кишлакъ Карнакъ, предаваясь созерцательной жизни подъ руководствомъ ишана Рахманъ-Изнера. Отсюда, желая завязать сношенія съ Ташкентомъ, онъ отправилъ въ ташкентскому правителю Беглеръ-Беги (**) своихъ братьевъ Сарыджана и Исенгельды. Беглеръ-беги, предполагая, что султаны Сарыджанъ и Исенгельды никогда не будутъ преданными ему людьми, а напротивъ только возмутятъ и перетянутъ на свою сторону мѣстныхъ киргизовъ, которые непременно примять ихъ сторону, какъ потомковъ Аблай-хана, злодѣйски убилъ ихъ въ гор. Аулиеата. Въ то же время былъ схваченъ и убитъ Касымъ-ханъ, прїѣхавшій на богомолье въ Хазрети—Туркестанъ (***) ; онъ похороненъ въ мечети Хазретъ-Султана, рядомъ съ Аблай-ханомъ.

р. Тургай для соединенія съ кочевавшими тамъ его родственниками. Русское начальство, свѣдавъ объ этомъ, послало на р. Тургай отрядъ подъ командою войсковаго старшины Лебедева, числомъ до 1900 чел. при двухъ орудіяхъ. Лебедевъ напалъ на аулы родственниковъ Кенисары, взялъ ихъ въ плѣнъ и разграбилъ подвѣдомственныхъ киргизовъ. Когда онъ отступилъ, Кенисара, собравъ до 3000 удалцевъ, бросился на нашихъ киргизовъ восточной части, обобралъ ихъ, какъ полагаютъ, на сумму 200.000 руб. и доходилъ до самой линіи, гдѣ джигиты его захватили въ плѣнъ 8 чел. русскихъ, и кромѣ того разграбилъ тронцкій караванъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рубл. („Киргиз. степь“ соч. Мейера стр. 54).

(*) Г. Туркестанъ былъ въ то время бекствомъ Кокандскаго ханства.

(**) Извѣстный Ташкентскій бекъ, строитель медресе, мечетей и рабатовъ (страннопріемныхъ домовъ).

(***) Т. е. въ г. Туркестанъ. Этотъ городъ, бывшій XVII вѣкѣ столицей киргизскихъ хановъ изъ династіи чингизида Шей-

Султана Кенисару схватили въ Карнакѣ, въ мечети ишана, привезли въ Ташкентъ и бросили въ тюрьму. Женъ и малолѣтнихъ дѣтей Сарыджана и Исенгельды погребли близъ Ташкента. Султаны Кучакъ, Буна и Наурузбай съ большою толпою своего народа отошли къ верховьямъ р. Сары-су, въ мѣстности Улу-тау и Кичи-тау.

Султанъ Кенисара просидѣлъ въ Ташкентѣ въ тюрьмѣ около года. Наконецъ ему удалось при посредствѣ кого то послать въ г. Кокандъ тогдашнему кокандскому хану Мухамедъ-Али-хану (*) просьбу объ освобожденіи. Алиханъ, исполняя его просьбу, писалъ къ Беглеръ-беги: „такъ какъ онъ (Кенисара) ханскаго рода, бѣлой кости, то тебѣ слѣдовало бы дать мнѣ знать о его винѣ и дѣйствовать по моему приказанію. Ты рабъ. Неприлично, чтобы рабъ казнилъ господина. Немедленно выпусти султана Кенисару изъ тюрьмы!“ Беглеръ-беги освободилъ Кенисару и выдалъ ему его семейство и всѣхъ родственниковъ. Кромѣ того онъ объявилъ: „Причинять зла я вамъ больше не буду. Приведите сюда своихъ сродичей и платите мнѣ зякетъ и другія подати“. При отправленіи изъ Ташкента онъ далъ Кенисарѣ охранную стражу въ сто человекъ джигитовъ подъ начальствомъ юзбаши (***) Абдушукура.

Прійдя въ Сузакъ, Кенисара оставилъ тамъ родственниковъ и при нихъ Кокандскую стражу, а самъ только съ двумя стражниками изъ сотни Абдушукура отправился въ

бани, заключаетъ въ себѣ самую почитаемую киргизами святыню, огромную мечеть Султанъ-Азрета-Ясави, воздвигнутую по повелѣнію Тамерлана.

(*) Сокращенно называется Мадали-ханъ.

(**) Юзбаши—сотникъ.

кочевья на Улу-тау и Кичи-тау, откуда и повелъ своихъ сродичей въ Сузакъ. Когда, на обратномъ пути, до р. Чу ему оставалось сдѣлать только однодневный переходъ, онъ отправилъ впередъ, къ семейству въ Сузакъ, обоихъ стражниковъ, говоря имъ: „я во время *пешинъ* (*) отправлюсь въ путь и завтра буду на р. Чу, къ которой вы доставите моихъ родныхъ. Мы тамъ остановимся кочевать и будемъ платить вамъ зякетъ (**) и другія подати“.

Отправивъ этихъ двухъ человекъ въ Сузакъ, Кенисара отослалъ назадъ, къ Улу-тау, лишній народъ, оставивъ съ собою двѣсти человекъ лучшихъ джигитовъ. Онъ повелъ съ собою пятьсотъ лошадей и верблюдовъ, которые были навьючены пятнадцатью принадлежащими ему бѣлыми юртами (***) . Дойдя до р. Чу, онъ, у переправы Бишъ гуланъ, расположился со своими пятнадцатью юртами подобно большому аулу. Лошадей и верблюдовъ, привезшихъ юрты, онъ распредѣлилъ между мѣстными кочевниками для пастбы ихъ вмѣстѣ съ ихъ собственными стадами. Самъ Кенисара съ двумя стами джигитовъ отошелъ отъ р. Чу къ сторонѣ Сузака, поставилъ двѣ бѣлыя юрты, убравъ ихъ дорогами коврами, одѣялами изъ бухарскаго шелка и пуховыми подушками, одну изъ нихъ для себя, а другую для ожидаемыхъ имъ гостей. Приведенныхъ съ собою двѣсти

(*) Время *пешинъ*—полуденный намазъ, нѣсколько больше 12 часовъ дня.

(**) Кокандцы, подчиняя себѣ киргизскія колѣна, облагали ихъ особою податью, *зякетомъ*, взимавшуюся натурою въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ части съ табуновъ крупнаго скота и гуртовъ барановъ.

(***) Юрты изъ бѣлыхъ войлоковъ составляютъ и теперь принадлежность людей именитыхъ и богатыхъ.

джигитовъ онъ спряталъ въ близъ лежащихъ камышахъ, при себѣ же оставилъ только около десяти человекъ.

Когда ташкентскій юзбаша получилъ извѣстіе о томъ, что Кенисара ожидаетъ его на р. Чу, онъ вышелъ изъ Сузака съ своею сотнею. Придя на Чу, онъ увидѣлъ по берегу ея аулы, посреди каждаго аула бѣлую юрту, а кругомъ пасущихся лошадей и верблюдовъ. Успокоившись при видѣ такой мирной картины, юзбаша безъ опасенія вошелъ въ приготовленную для него бѣлую юрту, снялъ съ себя оружіе и предался отдыху; тоже сдѣлали и всѣ его люди. Когда всѣ они вошли въ юрты, появился Кенисара и крикнулъ своихъ сирятанныхъ джигитовъ. Они быстро выскочили изъ камышей и изрубили всю сотню сартовъ(*), неуспѣвшихъ выбраться изъ кибитокъ.

Султанъ Кенисара возблагодарилъ Бога за то, что онъ далъ ему случай убить сто человекъ сартовъ въ возмездіе за убіеніе ими троихъ его близкихъ родственниковъ (**). Послѣ этого, взявъ съ собою оружіе и лошадей перебитой имъ кокандской сотни и семейства своихъ братьевъ, онъ отправился вслѣдъ за народомъ, откочевавшимъ на уроч. Улу-тау. Достигши берега р. Тургая, онъ справилъ поминки по своему отцу султану Касыму и братьямъ Сарыджану и Исенгельды.

Здѣсь, подѣ предлогомъ устройства конскихъ скачекъ, онъ пригласилъ къ себѣ среднюю и малую орды. Когда собрались всѣ начальники родовичи обѣихъ ордъ, они, по кир-

(*) Въ кокандскихъ войскахъ служили преимущественно представители тюркскихъ народностей: кипчаки, узбеки и ферганскіе кара-киргизы; собственно сартовъ было вообще мало.

(**) Г. е. отца своего Касыма и братьевъ Сарыджана и Исенгельды

гизскому обычаю (*), подняли Кенисару своимъ ханомъ. Но при этомъ они сказали ему: „Россія сильное государство. Мы теперь не можемъ подняться и кочевать вмѣстѣ съ вами, да при томъ, если бы мы и отбочевали, то вся масса нашего народа не помѣстится на томъ небольшомъ пространствѣ земли между Россією и Кокандомъ (**). Поэтому пока вы не окрѣпнете, мы останемся въ подданствѣ Россіи, но для поддержанія васъ мы будемъ платить вамъ зякеть.“ Съ этимъ ихъ общимъ рѣшеніемъ согласился и ханъ Кенисара. Къ нему присоединились самые храбрые батыри (***) изъ средней и малой ордъ и сопровождали его во всѣхъ перекочевкахъ. Множество его новыхъ подданныхъ кочевниковъ, подчиняясь русскимъ и оставаясь на своихъ прежнихъ кочевьяхъ, втихомолку платили ему зякеть и доставляли всѣ новости, касавшіяся русскихъ.

Съ этого времени Кенисара сталъ называться ханомъ. Онъ надѣялся, что русскій Царь предоставитъ управленіе киргизами ему и заключить съ нимъ такой же договоръ, какъ и съ Аблай-ханомъ. Кенисара желалъ и надѣялся, что опираясь въ тылу на Россію, онъ отомститъ Кобанду за убійство отца и своихъ братьевъ, отдѣлится отъ Кобанда

(*) При провозглашеніи Кенисары ханомъ очевидно былъ соблюденъ древній тюркскій обычай: избраннаго ханомъ сажали на бѣлую кошку и поднимали на ней почетные присутствующіе избиратели. Если это было такъ, то понятно выраженіе: *подняли ханомъ*.

(**) Киргизскіе родовичи очевидно говорили про полосу земель въ низовьяхъ р.р. Сары-су и Чу и вверхъ по теченію послѣдней, куда не достигало еще вліяніе ни русскихъ, ни кокандцевъ.

(***) Батырь (рус. богатырь)—человѣкъ, прославившійся военными подвигами, удальствомъ, силою.

большую орду и даже завоеуетъ это ханство. Съ расчетомъ завести сношеніе съ русскими онъ прикочевалъ на низовья р. Иргиза ближе къ г. Оренбургу. Но цѣль не была достигнута. По распоряженію генераль-губернаторовъ Оренбурга и Омска, съ оренбургской и сибирской линій выступили отряды для поимки Кенисары-хана. Тогда волей-неволей хану опять пришлось сражаться противъ Россіи (*).

Съ 1840 года по 1847 годъ ханъ дѣйствовалъ противъ русскихъ отрядовъ (**). Надъ подробнымъ описаніемъ всѣхъ схватокъ, пришлось бы преслѣдѣть цѣлый годъ. Джигиты Кенисары-хана поджигали по временамъ поселенія (***) русскихъ и грабили ихъ имущество, а также наносили уро-

(*) Объ избраніи Кенисары ханомъ среднюю и малую орды въ то время, кажется, не было въ подробностяхъ извѣстно въ Оренбургѣ. Во всякомъ случаѣ этотъ актъ былъ самовольствомъ съ его стороны, такъ какъ ханское достоинство было уже уничтожено въ киргизскихъ степяхъ, и киргизами управляли султаны правители, назначавшіея русскою властію. За тѣмъ главнѣйшими причинами неудачи сношеній Кенисары съ русскими нужно считать во-первыхъ естественную вражду къ нему султановъ правителей, выставившихъ его дѣйствія уже въ слишкомъ мрачномъ видѣ, во-вторыхъ, его неспокойный нравъ, проявившійся въ необузданномъ стремленіи къ удалству и наѣздничеству, грабежи тѣхъ родовъ, которые не признавали его власти, политическая безтактность и проч. Во всякомъ случаѣ создавать въ киргизскихъ степяхъ сильнаго государя, который могъ подчиняться только номинально, было бы большою ошибкою: это шло бы въ разрѣзъ съ задачами русскаго правительства на этой окраинѣ. Кенисара былъ объявленъ бунтовщикомъ и подвергся сильному преслѣдованію.

(**) Не точно. Кенисара былъ вытѣсненъ на р.р. Чу и Или въ 1846 году, когда и прекратились его дѣйствія противъ русскихъ.

(***) Вуквально сказано *русскіе юрода*, чего не было.

ны и пораженія (*) русскимъ отрядамъ. Послѣдніе въ свою очередь раззоряли кочевья киргизовъ, подчинившихся Кенисарѣ-хану, грабили ихъ имущество и обращали въ бѣгство ханское войско. Въ эти семь лѣтъ было совершено много дѣлъ (**).

Народъ Кенисары-хана кочевалъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: Улу-тау, Кичи-тау, Джиланчикѣ, Тургаѣ, Биляуты и Буланты.

Въ 1844 году отрядъ, выступившій съ сибирской стороны, разгромилъ въ отсутствіе Кенисары-хана его аулъ, зимовавшій въ уроч. Агчій, близъ Дезде и Улу-тау и увезъ оттуда старшую его жену Буниджанъ-ханымъ. Узнавъ о нашествіи отряда, ханъ вышелъ противъ него съ своими войскомъ, но не могъ встрѣтить русскихъ, которые прошли другимъ путемъ. Кенисара-ханъ, покоряясь волѣ Божіей и слѣдуя изрѣченію пророка, да будетъ надъ нимъ благословеніе (***)! „терпѣніе есть ключъ къ радости“, сталъ терпѣливо ждать. На слѣдующее лѣто онъ собралъ своихъ наѣздниковъ, и раззорилъ и сжегъ укрѣпленіе, называемое по киргизски Адирли (****), между Троицкомъ и

(*) Сказано слишкомъ обще. Кенисарѣ только однажды удалось разбивать собственно русской отрядъ, состоящій изъ сибирскихъ казаковъ. Что касается киргизскихъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ въ союзѣ съ нами, то онъ разбивалъ ихъ безъ особаго затрудненія. Во всякомъ случаѣ побѣдить энергичнаго Кенисару и вытѣснить его изъ подвластной намъ степи стоило большихъ трудовъ и расходовъ.

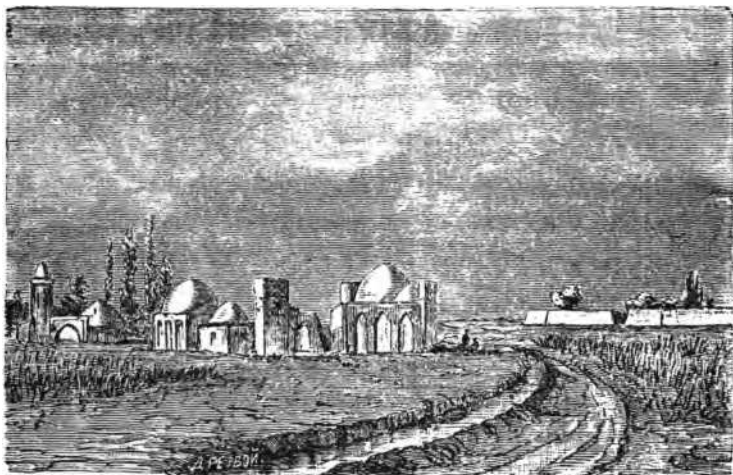
(**) См. примѣчаніе 2 въ концѣ книги.

(***) Обыкновенный возгласъ при упоминаніи о пророкѣ.

(****) Здѣсь вѣроятно упоминается о нападеніи на Екатеринбургскую станицу, что было 14 Августа 1844 г. Кенисара подошелъ съ 5000 челов., взялъ и сжегъ предмѣстие (форштадтъ),

Орскомъ. Мужчинъ, женщинъ и дѣтей онъ увезъ съ собою. Затѣмъ обмѣнявшись посольствомъ съ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ выдалъ захваченныхъ въ Адирли людей и получилъ обратно свою любимую ханшу. Послѣ этого онъ короткое время находился въ мирѣ съ Россією.

Въ это время русскіе заложили укрѣпленія у горы Улуту на берегу р. Тургай при переправѣ, называемой Тонкайма и при переправѣ чрезъ рѣку Иргизъ (*), называемой Ярмулла, именно на такихъ пунктахъ, чрезъ которые кочевалъ Кенисара-ханъ.

убилъ и ранилъ 5 человекъ, взялъ въ плѣнъ 40 челов. и угналъ весь скотъ. Самое укрѣпленіе взято однако не было.

(*) Возбуждавшійся раньше этого времени вопросъ о постройкѣ въ киргизской степи укрѣпленій съ цѣлю удержать киргизовъ въ повиновеніи, окончательно рѣшенъ въ 1845 году, когда и воздвигнуто два укрѣпленія: на р. Тургаѣ — *Оренбургское* (теперь г. Тургай) и на р. Иргизѣ — *Уральское* (теперь г. Иргизъ), о которыхъ упоминается въ этомъ разсказѣ.

Г Л А В А II.

Дѣйствія манаповъ Джантая и Урмана и смерть Кенисары и его приближенныхъ въ войнѣ съ кара-киргизами.

Киргизовъ, кочевавшихъ въ то время съ ханомъ Кенисарой, было около 20.000 кибитокъ. Видя, что народъ умножается день отъ дня, а пространство кочевій, вслѣдствіе постройки въ степи русскихъ укрѣпленій, ссузилось и кочевать стало тѣсно, Кенисара задумалъ сблизиться съ китайскимъ ханомъ. Кромѣ того у него была еще и слѣдующая цѣль: упрочившись гдѣ-нибудь и оперевъ тылъ на какую-нибудь сильную державу, подчинить себѣ всѣхъ киргизовъ. Со времени заключенія договора между Аблай-ханомъ и Китаемъ, между послѣднимъ и потомками Аблай-хана никакихъ враждебныхъ дѣйствій не происходило.

Съ цѣлю завязать сношеніе съ китайцами, онъ повинулъ старыя кочевья на Улу-тау, Кичи-тау, Джиланчигѣ и Тургаѣ и передвинулся ближе къ Китаю на уроч. Кара-кумъ и р. Или. Въ то время тамъ жили роды большой орды: Абданъ, Суванъ, Джалаиръ, Чапрашты и много другихъ. Среди ихъ находились потомки Аблай-хана, а имен-

но его сыновья: султанъ Али и султанъ Сюкъ (*). Они оба во главѣ кочевниковъ, занимавшихъ берега р. Или, окрестности Алматы и пространство до р. Чу, въ томъ числѣ и дулатовъ (**), находившихся на р.р. Джирянь-айгырь и Бурти, встрѣтили хана Кенисару съ подарками; онъ съ своей стороны тоже одарилъ ихъ.

Въ это время при ханѣ, изъ потомковъ Касыма, находилось четыре челоуѣка: сынъ Касыма, султанъ Наурузбай, сыновья Сарыджана: султаны Эрджанъ и Худайменди и сынъ Исенгельды, султанъ Джехангиръ. Первые трое были во цвѣтѣ лѣтъ, начальствовали войсками (***) и были

(*) Султанъ Сюкъ, сынъ Аблай хана, съ нѣсколькими тысячами кибитокъ большой орды, кочевавшихъ въ уроч. Семейскѣ, а также около р.р. Кукъ-су и Кара-тала, въ 1819 году призналъ надъ собою власть Россіи (см. Левшина, т. II, стр. 92).

(**) Дулаты—поколѣніе большой орды, состоящее изъ семи главныхъ родовъ. Послѣ истребленія калмыковъ (джунгаровъ) совокупными дѣйствіями китайцевъ и киргизовъ, дулаты заняли Ташкентъ и владѣли имъ до 1815 года. Ихъ главныя зимовныя стойбища, заключавшія въ себѣ и ставки хановъ, тонулись отъ сел. Зенгаты до кр. Неазбека. Подъ Ташкентомъ до сего времени сохранились селенія и зимовки, носящія имена киргизскихъ хановъ, какъ-то: Дурмень, Кибрайты, Байты и друг.

Около 1815 г. Ташкентцы, выведенные изъ терпѣнія поборами и грабежами дулатовъ, возстали подъ предводительствомъ городского акакала Юнусъ-Ходжи, разбили киргизовъ и вытѣснили ихъ изъ ташкентскаго земледѣльческаго района. Возстаніе сопровождалось большимъ кровопролитіемъ: побѣдившій Юнусъ-ходжа казнилъ киргизовъ безошадно. Дулаты отошли въ чимкентскій и аулиеатинскій районы, гдѣ и кочуютъ до сего времени; не большая часть, впрочемъ, осталась и въ ташкентскомъ районѣ. (См. „Сыръ-Дарьян. об.“ соч. Смирнова, стр. 82 и Левшина, т. II глав. 5).

(***) Самымъ замѣчательнымъ не только изъ перечисленныхъ султановъ, но изъ всѣхъ сподвижниковъ Кенисары, былъ султанъ

извѣстны врагамъ и друзьямъ. Султанъ Джахангиръ былъ еще молодъ.

Кенисара-ханъ послалъ султана Худайменди посломъ къ китайскому начальнику въ Бульджу. Китайскій начальникъ продержалъ у себя посла мѣсяцъ, оказывая ему почести: устраивалъ каждый день пиры и увеселенія; кромѣ того онъ показалъ ему своихъ солдатъ, стрѣлявшихъ изъ лука. Въ это время онъ снесся съ китайскимъ императоромъ, обѣщавъ поддержать дружбу, начатую при Аблайханѣ, и отпустилъ Худайменди съ богатыми подарками.

Ханъ-Кенисара снялся съ уроч. Каракумъ, переправился чрезъ р. Или, пошелъ на правый берегъ р. Чу и занялъ, рядомъ съ кара-киргизами, урочища Джиранъ-айгыръ, Курти, Иргайты, Узунъ-агачъ и Каргалы. Отсюда онъ отправилъ пословъ къ начальникамъ кара-киргизовъ и аулиеатинскихъ дулатовъ. Цѣль передвиженія и сношеній хана была слѣдующая: подчинить себѣ кара-киргизовъ и большую орду, зимовать на р. Чу, лѣтовать на Учъ-Алматы, жить въ мирѣ съ Россіею и Китаемъ и воспользоваться этимъ миромъ для взысканія *хуна* (*) съ кокандцевъ за убійство отца и братьевъ. Но воля Бога, да будетъ Онъ превознесенъ! какъ увидимъ ниже, была совсѣмъ иная.

Колѣно Чемырь съ Байзакомъ-датхою, Бельходжа-біемъ и Медеу-біемъ, колѣно Сейкимъ съ Худайбергенемъ(**)-

Наурузбай. Это былъ храбрый, отчаянный наѣздникъ, подвиги котораго воспѣты киргизскими пѣвцами (ойлянчи).

(*) *Хунъ* или *кунъ*—плата за кровь убитаго на основаніи обычнаго права киргизовъ.

(**) Худайбергенъ Баетовъ былъ начальникомъ киргизской милиціи въ отрядѣ генерала Черняева и за оказанныя заслуги

даткою, колѣно Ботнай съ Сыпатай-батыремъ и Андесъ-батыремъ, колѣно Чапашты (*) съ Саурыкъ-батыремъ, начальствовавшій надъ дулатами тюря Рустемъ-султанъ и прочіе начальники дулатовъ явились съ подарками и съ извѣщеніемъ покорности. Получивъ также подарки отъ хана, они съ искреннею преданностью опоясались поясомъ служенія. Но начальники кара-киргизовъ, посовѣтывавшіеся между собою, отказали въ подчиненіи: они еще помнили то, что было при Аблай-ханѣ (**). Киргизская пословица говоритъ: исконные враги не могутъ подружиться, какъ отрѣзанная пола не можетъ быть перекроена въ рукавъ.

Начальники кара-киргизовъ манапы (***) Урманъ, Карыбузь и Джантай подстрекнули народъ, чрезъ особо разосланныхъ ими людей, къ хищническимъ набѣгамъ на подданныхъ хана, небольшими шайками въ 30—40 человекъ для угона лошадей. Узнавъ о поведеніи кара-киргизовъ, Кенисара-ханъ рѣшилъ наказать ихъ. Онъ выслалъ противъ нихъ небольшое войско подъ начальствомъ Алике-батыря и Базаръ-батыря изъ колѣна Буреме, Асыбай-батыря изъ ко-

получилъ чинъ заурядъ-маіора. Какъ онъ, такъ и Байзакъ чины *датха*, очевидно, получили отъ кохандцевъ. Байзакъ впоследствии казненъ Алимкуломъ въ Ташкентѣ.

(*) Колѣно Чапашты принадлежитъ къ поколѣнію Уйсунъ, остальные перечисленные здѣсь колѣна (роды) дулатовъ.

(**) Вражда кара-киргизовъ съ степными киргизами (казаками) имѣетъ очень древнее происхожденіе. Начало ея нужно искать въ соперничествѣ обѣихъ народностей въ политическихъ дѣлахъ въ Средней Азіи, что относится къ среднимъ вѣкамъ. Аблай-ханъ нанесъ кара-киргизамъ жестокое пораженіе въ открытой битвѣ и сильно опустошилъ ихъ страну.

(***) Манапы ведутъ свое происхожденіе отъ дѣлаго ряда родоначальниковъ бѣевъ, главенствовавшихъ въ кара-киргизскихъ родахъ. Урманъ и Джантай были изъ рода Сарыбагышъ.

лѣна Шубуртбалы (*) и Бухарбай-батыря изъ рода Табынъ. Услышавъ объ этомъ, мананы Джантай, Урманъ и Карыбузъ собрали кара-киргизовъ, вышли изъ своей земли и залегли въ засаду въ одномъ ущельи. Киргизскіе батыри раздѣлили свое войско на двѣ половины, по 500 челов. каждая; одну половину они послали раззорять аулы непріятелей, а съ другою двинулись вслѣдъ, съ цѣлью сразиться съ кара-киргизами, если у нихъ приготовлено войско. Первый отрядъ изъ 500 человекъ достигъ кара-киргизскихъ ауловъ передъ зарею, напалъ на нихъ и до времени *чашке* (**) успѣлъ угнать ихъ скоть. Вторые пятьсотъ человекъ, осмотрѣвшись кругомъ, по восходѣ солнца, и не замѣчая нигдѣ непріятелей, соблазвившись добычею, предались грабежу и, не слушаясь своихъ начальниковъ, разошлись въ разныя стороны для угона скота. Тогда кара-киргизскіе мананы ударили на нихъ съ своимъ войскомъ и разбили ихъ. Во время схватки Агыдай-батырь въ единоборствѣ съ мананомъ Карыбузомъ убилъ его, взявъ его лошадь, кольчугу и саблю и все это поднесъ въ подарокъ своему хану. Исключая этого небольшого успѣха, киргизы потеряли сраженіе. Ханъ сильно былъ смущенъ этимъ и строгими словами пристыдилъ своихъ начальниковъ за бѣгство предъ народомъ, не составляющимъ сильнаго государства, а кочующаго аулами въ 5—10 кибитокъ. Но какъ увидимъ ниже, это еще не было самымъ тяжкимъ изъ испытаній, нис-

(*) Буреме и Шубуртбалы вѣроятно не колѣна, а отдѣленія.

(**) *Чашке*—время послѣ восхода солнца, приблизительно, съ полчаса, когда оно поднялось надъ горизонтомъ на высоту трехъ пикъ. Сартовское названіе этого времени *нануита*—ранній завтракъ.

посланныхъ Богомъ, да будетъ Онъ превозвышенъ!

Въ гнѣвѣ своемъ ханъ самъ принялъ начальство надъ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, кара-киргизскіе начальники отослали свои аулы на вершины горъ Алатау и, собравъ отряды, расположились каждый предъ мѣстомъ своихъ кочевій въ ожиданіи нападенія. Войско Кенисары-хана встрѣтило колѣно Коши (*), предводительствуемое Халча-біемъ. Битва продолжалась цѣлый день. Наконецъ колѣно Коши потерпѣло пораженіе. Захвативъ 700 чел. плѣнниковъ, въ числѣ коихъ былъ и самъ Халча-бій, войско побѣдносно возвратилось въ орду Кенисары-хана.

Въ слѣдующемъ году онъ выпустилъ на свободу Халча-бія и всѣхъ его людей, отдавъ имъ ихъ лошадей и одежду. При этомъ ханъ послалъ всѣмъ родоначальникамъ кара-киргизовъ, манапамъ Джантаю, Урману и другимъ, письма слѣдующаго содержанія: „Цѣль моего прихода сюда не враждовать и проливать кровь, а соединить силы киргизовъ и кара-киргизовъ въ одно, отдѣлить ихъ отъ Коканда и вообще освободить отъ притѣсненій козандцевъ. Между тѣмъ случились нѣкоторыя нежелательныя дѣла. Теперь на все, происшедшее между нами, я объявляю *салаватъ* (**) и прощаю ваше неразуміе. Что я не питаю злобы, можете видѣть изъ того, что я выпускаю на свободу невредимыми Халча-бія и его двѣсти джигитовъ. По полученіи этого письма, удалите изъ сердца опасенія и со-

(*) Коши—вѣтвь рода Караталъ поколѣнія Солъ. Подробности о родахъ кара-киргизовъ см. «Сыръ-Дарьинская область» соч. Смирнова.

(**) *Салаватъ*—особая отпустительная молитва; въ переносномъ значеніи,—всепрощеніе, полное прекращеніе всякихъ исконъ и споровъ между враждующими сторонами.

миѣнія и явитесь ко миѣ, чтобы соблюсти обряды покорности и тѣмъ достигъ высокой степени счастья; послѣ чего вы возвратитесь домой. Если же это предложеніе не придется вамъ по сердцу и вы не откажетесь отъ вражды, то отвѣчайте сами за свою судьбу. Предупреждаю, что если кто-нибудь изъ моихъ людей будетъ убитъ безъ вины, или если хоть заплачетъ малый ребенокъ, то грѣхъ будетъ на васъ“.

Мананы Джантай и Урманъ, прочитавъ это письмо, собрали кара-киргизовъ и на общемъ совѣщаніи остановились на мысли не подчиняться хану. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Кенисара-ханъ созвалъ всѣхъ датха, биевъ и батырей большой орды и объявилъ имъ рѣшеніе кара-киргизовъ, спрашивая совѣта. Передовые люди большой орды: Байтъ-біи, Сыпатай, Тайчибекъ, Худайбергень-датха, Саурыкъ, Бель-ходжа и Медеу-біи сказали: „Соберемъ ополченіе отъ всѣхъ киргизовъ и очистимъ совершенно эти мѣста отъ кара-киргизовъ“. Только Рустемъ-султанъ не высказалъ своего миѣнія. Какъ говорятъ, въ войнѣ съ кара-киргизами онъ держалъ ихъ сторону, хотя это, впрочемъ, неизвѣстно съ достовѣрностью.

Родоначальники большой орды, собравъ каждый свой отрядъ, соединились съ ханомъ и подступили къ крѣпости Мерке (*), которою командовалъ сартъ, по имени Мухамедъ-Али. Онъ вышелъ на встрѣчу хану и подарилъ ему знаменитаго аргамака, носившаго кличку „кызылъ-мурунь“ (**). Ханъ Кенисара отдалъ Мухамедъ-Али многими вещами и

(*) Ауліеата, Мерке, Токмакъ, Пишпекъ и Кастекъ въ то время (1847 г.) принадлежали Кокандскому ханству.

(**) Кызылъ-мурунь—рыжая морда,

оставилъ его по прежнему начальникомъ крѣпости Мерке. Аргамака онъ подарилъ султану Наурузбаю, который ѣздилъ на немъ въ позднѣйшихъ войнахъ.

Этого коня пѣвцы прославляютъ слѣдующими стихами:

Въ день битвы испытывается годность джигита
и коня...

Умершему человѣку нѣтъ возврата въ этотъ
мѣръ!

Былъ между кара-киргизами славный батырь Бе-
деръ, внукъ Каная.

Онъ выѣхалъ, вызывая на единоборство Науруз-
бая.

Наурузбай вышелъ на бой съ нимъ на статномъ
конѣ: „Кызыль-мурунъ“.

На этотъ разъ одинъ Богъ помогъ Наурузбаю...

Когда они сошлись лицомъ къ лицу, когда сло-
мали копья,

Бедеръ-батырь полетѣлъ со своего коня, какъ па-
даетъ тибетейка съ головы.

Оставивъ Мерке, ханъ пошелъ къ горнымъ ущельямъ, нанося уронъ кара-киргизамъ, и вернулся съ богатою добычею къ р. Чу, гдѣ онъ пробылъ до зимы въ ур. Итъ-кичу. Отсюда онъ три раза посылалъ своихъ людей въ набѣги на кара-киргизовъ, а весною 1847 года напалъ на нихъ со всѣмъ своимъ войскомъ, при чемъ его отряды до трехъ дней раззоряли аулы кара-киргизовъ. Въ этотъ разъ особенно отличились султанъ Наурузбай, сынъ Касыма, и султанъ Эрджанъ, сынъ Сарыджана. Отдѣлившись отъ главнаго войска, они въ теченіи трехъ дней гонялись по го-

рамъ, по направленію къ перевалу Кара-кыстакъ-шунгирь (*), за кара-киргизами, разбивая ихъ и отнимая у нихъ скоть. Нѣкоторые изъ джигитовъ отстали, потому что гнали отбитый скоть, другіе потому что у нихъ устали лошади, такъ что когда оба предводителя поднимались на перевалъ, то при нихъ уже не было никого изъ ихъ людей. Дорога по этому перевалу шла по карнизу и имѣла ширину, достаточную для прохода только одного человѣка. Оступившійся путникъ долженъ былъ упасть въ пропасть, которую не можетъ измѣрить глазъ и изъ которой на семь свѣтѣ нѣтъ выхода. Другая сторона ущелья представляла крутизну, на которую не могла взобраться лошадь. Въ этомъ узкомъ мѣстѣ дороги они нагнали уходящій караванъ кочевковъ манановъ Джантаи и Урмана. Мананы, слѣдуя съ своими людьми за караваномъ, замѣтили одинокихъ наѣздивковъ и остановились для борьбы, разставивъ по дорогѣ пѣшихъ стрѣлковъ. Стрѣляя отовсюду изъ ружей и бросая съ вершины горы большіе камни, кара-киргизы обратили наѣздивковъ въ бѣгство и преслѣдовали ихъ. Такъ какъ вслѣдствіе малой ширины дороги двое не могли стоять рядомъ, то Наурузбай сражался впереди, а Эрджанъ позади. Пина Эрджана сломалась, но онъ выхватилъ саблю и продолжалъ отбиваться отъ преслѣдовавшихъ. Лошадь подъ нимъ была сильно уставшая и, при томъ, не кованная; утомившись на крутомъ спускѣ, она повернула въ сторону и поднялась въ гору. Въ это время мананъ Джантаи и нѣсколько его джигитовъ прошли впереди мимо его. Увидя это, Наурузбай ударилъ нагайкою своего коня „кызыл-мурунъ“, напалъ

(*) Черезъ Александровскій хребетъ, въ верховьяхъ р. Кара-кыстакъ, противъ почт. стан. Тарты.

на нихъ и оттѣснилъ ихъ назадъ дальше того мѣста, гдѣ находился султанъ Эрджанъ. Последній повернулъ лошадь опять къ дорогѣ и сталъ бить ее нагайкою, но она не тронулась съ мѣста. Между тѣмъ кара-киргизы, подойдя толпою, опять обратили Наурузбая въ бѣгство. Султанъ Наурузбай пять разъ оттѣснялъ кара-киргизовъ, но лошадь Эрджана не могла спуститься съ горы, и онъ въ концѣ концовъ, былъ взятъ въ плѣнъ.

Султанъ Наурузбай, спустившись въ долину, собралъ своихъ разсѣявшихся людей и повелъ ихъ въ горы. Кара-киргизы также собрались и, радуясь плѣну Эрджана, бодро пошли по слѣдамъ Наурузбая съ крикомъ: *ю качты* (*)!..

Въ это время главное войско хана уже вернулось домой съ своею добычею. Кенисара-ханъ отправилъ людей за султанами Наурузбаемъ и Эрджаномъ, а самъ съ военачальниками остался въ ожиданіи ихъ пріѣзда у р. Чу, на одномъ холмѣ близъ уроч. Киклигъ-Сингиръ (**).

Въ полдень онъ получилъ извѣстіе о приближеніи Наурузбая и плѣнъ султана Эрджана. Сильно огорчившись этимъ извѣстіемъ, ханъ спѣшился, а за нимъ спѣшилось и все его войско. Такъ они просидѣли до времени *намазидигеръ* (***), когда пріѣхалъ Наурузбай. Удостоверившись въ плѣнѣ султана Эрджана, ханъ продолжалъ сидѣть въ огорченіи. Изъ страха передъ нимъ никто не посмѣлъ сказать: уѣдемъ съ этого холма! хотя и люди, и лошади ос-

(*) *Ю качты*—знач. непріятель бѣжалъ.

(**) Урочище и холмъ Киклигъ-Сингиръ находится верстахъ въ четырехъ отъ гор. Токмака (Семир. обл.) на лѣвомъ берегу р. Чу, въ верстѣ отъ берега рѣки.

(***) Вечерній намазъ (молитва), совершаемый приблизительно за часъ времени до заката солнца.

тавались на эту ночь голодными. Между тѣмъ мананы Джантай и Урманъ послали во всѣ кара-киргизскія кочевья за помощью. Въ ту же ночь прибыли къ нимъ подкрѣпленія отъ кокандскихъ кара-киргизовъ, а между тѣмъ большинство войска Кенисары-хана разошлось по своимъ ауламъ. На холмѣ съ нимъ остались почти всѣ начальники, нятьсотъ ружей и одна пушка.

Утромъ люди его увидѣли, что они окружены кара-киргизскимъ войскомъ въ нѣсколько рядовъ и что протекавшій мимо холма ручей отведенъ въ другую сторону. Положеніе ханскаго войска было опасное; кромѣ того оно было безъ пищи и воды. Въ этотъ день съ утра до ночи происходила битва. Отъ людей, посланныхъ ханомъ къ разошедшимся войскамъ, не пришло извѣстій, между тѣмъ кара-киргизы росли числомъ со дня на день.

Окруженные киргизы три дня сражались безъ пищи и воды. Въ ночь на четвертый день Кенисара-ханъ собралъ всѣхъ начальниковъ на совѣтъ. Каждый изъ нихъ совѣтывалъ что-нибудь, но ни одинъ изъ совѣтовъ не былъ одобренъ. Наконецъ султанъ Наурузбай всталъ съ мѣста и сказалъ: „Дайте мнѣ двѣсти годныхъ къ бою джигитовъ, подъ начальствомъ Курманъ-батыря изъ рода Тома и Агыбай-батыря. Съ этими двумя сотнями я ударю на строй кара-киргизовъ и пробью его. Хотя они и многочисленны, но это вѣдь тѣ самые кара-киргизы, съ которыми мы сражаемся каждый день. Вы же съ главнымъ войскомъ двигаетесь за мною и пройдете черезъ открывшуюся дорогу. Потомъ мы будемъ отступать, продолжая бой“.

Этотъ совѣтъ былъ одобренъ всѣми, кромѣ Кенисары-хана. Онъ возразилъ: „Разъ мы пробьемся, мы побѣдимъ уже безостановочно; у кого лошадь быстра, тотъ спасется,

большинство же народа погибнетъ. Если я самъ, предводительствуя войскомъ, обращусь въ бѣгство, то уже не могу больше быть ханомъ народа. Если вы меня послушаетесь, то вотъ мой совѣтъ: заколите лошадей и мясо заколотыхъ навьючимъ на двадцать лошадей, которыя и повезутъ провизію. При отступленіи съ одной стороны у насъ будетъ р. Чу, а на прочія три стороны мы обратимъ пятьсотъ ружей. За отборными джигитами мы пойдемъ съ пиками въ рукахъ. Никто не можетъ разбить пѣшихъ, храбро сражающихся и вооруженныхъ пятьюстами ружей“.

Хотя предъ ханомъ и высказывали одобреніе этому совѣту, но большинство не согласилось съ нимъ, потому что, по обычаю киргизовъ, лишеніе лошади равнозначуще смерти. Словомъ совѣтъ хана заколоть лошадей и отступить пѣшими никому не понравился. Всѣ разошлись со словами: „Сегодня уже поздно. Завтра придетъ подкрѣпленіе отъ остальнаго войска, а если и не придетъ, то съ рѣшеніемъ дѣла подождемъ завтрашняго дня“.

Въ эту ночь, въ темнотѣ, часть войска дезертировала; узнавъ объ этомъ, и остальное войско разбѣжалось. Ночь была до того темна, что не видѣли другъ друга и не возможно было остановить кого-либо. Что можно предпринять противъ predeterminedнаго Богомъ! . .

Кенисара-ханъ, столько лѣтъ воевавшій противъ русскихъ, палъ, когда ему исполнилось время, отъ злодѣйской руки кара-киргизовъ. „Мы отъ Бога и возвратимся къ Богу!„ (*)

Изъ родственниковъ Кенисары-хана въ этомъ бою па-

(*) Арабскій стихъ, употребляемый мусульманами, когда они говорятъ или слышатъ о смерти кого-либо.

ли султаны Наурузбай, Эрджанъ (?) и Худай-менди. Въ живыхъ остались: султанъ Кучакъ, сынъ Касыма, султанъ Джехангиръ, сынъ Исенгельды, султанъ Абульфайзъ, сынъ Агатаи, султанъ Арсланбекъ, сынъ Кучака и Султанъ Бочкарбай, сынъ Сарыджана (*).

(*) См. приложение 3 въ концѣ книги.

Г Л А В А III.

Потомство Кенисары-хана.

Послѣ смерти Кенисары-хана отъ двухъ его женъ осталось восемь сыновей. Отъ старшей жены, взятой дѣвицею, ханьши Кунимджанъ, были слѣдующіе сыновья: Джафаръ, Тайчикъ и Ахметъ, отъ второй жены, взятой вдовою, по имени Джангымъ-ханымъ, было пять сыновей: Омаръ, Османъ, Абубекръ, Садыкъ(*) и Джегей. Въ годъ смерти хана султану Тайчику было двадцать лѣтъ, Садыку десять лѣтъ и Ахмету пять лѣтъ.

Послѣ смерти хана, они(**), со всѣмъ народомъ, перекочевали на низовья р. Чу, въ горы Баратау и въ г. Туркестанъ. Здѣсь они подчинились Коканду, которымъ тогда владѣли мусульмане, а именно кичаки съ Худояръ-ха-

(*) Вѣрнѣе *Сыдыкъ*, какъ и написано въ подлинной киргизской рукописи. Увоенная здѣсь транскрипція имени *Садыкъ* основывается на болѣе часто встрѣчающемся выговорѣ киргизовъ и сартовъ, на выговорѣ русскихъ, не знающихъ имени Сыдыкъ, и на официальныхъ рѣпортахъ и реляціяхъ, въ которыхъ упоминается о дѣйствіяхъ Садыка. Хотя *Сыдыкъ* и *Садыкъ* два разныхъ имени; но отъ этаго суть дѣла не мѣняется. Мы придерживаемся хотя и не совсѣмъ вѣрнаго, но обще распространеннаго имени.

(**) По русскимъ свѣдѣніямъ кенисарянцы были въ то вре-

номъ(*), на условіи, что бы дѣти и родственники Кенисары-хана съ сорока кибитками своихъ служителей-теленгутовъ, были освобождены отъ платежа податей.

Дѣти Кенисары-хана, подчиняясь туркестанскому хакиму, жили между кунградами(**). До достиженія совершеннолѣтія они нанимали въ свои аулы муллъ и учились грамотѣ; кромѣ того упражнялись въ стрѣльбѣ изъ ружей и въ верховой ѣздѣ. По достиженіи совершеннолѣтія, султаны Тайчикъ, Садыкъ и Ахметъ вступили въ военную службу и стали вездѣ выказывать свое удалство. За это кокандскій ханъ далъ имъ всѣмъ чины *пансатъ-баши*(***) и поставилъ каждого изъ нихъ во главѣ пятисотъ человекъ. Въ этомъ занятіи они провели нѣсколько лѣтъ. Въ 1860 году, когда Ташкентомъ правилъ, прославившійся въ Кокандѣ своею храбростью, Канаатъ-ша(****), изъ Вѣрнаго вышло войско подъ начальствомъ генерала Колпаковского(*****) взяло Ток-

ма подъ главенствомъ султана Кучака, какъ старшаго въ ихъ родѣ.

(*) Въ это время кокандскимъ ханствомъ правилъ въ качествѣ регента, кипчакскій батыръ Мусульманъ-кулъ.

(**) Кунграды—многочисленный и сильный родъ, поколѣнія того же названія, большой орды и теперь занимаетъ берега р. Сыръ-Дарьи отъ Ходжента до Перовска.

(***) Пансатъ—кокандскій военный чинъ, начальникъ 500 челов., средній между минбаши (начальникомъ тысячи) и юзь-баши (сотникомъ).

(****) Канаатъ-ша въ то время былъ бекомъ г. Ташкента; парваначи—одинъ изъ высшихъ кокандскихъ чиновъ.

(*****) Невѣрно. Въ то время Колпаковский имѣлъ чинъ подполковника и былъ начальникомъ Алатавскаго округа и окрестныхъ киргизовъ большой орды. Алатавскій округъ образованъ въ 1858 году изъ земель, занятыхъ за р. Или; впоследствии къ не-

макъ (*) и разрушило его укрѣпленія. Канаатъ-ша-парваначи повелъ 40.000 чел. войска (**) противъ Вѣрнаго. Султаны Тайчигъ, Садыгъ и Ахметъ были тоже взяты въ этотъ походъ.

Узнавъ о походѣ Канаатъ-ша, генералъ Колпаковскій расположился у пограничной крѣпости Кастекъ и сталъ ожидать. Канаатъ-ша, перейдя съ войскомъ перевалъ (***), изъ мѣстности, называемой Иргайты-Канинглы, отправилъ впередъ отрядъ, состоящій изъ киргизовъ и кара-киргизовъ, подъ начальствомъ султановъ Тайчика, Ахмета и Садыга съ слѣдующимъ приказаніемъ: „Выступайте къ Узунъ-агачу и возьмите его, если будетъ возможно. Въ противномъ случаѣ все-таки не подпускайте никого къ Кастеку; завтра мы двинемся къ нему“.

Когда султаны подошли къ Узунъ-агачу, онъ оказался занятымъ двумя сотнями солдатъ при одномъ орудіи (****). Султаны не дали возможности солдатамъ стрѣлять изъ ружей, или изъ пушекъ, почему съ обѣихъ сторонъ пало не

му были присоединены и зачуйскія земли; въ 1867 г. округъ преобразованъ въ Семирѣченскую область.

(*) Токмакъ былъ занятъ отрядомъ полковника Циммермана 26 Августа 1860 г.; укрѣпленія его взорваны и оставлены. (дон. полк. Циммермана 28 Августа 1860 г.)

(**) По нашимъ свѣдѣніямъ войско Канаатъ-ша состояло изъ 30,000 чел., въ числѣ коихъ собственно командскихъ войскъ (регулярной пѣхоты и кавалеріи) было до 20.000 чел.; остальные были киргизы и кара-киргизы.

(***) Вѣроятно кастекскій перевалъ, бывшій на линіи наступленія арміи Канаатъ-ша.

(****) Узунъ-агачъ былъ занятъ ротой пѣхоты, сотнею казаковъ и двумя легкими пушками (донес. ген. Гасфорда 10 Ноября 1860 г.)

много народа(*). Случалось, что лихіе наѣзтники, насканивая на солдатъ, выхватывали у нихъ изъ рукъ ружья и уносились назадъ. Такимъ порядкомъ стычки продолжались три дня. Въ ночь на четвертый день русское войско отодвинулось отъ Кастека и подошло ближе къ Узунъ-агачу. На разсвѣтъ появилось 800 солдатъ, подъ начальствомъ самого генерала Колпаковскаго; они открыли огонь изъ ружей и пушекъ и заставили султановъ отступитъ. Послѣ этого между Узунъ-агачемъ и Кастекомъ происходило еще нѣсколько стычекъ. Наконецъ на мѣстности, называемой курганомъ Саурыкъ-батыра(**), появился Канаатъ-парваначи во главѣ 40.000 чел. Увидя это огромное войско, генералъ Колпаковскій остановился. Войско Канаатъ-парваначи напададо до полудня, стрѣляя изъ ружей. Когда сарбазы близко подошли къ русскимъ солдатамъ, генералъ Колпаковскій приказалъ зарядить семь орудій картечью и дать залпъ. Послѣ залпа кокандскіе сарбазы пали, какъ бараны, пораженные болѣзью *тупаланиз*(***). Сарбазовъ было убито семьсотъ человекъ и кромѣ того пало много конныхъ джигитовъ(****).

Потерпѣвши пораженіе, Канаатъ-парваначи отступилъ и расположился ниже Кастека, на берегу рѣчки Джирать-айгыръ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня онъ послалъ всѣ

(*) Непонятно, почему не могла быть ведена стрѣльба изъ ружей и пушекъ. Что касается указанія на то, что киргизскіе наѣзтники выхватывали ружья изъ рукъ солдатъ, то разсказъ объ этомъ не заслуживаетъ довѣрія по своей фантастичности.

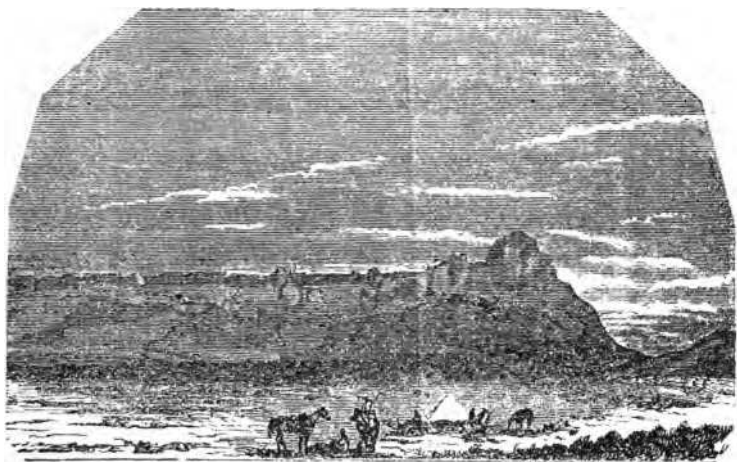
(**) Русское названіе «Сауруковъ курганъ».

(***) Эпидемическая болѣзнь, очень заразительная и быстро дѣйствующая: бараны, послѣ нѣсколькихъ скачковъ падаютъ и издыхаютъ.

(****) См. приложение 4 въ концѣ книги.

киргизскія и кара-киргизскія войска противъ Вѣрнаго, подъ начальствомъ султановъ Тайчика, Садыба и Ахмета. При отправленіи онъ сказалъ имъ: „Я завтра пойду отсюда въ Кастель, вы же произведите нападеніе на Вѣрный. Меня вы всегда найдете около Кастека“.

Миновавъ Узунъ-агачъ, въ мѣстности, называемой Каргалы, они оставили болѣе пожилыхъ (*) людей, носившихъ чины датха: Батырбека, Байзана, Мумынбека и Ходжабека, кара-киргизскаго манана Джантая и батыря Сапатай, а сами съ мананомъ Шадманомъ и батырями Суранчи и Бай-

сеидъ и отборными, молодыми, храбрыми джигитами изъ киргизовъ и кара-киргизовъ, въ числѣ 500 чел., пройдя день и ночь, залегли въ засаду около Вѣрнаго. На другой день, рано утромъ, они произвели нападеніе на окрестности

(*) Буквально сказано «тяжелыхъ людей».

города и захватили въ плѣнъ четырехъ русскихъ мужчинъ и дочь одного крестьянина. Къ полудню они уже успѣли соединиться съ датхами, остававшимися въ Каргалы, и возвратились къ Кастеку. Оказалось, что войско Канаать-парваначи въ тотъ же день ушло назадъ, и что ихъ послали къ Вѣрному хитростью, съ расчетомъ, чтобы русское войско не погналось за отступавшими. Султаны нагнали отступавшихъ у р. Кайнглы-Иргайты и поднесли плѣнныхъ русскихъ въ подарокъ Канаату-парваначи.

Прибывъ въ Токмакъ, Канаать-парваначи занялся возстановленіемъ укрѣпленія, а султаны, простившись съ нимъ, вернулись въ Туркестанъ къ своимъ родичамъ.

Г Л А В А IV.

Причина переселенія сыновей Кенисары- хана на берега р. Сыра.

По возвращеніи изъ-подъ Вѣрнаго, братья стали совѣщаться между собою. Султаны Тайчикъ и Ахметъ говорили: „И раньше уже кокандское войско потерпѣло пораженіе подъ Акъ-Мечетью(*) и на этотъ разъ 40.000 чел. побѣждены 800 русскихъ. Судя по этому, могущество Коканда близко къ паденію, и русскіе, вѣроятно, скоро займутъ эту страну. Поэтому, не ожидая занятія, перейдемъ на сторону Россіи и будемъ служить ей, если это удастся; въ противномъ случаѣ будемъ пользоваться спокойствіемъ въ подданствѣ у ней“. Султану Садыку не понравилось такое предположеніе. Онъ возразилъ: „Я не пойду къ русскимъ, бросивъ путь, по которому шли мои предки. Если русскіе возьмутъ Кокандъ, я перейду въ Бухару; если возьмутъ Бухару, я пойду въ другое мусульманское государство. Такихъ много. Но я не оставляю пути моего отца!“

Султанъ Садыкъ остался въ Туркестанѣ, а султаны

(*) Акъ-Мечеть, теперь г. Перовскъ. Акъ-Мечеть взята штурмомъ въ 1853 году.

Тайчикъ и Ахметъ со всѣмъ подвластнымъ имъ народомъ въ 1861 году перекочевали на берега р. Сыръ-Дарьи и явились къ находившемуся въ г. Перовскѣ начальнику Сыръ-Дарьинской линіи генералу Дебу съ изъявленіемъ покорности. Въ этомъ же году они, при взятіи крѣпости Яны-Курганъ (*), были на сторонѣ Россіи и оказали государству большія услуги, за что, въ 1862 году, оба получили въ награду чины заурядъ-хорунжихъ.

Переходъ ихъ доставилъ Россіи большія выгоды. Такъ по ихъ увѣщаніямъ перешли въ подданство Россіи, подчинившіеся Туркестану часть отдѣленій родовъ Кунградъ и Кыпчакъ и колѣно Сунакъ, киргизы, живущіе въ долині р. Чу и много другихъ. Кромѣ того оба брата съ своими джигитами сторожили лѣтомъ и зимою границу между русскими и кокандскими владѣніями, отражая силою войска, приходившія со стороны Туркестана.

Въ 1863 году со стороны Туркестана подошло большое войско и разгромило киргизскіе роды, подчинившіеся Россіи. Тогда оба брата, султаны Тайчикъ и Ахметъ, взявши изъ Джулека четыреста верховыхъ киргизовъ, встрѣтили кокандское войско близъ уроч. Кара-мурунь, обратили его въ бѣгство и возвратили похищенное кокандцами имущество. Въ этой стычкѣ трое кокандскихъ военачальниковъ: Бектибай-батырь и Айдарбекъ-батырь, изъ рода Канглы, и Тиль-ходжа-батырь, изъ рода Кунградъ, увидавъ предъ собою султана Тайчика, напали на него сразу всѣ трое. Султанъ Тайчикъ бросился имъ на встрѣчу и на пути пронзилъ пикою Бектибая, сына Джалантусъ-батыря;

(*) Крѣпость Яны-Курганъ взята генералъ-лейтенантомъ Дебу 23 Сентября 1861 года

остріе пика, попавъ въ ротъ, вышло въ затылокъ. Бектибай этимъ ударомъ былъ убитъ наповалъ. Въ это время Тиль-ходжа-батырь поразилъ султана Тайчиба пикою въ лѣвое плечо, спереди. Тайчигъ удержался на лошади, но отъ силы удара сѣдло съѣхало ей на крестецъ. Конецъ пика сломался, и одна пядь желѣза осталась въ тѣлѣ. Отъ этой раны умеръ султанъ Тайчигъ. „Мы отъ Бога и возвратимся къ Богу!“(*)

Султанъ Ахметъ остался въ русской службѣ, участвовалъ въ разныхъ походахъ и получилъ нѣсколько чиновъ. Въ 1867 году, когда былъ образованъ Туркестанскій край и назначенъ генералъ-губернаторъ, онъ получилъ мѣсто младшаго помощника начальника Чимкентскаго уѣзда и находился въ этой должности до новыхъ штатовъ 1887 года (**).

(*) Въ средѣ киргизовъ до сего времени сохранилось воспоминаніе о Тайчигѣ, какъ о храбромъ, удаломъ наѣздникѣ, похожемъ въ этомъ отношеніи на своего дядю Наурузбая.

(**) Киргизы сѣверныхъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области подъ названіемъ *штатовъ* подразумѣваютъ положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ.

Въ 1887 году султанъ Ахметъ Кенисаринъ былъ оставленъ за штатомъ и ему была назначена пенсія въ 750 руб. въ годъ. Умеръ въ ноябрѣ 1888 года.

Г Л А В А V.

Дѣятельность султана Садыка до взятія русскими Ташкента.

Послѣ того, какъ султаны Тайчигъ и Ахметъ перешли на сторону Россіи, султанъ Садыгъ, въ 1864 году, по приказанію кокандскаго хана, былъ назначенъ хакимомъ (начальникомъ) Сузаба(*), и ему было поручено наблюденіе за русскою границею.

Въ этомъ году полковникъ Веревкинъ, начальствовавшій надъ войскомъ, пришедшимъ со стороны Оренбурга, осадилъ г. Туркестанъ(**). Узнавъ объ этомъ, султанъ Са-

(*) Сузакъ, населенъ сартами, находится на сѣверной сторонѣ Каратавскихъ горъ. Въ указываемое время опредѣленной границы между Сыръ-Дарьинскою линіею и кокандскимъ ханствомъ не было. Крайнею, восточною точкою нашихъ владѣній было укр. Джулекъ на р. Сыръ; кокандцы владѣли г. Туркестаномъ, Сузакомъ и Чулакъ Курганомъ, (последніе за Каратавскимъ хребтомъ). По причинѣ отсутствія ясно опредѣленной границы, на пространствѣ между указанными пунктами происходили столкновенія между подчинившимися намъ киргизами и подданными Боканда, вызывая вмѣшательство, какъ русскихъ, такъ равно и кокандскимъ отрядамъ.

(**) См. приложение 5 въ концѣ книги.

дыкъ покинулъ Сузакъ и пошелъ съ своими джигитами на помощь къ кокандцамъ чрезъ Баратавскія горы, которыя и перешелъ по Суондукскому ущелью. Ночью онъ пришелъ въ Туркестанъ, а утромъ узналъ, что русское войско уже нѣсколько дней осаждаетъ городъ, и что кокандцы кромѣ стрѣльбы изъ ружей и пушекъ ничего рѣшительнаго не предпринимаютъ. Между тѣмъ русскіе уже подвели подкопъ подъ городскую стѣну съ восточной стороны и готовились наполнить его порохомъ(*). Видя, что кокандскіе военачальники не знаютъ, какъ предотвратить взрывъ, султанъ Садыкъ въ ту же ночь выбралъ изъ своихъ джигитовъ сто человекъ пѣшихъ, вышелъ въ полночь за стѣну, напалъ на копавшихъ солдатъ, убилъ изъ нихъ пять человекъ, а прочихъ обратилъ въ бѣгство, и ночью же привезъ въ городъ тридцать ружей, и всѣ инструменты работавшихъ солдатъ. Послѣ этого въ теченіи трехъ дней не было столкновеній, такъ какъ русскіе приостиновили работы.

На третій день султанъ Садыкъ сказалъ туркестанскому хакиму (начальнику) Мурза-Даулету: „Выдерживая пассивно осаду, мы не можемъ побѣдить непріятели. Сдѣлаемъ ночью общую вылазку.“ На это Мурза-Даулетъ возразилъ: „Мои сарты не выйдутъ за стѣну. Если вы сами сдѣлаете вылазку, то я противъ этого ничего не имѣю“.

Главный туркестанскій аксакаль Джанти-Утебовъ предупредилъ генерала(?) Веревкина, чрезъ лазутчиковъ, что въ эту ночь Садыкъ-тюря собирается сдѣлать вылазку. По-

(*) По нашимъ свѣдѣніямъ Садыкъ пришелъ въ Туркестанъ 10 іюня, когда подкопа сдѣлано еще не было, а велись траншеи.

лучивъ такое извѣстіе, русскіе приготовили пушки и ружья и стали ожидать. Въ полночь султанъ Садыкъ и, сынъ Косумъ-ходжи, Курбанджанъ-Махзумъ вышли изъ города съ двумя сотнями и увидѣли, что они замѣчены русскими часовыми. Не смотря на это, они быстро повели въ атаку свои сотни. Русскіе дали имъ подойти очень близко и тогда дали залпъ изъ пушекъ и ружей. Атакующіе однако не остановились предъ ружейнымъ огнемъ, а вступили въ рукопашный бой на сабляхъ, перешли ровъ, окружавшій пушки, но были отброшены солдатами. Бой продолжался цѣлый часъ. Неизвѣстно, сколько пало русскихъ, изъ мусульманъ же пали за вѣру Курбанджанъ-Махзумъ и сорокъ его джигитовъ, а пятьдесятъ было ранено. Обѣ стороны отступили на свои позиціи.

Пять дней спустя аксакаль Джанти, рано утромъ, самъ отворилъ ворота русскимъ и впустилъ ихъ въ Туркестанъ. Послѣ этого султанъ Садыкъ вмѣстѣ съ туркестанскимъ хакимомъ Мурза-Даулетомъ удалились въ Чимкентъ(*).

Недѣлю спустя, занимавшій ханскій престолъ(**) въ Кокандѣ Мулла-Алимкулъ, пришелъ въ Чимкентъ съ большимъ войскомъ. Въ то же время со стороны Сибири двинулся генералъ Черняевъ и взялъ Аулиеата(***).

Будучи извѣстенъ Муллѣ-Алимкулу, султанъ Садыкъ получилъ отъ него прежнее званіе пансата.

Спустя мѣсяць пришло извѣстіе, что изъ Аулиеата

(*) См. приложение 6 въ концѣ книги.

(**) Это невѣрно. Алимкулъ, предводитель партіи кипчаковъ, не занималъ ханскаго престола, хотя и былъ полномочнымъ регентомъ при ханѣ Султанъ-Сейдѣ (1863—1865 г.г.)

(***) г. Аулиеата занятъ 5 Іюня 1864 года.

идеть генералъ Черняевъ, а изъ Туркестана другой отрядъ. Последний, состоящій изъ трехъ сотъ человѣкъ, подходилъ къ Чимбенту съ западной стороны. Мулла-Алимулъ встрѣтилъ его со всѣми своими силами въ мѣстности Акъ-булагъ. Онъ надѣялся разбить этотъ отрядъ раньше прихода генерала Черняева. Въ полдень онъ приказалъ всѣмъ спѣшиться и атаковать. Русскіе зарядили орудія картечью, приготовили ружья и подпустили атаковавшихъ безъ выстрѣла. Когда султанъ Садыкъ, идя впереди со знаменемъ, подвелъ своихъ джигитовъ на сто шаговъ, русскіе дали залпъ изъ трехъ сотъ ружей. Изъ джигитовъ, двигавшихся густою толпою, укрываясь другъ за другомъ, первый рядъ былъ распростертъ на мѣстѣ, задніе же ряды, со страха, упали на землю. Изъ 10.000 человѣкъ ни одинъ не поднялъ головы!.. Только султанъ Садыкъ, со знаменемъ въ рукѣ, простоялъ съ часъ во ста шагахъ отъ русской линіи. Солдаты стрѣляли въ него такъ ожесточенно, что полотно знамени было все продырявлено подобно сити; дѣлаго мѣста въ немъ не осталось! Но Богъ сохранилъ султана Садыка невредимымъ. Черезъ часъ Мулла-Алимулъ послалъ людей, чтобы отозвать его. Когда Садыкъ пошелъ назадъ, то и лежавшіе грудями джигиты поднялись и ушли съ нимъ.

Въ этомъ нападеніи было убито тысяча человѣкъ; трупы ихъ увезены вечеромъ.

На слѣдующій день Мулла-Алимулъ подвезъ большія пушки и сталъ стрѣлять изъ нихъ въ окруженное войско. Рядамъ солдатъ, расположеннымъ густо, пришлось плохо: они стали дѣлать земляныя насыпи и укрываться за ними.

Если бы отрядъ пробылъ въ такомъ положеніи еще

немного времени, то былъ бы разбитъ, но генераль Черняевъ подоспѣлъ на помощь (*).

На другой день генераль Черняевъ, предводительствуя соединенными отрядами, повелъ ихъ на Чимгентъ. Когда онъ былъ у Коштегермена, въ пяти верстахъ отъ Чимгента, султанъ Садыкъ выѣхалъ для наблюденія за движеніями его войска въ сопровожденіи, приблизительно, шестидесяти человекъ. Генераль Черняевъ ѣхалъ впереди своей пѣхоты въ сопровожденіи офицеровъ и больше сотни человекъ конницы. Увидя находившагося въ Коштегерменѣ пѣшаго (**), генераль послалъ двухъ человекъ захватить его для разспросовъ. Султанъ Садыкъ, замѣтивъ это, послалъ за нимъ тоже двухъ человекъ. При видѣ этого генераль Черняевъ послалъ четырехъ человекъ; Садыкъ сдѣлалъ то же, т. е. и съ своей стороны послалъ тоже четырехъ человекъ. Наконецъ обѣ стороны поскакали къ Коштегермену въ равномъ числѣ и открыли упорную перестрѣлку, а сойдясь лицомъ къ лицу, вступили въ схватку на сабляхъ и батигахъ (***)). Въ это время и пѣшіе солдаты вступили въ бой и начали стрѣлять изъ ружей. Двигиты Садыка отступили, потерявъ четыре лошади; ранено было пять человекъ, убитыхъ же не было. У русскихъ было отбито 17 лошадей; раненыхъ у нихъ оказалось много, число же убитыхъ неизвѣстно (****).

(*) См. приложение 7 въ концѣ книги.

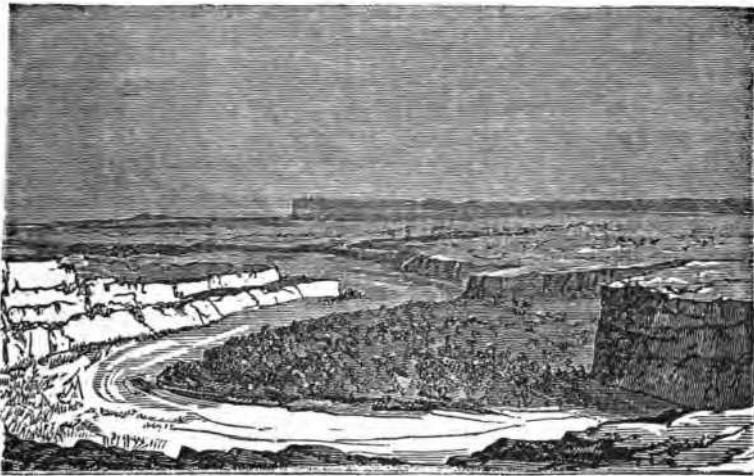
(**) Т. е. не имѣвшаго при себѣ лошади. При огромномъ распространеніи верховой ѣзды въ средней Азіи автору приходится, для точности, обозначать, какой былъ человекъ: конный или пѣшій.

(***) Батигъ—рукопашное оружіе въ видѣ дубини съ металлическимъ шаромъ съ шипами на концѣ.

(****) См. приложение 8 въ концѣ книги.

Генералъ Черняевъ осаждалъ Чимкентъ десять дней, въ теченіи конхъ каждадневно происходили стычки; наконецъ онъ отступилъ, не взявъ города. Послѣ этого Мулла-Алимкулъ усилилъ оборону города, набравъ гарнизонъ изъ сартовъ и киргизовъ. Кончивъ это дѣло, онъ поставилъ въ Ташкентѣ начальникомъ Мирза-Ахмета, а самъ съ кокандскими войсками ушелъ въ Кокандъ (*). Султанъ Садыкъ тоже перешелъ въ Ташкентъ.

Спустя три мѣсяца, генералъ Черняевъ снова подошелъ къ Чимкенту и взялъ его (**), въ пять-шесть дней. Султана Садыка на этотъ разъ въ Чимкентѣ не было.

Зимомъ, когда выпалъ снѣгъ, Мулла-Алимкулъ пришелъ (изъ Коканда) въ Ташкентъ съ кокандскимъ войскомъ,

(*) Сюда призывали его политическіе интересы его партіи (см. „Крат. Истор. Коканд. хан.“ соч. Наливкина).

(**) Чимкентъ взятъ штурмомъ 21 сентября 1864 г.

гдѣ и слышалъ подтвержденіе слуха о паденіи Чимкента. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Ташкентѣ, онъ однажды опросилъ, въ особыхъ аудіенціяхъ, мѣншія всѣхъ военачальниковъ о положеніи дѣла. Всѣ высказались, что зимою нельзя ничего предпринять, а нужно вернуться въ Кокандъ, чтобы выступить опять съ началомъ лѣта. Только султанъ Садыкъ сказалъ: „Не хорошо отступать предъ русскими безъ битвы послѣ столькихъ расходовъ на сборы и привода такого большого войска. Если не идти на Чимкентъ, то пойдемъ на Туркестанъ, гдѣ, по слухамъ, войска не много. Мы возьмемъ его, а если и не удастся, то все-таки приобрѣтемъ добрую славу“. Этотъ совѣтъ понравился Муллы-Алимбулу.

Разставивъ на всѣхъ дорогахъ караульщиковъ для предосторожности, онъ, въ продолженіи трехъ дней, приготовлялъ войско къ выступленію, а на четвертый день двинулся по сарнагачской дорогѣ(*) и въ полдень слѣдующаго дня дошелъ до береговъ р. Арыса. Султанъ Садыкъ, выбравъ изъ своихъ джигитовъ 800 челов., съ разрѣшенія Муллы-Алимкула, пошелъ впередъ въ сел. Чиликъ, гдѣ взялъ въ плѣнъ 60 челов. киргизовъ, сторожившихъ это селеніе, послѣ чего сталъ ожидать Алимкула, который и пришелъ съ главнымъ войскомъ за часъ до заката солнца. Въ ночь султанъ Садыкъ снова выступилъ впередъ съ своими восемьюстами джигитовъ и къ утру дошелъ до Икана, гдѣ схвативъ иканскаго аскакала Ибнъ-

(*) Сарнагачская дорога идетъ по кратчайшему разстоянію отъ Ташкента къ Туркестану. Отъ Ташкента до р. Арыса она идетъ пустынною, бугристою степью; Арысъ пересѣкаетъ нѣсколько ниже впаденія р. Бадама и чрезъ селенія Чиликъ и Иканъ достигаетъ Туркестана. Разстояніе до 230 верстъ.

Амина (*), снова остановился въ ожиданіи Алимкула.

Подъ Чиликомъ показались двѣнадцать джигитовъ киргизовъ, бывшихъ почтарями, подъ начальствомъ Тумана, изъ рода Бипчагъ. Султанъ Садыкъ послалъ на нихъ своихъ людей. Одинадцать человекъ изъ почтарей были схвачены, а двѣнадцатый ускакалъ.

Подойдя къ Игану, Мулла-Алимкулъ расположился противъ него съ главнымъ войскомъ съ чиликской стороны, Садыкъ же всталъ съ своими джигитами съ туркестанской стороны, выставивъ пикеты на туркестанскую дорогу.

Пикеты Садыка дали знать, что они видятъ двѣ приближающіяся толпы какихъ-то людей. Дѣло было ночью. Султанъ Садыкъ самъ выѣхалъ впередъ и остановился около дороги. Оказалось, что это были русскіе казаки(**), курившіе и разговаривавшіе между собою. Садыкъ далъ знать Мулла-Алимкулу и приготовилъ своихъ джигитовъ; въ свою очередь и Алимкулъ устроилъ свое войско и вывелъ его. Оказалось что, передъ ними находится сотня конныхъ русскихъ, подъ начальствомъ есаула Сѣрова. Увидя непріятеля, русскіе начали стрѣлять изъ ружей и пушекъ, спѣшились и были окружены со всѣхъ сторонъ; по нимъ

(*) Ибнъ-Аминъ въ послѣдствіи былъ младшимъ помощникомъ начальника Туркестанскаго уѣзда. Въ настоящее время живетъ въ отставкѣ, получая пенсію.

(**) Упомянувъ о нашихъ казакахъ, авторъ вездѣ называетъ ихъ „русскими казаками“, въ отличіе отъ киргизовъ, носящихъ тоже названіе „казакъ“. Нужно замѣтить, что уральцы, находясь на службѣ, отступаютъ отъ своего старовѣрскаго общаго и курятъ табакъ. Только при возвращеніи на родину, подходя къ своимъ станциямъ, курильщики разбиваютъ трубки и бросаютъ табакъ и куреніе до новаго наряда на службу.

тоже открыли стрѣльбу изъ ружей и пушекъ. Перестрѣлка продолжалась и послѣ восхода солнца. Въ полдень русскіе казаки возвели вокругъ себя ограду изъ навшихъ своихъ лошадей и продолжали отстрѣливаться. Въ это время пикеты, выставленные къ сторонѣ Туркестана, дали знать, что оттуда подходитъ приблизительно триста солдатъ. Узнавъ объ этомъ, Мулла-Алимгуль растерялся. Онъ спросилъ совѣта у своихъ военачальниковъ: „Если мы не можемъ уничтожить эти двѣ сотни русскихъ, то по присоединеніи къ нимъ еще трехъ сотъ солдатъ, мы не имѣемъ никакой возможности разбить ихъ. Что намъ дѣлать?“ Никто изъ военачальниковъ не нашелся, что посовѣтывать. „Вы сами рѣшите!“... говорили они. Тогда султанъ Садыкъ сказалъ Муллѣ-Алимгулу: „Вы съ главнымъ войскомъ нападите на этихъ русскихъ, а я съ своими людьми встрѣчу подходящихъ солдатъ и не допущу ихъ до васъ“. Такъ и было сдѣлано.

Султанъ Садыкъ встрѣтилъ подходившихъ солдатъ при Сасыкъ-булакѣ, по дорогѣ въ Туркестанъ, и вступилъ съ ними въ перестрѣлку, во время которой у него было убито шесть лошадей и ранено десять джигитовъ. Пули солдатъ не допускали подходить къ нимъ близко по обвужающей открытой мѣстности. Отстрѣливаясь, Садыкъ началъ отступать по дорогѣ въ Иканъ.

Такъ какъ очевидно нельзя было остановить наступленіе русскихъ, то султанъ Садыкъ придумалъ слѣдующую уловку: онъ оставилъ солдатъ и, со всѣми своими джигитами, пошелъ по направленію къ Туркестану. Это движеніе заставило русскій отрядъ подумать, что, вѣроятно, Садыкъ пошелъ къ Туркестану потому что, находящіеся впереди русскіе казаки уже взяты въ плѣнъ. Дѣйствительно,

русскіе повернули назадъ и пошли вслѣдъ за нимъ къ Туркестану. Султанъ Садыкъ остановился около Туркестана въ саду мазара, называемаго Али-ходжа-ата; къ закату солнца вернулись въ городъ и русскіе солдаты.

Видя это, султанъ Садыкъ поспѣшно возвратился въ Иканъ, куда прибылъ къ разсвѣту и узналъ, что русскіе все еще не разбиты, а продолжаютъ отстрѣливаться. Тогда султанъ Садыкъ сказалъ Алимбулу: „Этихъ русскихъ такимъ порядкомъ разбить нельзя, сколько бы вы не напали на нихъ. Мой отецъ, Кенисара-ханъ, при нападеніи на тагихъ, остановившихся и засѣвшихъ, русскихъ обыкновенно атаковалъ ихъ, защищаясь отъ пуль толстымъ, непроницаемымъ валомъ травы.“ Потомъ онъ приказалъ войску нарѣзать камыша и нарвать полыни и сдѣлать большія связки. Эти связки (мантелеты) покатили къ русскимъ, при чемъ для каждой было назначено по ста человѣкъ. Подкативши связки къ русскимъ возможно близко, нападавшіе выскочили изъ-за нихъ и бросились; въ это время главное войско подсказало сзади; русскіе были разрознены, частью убиты, а частью взяты въ плѣнъ и увезены. Начальникъ русскихъ казаковъ, есаулъ Сѣровъ, пробился черезъ кокандское войско и съ 30 казаками сталъ отступать къ Туркестану. Въ суматохѣ это прошло незамѣтнымъ. Увидѣвъ отступавшихъ русскихъ уже далеко, Садыкъ догналъ ихъ на ворономъ аргамакѣ и со словами: аманъ! аманъ! (*) поднялъ руку и остановился. Русскіе опустили(**) ружья и остановились. Въ это время сзади насабали сарты, незнавшіе о вступленіи султана Садыка въ

(*) Миръ! Миръ!

(**) Буквально сказано: оставили ружья.

переговоры, и на смерть закололи нѣсколькихъ русскихъ, безстрашно стоявшихъ предъ ними. Тогда есаулъ Сѣровъ приказалъ стрѣлять, и снова завязался бой. Въ это время изъ г. Туркестана подходили на выручку триста солдатъ.

Завидя ихъ появленіе на горизонтѣ, султанъ Садыкъ понялъ, что послѣ присоединенія онъ не легко справится съ русскими. Онъ собралъ своихъ людей и напалъ на казаковъ. Снова завязался ожесточенный бой. Самъ Садыкъ былъ раненъ пулею въ бедро; верховой конь его, раненый пятью пулями, палъ на мѣстѣ. Замѣтивъ паденіе съ лошади Садыка, Мулла-Алимкулъ прискакалъ съ главнымъ войскомъ, убилъ пятнадцать казаковъ и выручилъ султана Садыка. Съ пятнадцатью человѣками, оставшимися отъ двухъ сотъ казаковъ, есаулъ Сѣровъ соединился съ подошедшими на выручку солдатами и отступилъ въ Туркестанъ.

Съ мусульманской стороны въ этотъ дѣлъ пало 400 человѣкъ, и много было раненыхъ. Мулла-Алимкулъ вернулся въ Ибанъ, отсюда увезъ въ Ташкентъ аксакала Ибнъ-Амина и людей, годныхъ для службы(*).

(*) См. приложение 9 въ концѣ книги.

Г Л А В А VI.

Взятіе русскими Ташкента.

Въ 1865 году генералъ Черняевъ осадилъ(*) Ташкентъ. Десять дней спустя произошло сраженіе на Шорь-тюбе, въ которомъ Мулла-Алимкулъ нашелъ, отъ пули, смерть за вѣру. Войско его было разбито и заперлось въ Ташкентѣ(**).

Вскорѣ послѣ смерти Муллы-Алимкула кокандское войско разсѣялось: нѣкоторые убѣжали въ Кокандъ, у другихъ ташкентцы отняли лошадей и одежду. Въ это время ташкентцы и кокандцы какъ бы грабили другъ друга: каждый бралъ то, что смогъ взять. Видя это, султанъ Садыкъ собралъ своихъ людей и вмѣстѣ съ своими близкими друзьями, военачальниками султаномъ Арсланбекомъ, сы-

(*) Неточность выраженія. Осады не было, а была блокада, да и то не полная. Сраженіе на буграхъ Шорь-тюбе происходило 9-го мая 1865 года; въ этой битвѣ Алимкулъ былъ смертельно раненъ пулею и умеръ въ Ташкентѣ, гдѣ и имѣется его могила на шайхантаурскомъ кладбищѣ. Спустя два года послѣ взятія нами Ташкента, кости Алимкула были вырыты и тайно увезены его родными въ Фергану.

(**) См. приложение 10 въ концѣ.

номъ Кучака, и джалаиромъ Бекбау-датха, повелъ ихъ къ городскимъ воротамъ(*). Оказалось, что привратники бѣжали, оставивъ ворота не запертыми. Генераль Черняевъ, который объ этомъ не зналъ, обстрѣливалъ ворота издали. Султанъ Садыкъ распорядился засыпать землею всѣ двѣнадцать воротъ Ташкента и ко всѣмъ поставилъ своихъ людей. Вечеромъ онъ вернулся въ урду Муллы-Алимкула; генераль Черняевъ тоже возвратился на свой ночлегъ.

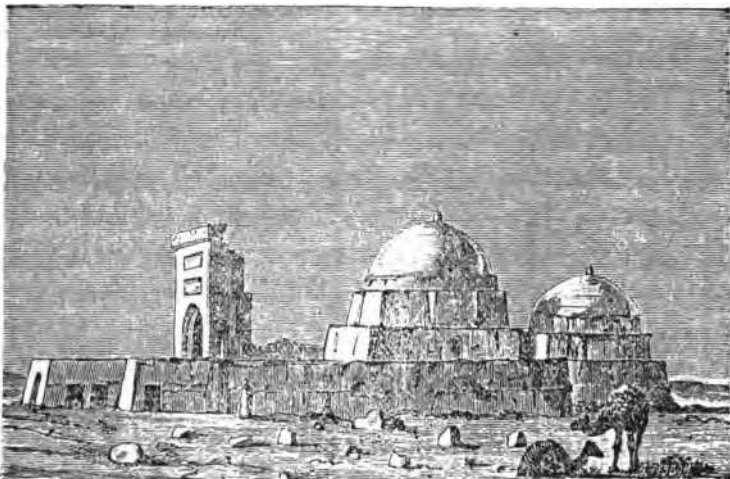
Послѣ этого созванный на совѣщаніе народъ Ташкента, Мулла-Салибекъ-ахунъ — главный казіи (кази-келянъ), Хакимъ-ходжа и другіе начальники и вліятельныя лица возвели султана Садыка въ званіе эмиръ-ляшкара (главнокомандующаго), вмѣсто Муллы-Алимкула, поручивъ ему Кокандское ханство и казну(**). Въ теченіи трехъ дней султанъ Садыкъ перемѣстилъ всѣхъ должностныхъ лицъ и опредѣлилъ каждому на подобающее ему мѣсто. Онъ собралъ кокандскихъ джигитовъ, велѣлъ возвратитъ имъ лошадей и одежду, и привелъ все войско въ годность къ бою.

На четвертый день генераль Черняевъ, узнавъ о смерти Муллы-Алимкула и о бѣгствѣ кокандскаго войска, при-

(*) Вѣроятно Кокандскія ворота, чрезъ которыя, а также и сосѣднія съ ними, вткнулись въ городъ разбитые ташкентцы, перейдя кан. Саларъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Беспорядочность отступленія изъ-подъ Шоръ-тюбе живо сохранилась въ памяти ташкентцевъ и до сего времени. Вотъ названія уничтоженныхъ теперь воротъ Ташкента: Бишъ-агачъ, Каймасъ, Юлдарсъ, Кокандъ, Кашгаръ, Лабзакъ, Карасарай, Сагуатъ, Джигатай, Кучи, Самаркандъ и Камеланъ, или иначе Камананъ.

(**) Въ это время въ Ташкентѣ находился кокандскій ханъ Султанъ-Сеидъ, бывший подъ строгою опекою Алимкула. Весьма естественно, что ташкентцы, послѣ смерти Алимкула, выбрали Садыка и дали ему права регента Кокандскаго ханства.

близился къ воротамъ Ташкента и началъ стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Въ теченіи почти трехъ дней онъ напрягалъ всѣ усилія ко взятію города: каждый день, съ утра до вечера, у всѣхъ воротъ происходили ожесточенныя атаки при неумолкающемъ ружейномъ и пушечномъ огнѣ. Наконецъ генералъ Черняевъ спросилъ у своихъ подчиненныхъ: „Мулла-Алимулъ умеръ; кто же теперь такъ храб-

ро сражается?“ Ему отвѣчали: „Вмѣсто Муллы-Алимула главнокомандующимъ сдѣлался султанъ Садыкъ, который и сражается теперь“. — „Этотъ человекъ, повидимому, не уступаетъ Муллѣ-Алимулу“, отвѣтилъ генералъ.

По истеченіи недѣли бой возобновился и продолжался тѣмъ же порядкомъ; каждый день происходило по битвѣ въ теченіи сорока дней. Султанъ Садыкъ съ утра до вечера велъ пальбу изъ пушекъ и ружей, а по ночамъ, вплоть до

разсвѣта, самъ объѣзжалъ ворота, соблюдая всѣ предосторожности. Видя такую дѣятельность, военачальники, пришедшіе съ кокандскими войсками (*), начали совѣтываться между собою, говоря: „Кажется русскіе не могутъ теперь взять города; если они отступятъ, то вышедшій изъ киргизовъ тюрк(**) будетъ править Ташкентомъ и Кокандомъ, а мы лишимся власти“. Они замыслили убить султана Садыка. Узнавъ объ этомъ, ташкентцы, со всѣми своими начальниками явились къ нему и донесли о существованіи заговора: „Эти кокандцы вѣроломный народъ! Казни, которыхъ они устраивали своимъ ханамъ, начали устраивать и намъ. Позвольте намъ перебить ихъ, каждаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ будетъ захваченъ“, сказали они. Султанъ Садыкъ не согласился на это. Онъ отослалъ ташкентцевъ, сказавъ имъ: „Намъ не слѣдуетъ рѣзать другъ друга изъ честолюбія въ то время, когда передъ нами стоитъ непріятель. При томъ же они еще не показали открыто своей вражды“.

Но всѣмъ этимъ сердце султана Садыка было сильно встревожено. Вскорѣ онъ возымѣлъ новую мысль. Собравъ всѣхъ начальниковъ Ташкента, онъ держалъ къ нимъ слѣдующую рѣчь: „Въ кокандцахъ мы узнали враговъ. Между тѣмъ насъ осаждаютъ такой сильный непріятель, какъ русское войско. Чтобы выпутаться изъ затрудненій, примемъ подданство бухарскаго эмира и попросимъ у него помощи“. Всѣ одобрили этотъ совѣтъ. Тогда Садыкъ отправилъ къ бухарскому эмиру, Абдуль-Музаффаръ-хану, посоль-

(*) Очевидно, приближенные бывшаго регента Алимкула и управлявшіе вмѣстѣ съ нимъ дѣлами ханства.

(**) Тюрк или тура, соб. значить, господинъ, начальникъ; лицо „бѣлой кости“—дворянинъ.

ство, съ подарками, изъ ташкентскихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ были: главный казіи Хакимъ-ходжа, ишанъ Абдуль-Касымъ ханъ, Гусфендузь-махзумъ, и киргизы: Мулла-Кошикъ-датха, рода Шенчылы, Туртбай-датха, изъ рода Дулатъ, и другіе. Согласившись на ихъ просьбу, бухарскій эмиръ послалъ своего токсабу, по имени Тайчибека(*), съ пятью джигитами въ Ташкентъ для принятія начальства. Когда токсаба прибылъ, султанъ Садыкъ передалъ ему начальство надъ Ташкентомъ и выѣхалъ изъ урды(**).

Со времени оставленія султаномъ Садыкомъ должности сторожевая служба у воротъ и прочіе военные порядки стали соблюдаться нерадиво, и способы войны сокращались день ото дня, такъ что вскорѣ по приходѣ Тайчибека-токсабы генералъ Черняевъ, на разсвѣтѣ, произвелъ нападеніе, вошелъ чрезъ Камеланскія ворота и взялъ Ташкентъ(***).

(*) По русскимъ свѣдѣніямъ прибывшій бухарскій сановникъ былъ по имени Искендеръ-бегъ.

(**) Занятіе урды Ташкента, гдѣ были казенныя кокандскія зданія, означало вступленіе въ командованіе городомъ, выѣздъ—отказъ отъ власти. Тоже въ Кокандѣ, Ходжентѣ и другихъ городахъ.

(***) См. приложение 11 въ концѣ.

Г Л А В А VII.

Участіе Садыка въ войнѣ съ Бухарою.

Послѣ взятія Ташкента, султанъ Садыкъ оставилъ городъ съ своими людьми, переправился чрезъ р. Сыръ-Дарью у Чиназа и пришелъ въ Джизакъ, принадлежащій Бухарѣ. Явившись къ джизакскому беку, по имени Ягубъ-беку, онъ оставилъ свое семейство и джигитовъ въ окрестностяхъ Джизака, а самъ, въ сопровожденіи только двадцати джигитовъ поѣхалъ представиться бухарскому эмиру Музаффаръ-хану. Эмиръ далъ султану Садыку и Арслан-беку, а равно всѣмъ его джигитамъ, подарки и отпустилъ съ предписаніемъ джизакскому беку Ягубъ-бекъ-инаку выдавать имъ и всѣмъ ихъ джигитамъ жалованье отъ казны.

Во время пребыванія султана Садыка въ Джизакъ генералъ Черняевъ появился съ войскомъ въ пяти верстахъ отъ города. Простоявъ здѣсь три дня, на четвертый онъ повелъ колонны противъ Джизака. Для встрѣчи и отраженія его выстроились бухарское и самаркандское ополченія. Когда обѣ стороны сблизились, генералъ Черняевъ приказалъ дать залпъ изъ пушекъ и ружей: ядра попали въ густую толпу войска, разорвались и убили нѣсколько чловѣкъ. Все бухарское войско опрометью бросилось бѣжать.

Продолжая стрѣлять изъ пушекъ, русскіе вошли въ черту садовъ Джизака. Они были уже у базара, когда султанъ Садыкъ, не упуская ихъ изъ вида, слѣдя подъ прикрытіемъ садовъ, подошелъ къ нимъ съ 160 джигитами и изъ за забора сада далъ по нимъ залпъ изъ шестидесяти ружей. Въ густой толпѣ солдатъ, двигавшейся по улицѣ, многіе были ранены, а нѣкоторые убиты(*). Видя это, русскіе затрубили въ трубы, и авангардъ ихъ повернулъ назадъ, при чемъ дождь пуль посыпался на заборъ, за которымъ стояли киргизы. Послѣ стрѣльбы, солдаты отступили, преслѣдуемые киргизами Садыка до выхода изъ садовъ. Во все время этого отступленія киргизы, скрываясь за заборами, стрѣляли въ русскихъ.

Выйдя на открытое мѣсто, генералъ Черняевъ собралъ все свое войско и повернулъ назадъ къ лагерю. Главное бухарское войско, видя отступленіе русскихъ, двинулось за нимъ, но держалось на разстояніи дальняго ружейнаго выстрѣла и не посмѣло сблизиться(**) и завязать бой. Генералъ Черняевъ отходилъ, имѣя впереди себя пѣхоту, а позади конницу. Султанъ Садыкъ съ своими ста шестьдесятю джигитами напалъ на сотню казаковъ, оставшую отъ главнаго войска, и послѣ короткой схватки отбилъ у нихъ одиннадцать лошадей.

(*) Случай этотъ извѣстенъ въ средѣ участниковъ движенія къ Джизаку, хотя въ реляціяхъ впечатлѣніе залпа на войска нѣсколько ослаблено.

(**) Разсказъ касается эпизодовъ извѣстнаго неудачнаго движенія ген. Черняева на Джизакъ въ Январѣ 1866 года. Бухарцы и не предполагали вступать въ бой, такъ какъ войны объявлено не было.

Послѣ этого генералъ Черняевъ, простоявъ въ лагерѣ съ недѣлю, ушелъ на берегъ р. Сыръ-Дарьи(*)).

Между тѣмъ бухарскій эмиръ пришелъ въ Джизакъ во главѣ большого войска и со многими пушками. Простоявъ здѣсь нѣсколько времени, онъ собралъ всѣ части своего войска вмѣстѣ и двинулся черезъ Ура-тюбе на стоянку генерала Черняева(**). Въ это время русское войско было занято возведеніемъ крѣпостнаго вала на берегу р. Сыръ-Дарьи, у Чиназа. Султанъ Садыкъ подумалъ: „Если я буду находиться посреди большого войска, то не приобрѣту славы: всякій успѣхъ будетъ приписанъ эмиру. Я хочу дѣлать дѣло самъ своими силами“. По этому онъ обратился къ эмиру съ просьбою разрѣшить ему напасть на русскихъ со стороны Чардары(***). Эмиръ одобрилъ этотъ планъ и отпустилъ его, выдавъ ему тысячу рублей на дорожные расходы.

Сотню своихъ джигитовъ подъ начальствомъ родственника султана Арсланбега, сына Кучака, и Бекбау-датха, изъ рода Джалаиръ, Садыкъ оставилъ при главномъ войскѣ эмира, а самъ, въ надеждѣ на наборъ джигитовъ между киргизами, кочующими на берегахъ Сыръ-Дарьи, отправился въ уроч. Чардары только съ 63 джигитами. Пробывъ въ дорогѣ три дня, онъ, рано утромъ спустился къ Сыръ-Дарьѣ противъ Чардары. Во время отдыха, который былъ

(*) См. приложение 12 въ концѣ книги.

(**) Указаніе мѣстности совершенно непонятное. Какъ извѣстно, эмиръ изъ Ура-тюбе вышелъ на берегъ Сыра у Ирджара, гдѣ и былъ разбитъ 8 Мая 1866 г.

(***) Кокандская крѣпость на правомъ берегу Сыра, верстахъ въ семьдесятъ ниже Чиназа; она была брошена кокандцами безъ боя.

необходимъ и себѣ, и лошадямъ, Садыкъ вдругъ замѣтилъ, что въ пески, за уроч. Чардары, движется большая толпа народа. Онъ послалъ развѣдать двоихъ джигитовъ, которые, вернувшись, привели съ собою какого-то киргиза. На допросѣ киргизъ показалъ, что четыреста человѣкъ изъ войска генерала Черняева подошли къ крѣпости Чардары, но

чардаринскій бекъ Атабай-токсаба бросилъ укрѣпленіе и бѣжалъ; въ настоящее время русскіе ѣздятъ въ окрестностяхъ Чардары и грабятъ киргизовъ, которые и бросились бѣжать отъ нихъ.

Султанъ Садыкъ взялъ захваченнаго киргиза въ проводники и поѣхалъ по направленію къ русскимъ. Вскорѣ

среди песковъ онъ увидѣлъ около сотни русскихъ казаковъ, которые гнали передъ собою верблюда съ тюками и разный скотъ. Притаившись за песчаными буграми, Садыкъ подпустилъ ихъ къ себѣ возможно близко и напалъ на нихъ. Казаки храбро встрѣтили нападеніе, дали по выстрѣлу изъ ружей, послѣ чего обѣ стороны вступили въ рукопашный бой. Командиръ казаковъ Ивановъ(*) и еще одинъ офицеръ очутились лицомъ къ лицу съ Садыкомъ. Три выстрѣла, сдѣланные въ него изъ шестиствольнаго револьвера, благодаря Бога, не попали. Садыкъ наскочалъ на офицера, свалилъ его ударомъ сабли съ бѣлаго аргамака и захватилъ этого коня. Намѣстѣ схватки, вмѣстѣ съ офицеромъ, было убито шесть русскихъ; кромѣ того было отбито тридцать лошадей и все награбленное у киргизовъ имущество. Изъ джигитовъ султана Садыка было ранено десять человѣкъ, но легко, и никто изъ нихъ не умеръ.

Послѣ схватки Садыкъ вернулся къ мѣсту первоначальной своей стоянки у болотистаго берега рѣки; туда же подошли и казаки, то остановились на ночлегъ по другую сторону болота. Ночью они ушли, и Садыкъ не замѣтилъ этого, такъ какъ крѣпко заснулъ.

Султанъ Садыкъ, набравъ небольшое войско изъ киргизовъ рода Кунградъ, вступалъ въ перестрѣлку съ плывшими вверхъ по рѣкѣ пароходами и сжегъ топливо, состоящее изъ кореньевъ, приготовленное для пароходовъ.

Пробывъ еще нѣсколько дней на берегахъ Сыра, онъ, по полученіи извѣстія о пораженіи эмира подъ Майда-джин-

(*) Въ нашихъ реляціяхъ не упоминается объ этомъ дѣлѣ. Что касается перестрѣлки Садыка съ нашими пароходами, то объ этомъ было хорошо извѣстно въ то время.

гыломъ(*) и бѣгствѣ его въ Самаркандѣ, отправился въ этотъ городъ, явился къ эмиру и поднесъ ему головы убитыхъ русскихих(**) и отнятыхъ у нихъ лошадей. Эмиръ сильно обрадовался этому, почтилъ его богатыми подарками и взялъ съ собою въ Бухару.

Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Бухарѣ, изъ Ташкента пришло извѣстіе, что генералъ Черняевъ уѣхалъ въ Петербургъ, а на его мѣсто пріѣхалъ генералъ Кауфманъ и собирается взять Джизакъ(***). Получивъ это извѣстіе, эмиръ послалъ въ Джизакъ все свое войско. Впрочемъ эмиръ былъ съ Садыкомъ еще въ Самаркандѣ, какъ уже слышалъ о взятіи русскими Ура-тюбе и Джизака. Въ это время эмиръ послалъ пословъ въ Хиву и къ турemenамъ съ просьбою о помощи; они дали 10.000 челов. Собравъ всѣ свои силы вмѣстѣ, эмиръ отправилъ 30.000 человѣкъ къ Гишъ-купрюку(****), куда, какъ онъ слышалъ, уже шелъ генералъ Кауфманъ.

(*) Пораженіе эмира генераломъ Романовскимъ подъ Ирджаромъ (8 Мая 1866 г.). Майда-джингыль (по реляціямъ Майда-джинганъ) озеро, близъ котораго былъ расположенъ передовой лагерь непріятеля.

(**) Поднесеніе начальнику головъ убитыхъ непріятелей есть очень древній азіатскій обычай, свойственный какъ аріискимъ, такъ равно и турецкимъ народностямъ.

(***) Очевидная путаница въ разсказѣ, не исправленная авторомъ. Послѣ Ирджара, гдѣ войсками командовалъ уже генералъ Романовскій, 24 мая былъ взятъ Ходжентъ подъ его же начальствомъ; Ура-тюбе взято 2-го, а Джизакъ 18 октября подъ начальствомъ генерала Крыжановскаго. Генералъ Кауфманъ пріѣхалъ въ Ташкентъ въ концѣ 1867 года.

(****) Русское названіе—Каменный мостъ, почти на полдорогѣ между Джизакомъ и Самаркандомъ.

Въ это время султанъ Садыкъ, съ разрѣшеніи эмира, двинулся на Казалинскъ съ своимъ киргизскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ 800 человекъ. Услышавъ о приближеніи Садыга, казалинскій начальникъ выслалъ, изъ мѣстныхъ войскъ, двѣсти конныхъ казаковъ на Сары-булагъ, находящійся на хивинской(*) сторонѣ, въ разстояніи полудневнаго перехода отъ Казалинска. Отрядъ расположился въ двухъ верстахъ отъ источника(**) на высокомъ песчаномъ холмѣ, и послалъ къ источнику лошадей и верблюдовъ подъ конвоемъ шестидесяти человекъ. Въ это время къ источнику подошелъ и Садыкъ; онъ немедленно напалъ на конвойныхъ казаковъ, сбилъ ихъ всѣхъ съ лошадей и забралъ какъ лошадей, такъ и верблюдовъ. Сто сорокъ казаковъ, оставшіеся на песчаномъ холмѣ, еще не успѣли узнать объ этомъ, какъ султанъ Садыкъ приказалъ собрать саксаулу, джингылу(***) и другихъ кустарниковъ, связать изъ нихъ связки, непроницаемыя для пуль, и подкатилъ ихъ къ холму съ трехъ сторонъ. Увидя это, казаки тоже укрѣпились, сдѣлавъ насыпи изъ песка. Киргизы, подкатывая связки и стрѣляя изъ-за нихъ, продолжали нападеніе три дня. Русскіе были въ весьма тяжеломъ положеніи: безъ воды между раскаленнымъ солнцемъ пескомъ. Не вынося безводія (жажды) и жары песка, они три раза дѣлали вылазки съ холма къ подкатываемымъ связкамъ. Однажды, когда они, стрѣляя изъ ружей, подбѣжали къ связкамъ на дмину ве-

(*) Т. е. на лѣвой сторонѣ р. Сыръ-Дарья, носящей названіе и теперь „хивинской стороны“.

(**) Сары-булакъ знач. желтый родникъ или источникъ, находится въ 143 вер. отъ Казалинска, на Куванъ-Дарьѣ, а не такъ близко, какъ говоритъ авторъ.

(***) Гребеньщикъ (Tamağix).

ревки(?), вдругъ появились лезутчики съ извѣстiями, ходившіе къ сторонѣ Перовска. Джигиты Садыка, набранные имъ изъ ташкентскихъ киргизовъ, всѣ стали проситься домой. Не находя возможнымъ отказать имъ въ этой просьбѣ, султанъ Садыкъ отступилъ, захвативъ съ собою отбитыхъ у русскихъ лошадей и верблюдовъ.

Въ этомъ дѣлѣ изъ войска султана Садыка было ранено сорокъ, и убито двадцать два человѣка. Кромѣ убитыхъ въ началѣ дѣла шестидесяти человѣкъ, сколько именно русскіе потеряли убитыми — неизвѣстно. Оставшіеся въ живыхъ казаки встрѣтили шедшій изъ Хивы караванъ, съели на верблюдовъ и уѣхали въ Казалинскъ*).

Султанъ Садыкъ вернулся во владѣнія Бухары, остановился въ кишлакѣ Тамлы** и послалъ бухарскому эмиру донесеніе о совершенномъ имъ наѣздѣ. Эмиръ, чрезвычайно обрадованный этимъ, отрядилъ султана Садыка противъ русскихъ къ Гишъ-купрюку въ подмогу раньше высланному войску. Садыкъ оставилъ Тамлы, прошелъ Кызылгумами къ Джизаку, а отсюда повернулъ къ Гишъ-купрюку. На этомъ послѣднемъ переходѣ онъ нечаянно встрѣтилъ сотню русскихъ, шедшихъ изъ Джизака къ Гишъ-купрюку. Увидѣвъ другъ друга, обѣ стороны вступили въ перестрѣлку. Киргизы подошли ближе; русскіе спѣшились всею толпою; примѣру ихъ послѣдовали и люди Садыка. Произошла пѣшая схватка, продолжавшаяся часъ. Наконецъ русскіе отступили назадъ, ведя лошадей въ поводу и упорно от-

(*) См. приложение 13 въ концѣ книги.

(**) Оазисъ Тамды въ Кызылгумской пустынѣ, гдѣ и теперь имѣются киргизскія зимовки (естау). Тамды по книжному пишется и выговаривается Тамли.

стрѣливаясь. Садыкъ не преслѣдовалъ отступавшихъ, а остался на мѣстѣ боя.

Въ этой стычкѣ у русскихъ было убито двадцать человекъ, а сколько ранено — неизвѣстно; Садыкъ потерялъ убитыми 25 человекъ, а ранеными 40 человекъ(*).

Переночевавъ на мѣстѣ стычки, султанъ Садыкъ на другой день пошелъ къ Гишъ-купрюку, гдѣ и увидѣлъ, что русское войско уже разбило (?) бухарцевъ, и они уже отступили(**). Султанъ Садыкъ пошелъ вслѣдъ за бухарскимъ войскомъ въ Бухару, гдѣ и представился эмиру.

На слѣдующій годъ генералъ Кауфманъ двинулся съ войскомъ на Самаркандъ. Узнавъ объ этомъ, эмиръ немедленно послалъ всѣ свои войска къ Самарканду, а султану Садыку съ войскомъ, набраннымъ изъ степныхъ киргизовъ, приказалъ двинуться въ Нураты.

Здѣсь султанъ Садыкъ набралъ изъ киргизовъ тысячу человекъ и пошелъ по дорогѣ къ Самарканду. На пути встрѣтили его какіе-то люди и сообщили ему слѣдующее: „Недалеко отсюда въ горахъ живетъ гальча(***) , по имени Назаръ; онъ собралъ около себя нѣсколько бродягъ и грабить всѣхъ встрѣчныхъ безъ исключенія, наводя ужасъ на народъ. На высокой горѣ у него имѣется неприступная крѣпость. Онъ похитилъ у насъ сто лошадей и триста вер-

(*) См. приложение 14 въ концѣ книги.

(**) Разсказъ касается, очевидно, мелкихъ стычекъ съ бухарцами въ теченіи 1867 года, послѣ взятія Джизака, на новой пограничной линіи, не опредѣленной еще договоромъ съ Бухарою.

(***) Гальча — горный таджикъ. По русскимъ свѣдѣніямъ Назаръ считался узбекомъ. Этотъ авантюристъ былъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Назаръ-баракъ, т. е. Назаръ-разбойникъ.

блюцовъ, по и кромѣ насъ имъ ограблено много народа. Онъ не подчиняется ни русскому царю, ни бухарскому эмиру, а живетъ независимо и грабить всѣхъ, кого сможетъ". Выслушавъ это, султанъ Садыкъ послалъ къ Назару пословъ съ требованіемъ во первыхъ, чтобы онъ возвратилъ народу отнятое у него имущество, а во вторыхъ, чтобы явился самъ и покорился бухарскому эмиру. Назаръ-батырь отвѣтилъ: „Мое независимое положеніе не уступаетъ ни чьему. Я не желаю никому покориться и не выдамъ отнятаго имущества. Если султанъ Садыкъ сможетъ, то пусть обрушить мою крѣпость мнѣ на голову“...

Услышавъ такой отвѣтъ, султанъ Садыкъ пошелъ въ горы противъ Назара. Его крѣпость находилась на высокой горѣ, носящей названіе Нурекъ(*). Съ двухъ сторонъ вели къ ней дороги столь узкія, что двумъ лошадямъ рядомъ не было возможности двигаться. Крѣпость казалась неприступною. Султанъ Садыкъ, расположивъ свое войско у подножія горы, выбралъ восемьсотъ самыхъ храбрыхъ джигитовъ, раздѣлилъ ихъ на два отряда, по четыреста человѣкъ въ каждомъ; надъ однимъ отрядомъ онъ принялъ команду самъ, а другой поручилъ Джауке-батыру изъ рода Аргынъ. Каждый отрядъ двинулся по одной изъ двухъ дорогъ, которыя вели къ крѣпости съ разныхъ сторонъ. Всѣ начали вараваться къ крѣпости пѣшіе и когда достигли ея, Назаръ-батырь выславъ людей къ нападающимъ съ обѣщаніемъ выйти изъ крѣпости самому (безъ боя), если они возвратятся въ свой станъ. Султанъ Садыкъ согласился и от-

(*) Нужно думать, что разбойничье гнѣздо Назара было въ Нуратинскихъ горахъ противъ вѣш. Нурекъ, къ западу отъ Джизака.

ступилъ. Назаръ-батыръ исполнилъ свое обѣщаніе, явился къ нему съ пятьюстами джигитовъ и, пробывъ до вечера, выдалъ все отнятое у жителей имущество и заплатилъ за то, чего недоставало. На другой день онъ съ своими пятьюстами джигитовъ присоединился къ султану Садыку, и они двинулись на Самаркандъ.

Впослѣдствіи Назаръ и султанъ Садыкъ всегда находились вмѣстѣ(*).

Въ окрестностяхъ Самарканда они узнали, что русскіе взяли Самаркандъ и подступили къ Катты-Бургану.

Султанъ Садыкъ присоединился къ бухарскому войску въ то время, когда оно выстраивалось, чтобы дать сраженіе русскимъ. Вступивъ въ сраженіе, обѣ стороны сначала стрѣляли изъ пушекъ и ружей, а потомъ, когда солдаты, безпрерывно стрѣляя изъ ружей, близко подошли къ бухарцамъ, генералъ Кауфманъ приказалъ атаковать. Бухарцы разбѣжались. Русскіе взяли ихъ пушки и стали преслѣдовать пѣшихъ сарбазовъ, которыхъ и перебили множество. Въ это время султанъ Садыкъ со своими людьми напалъ на центръ русскаго войска, подойдя стороною. Пѣшіе солдаты, не узнавая другъ друга по причинѣ пыли, поднятой лошадьми, пришли въ смятеніе и бросились бѣжать назадъ къ главному войску. Въ этомъ нападеніи изъ солдатъ было убито семьдесятъ человѣкъ, изъ джигитовъ Садыка сто человѣкъ. Бухарское войско бѣжало безъ оглядки, но султанъ Садыкъ ночевалъ близъ мѣста сраженія, а на другой день двинулся и вошелъ въ Бухару(**).

(*) Послѣ усмирѣнія бунта Катты-тюри Назаръ былъ захваченъ бухарцами и казненъ въ Бухарѣ.

(**) См. приложеніе 15 въ концѣ книги.

Послѣ этого сраженія война прекратилась; бухарскій эмиръ заключилъ миръ съ русскими. Султану Садыку онъ приказалъ терпѣливо ожидать разъясненія его отношеній къ русскимъ и сдѣлалъ его начальникомъ надъ всѣми киргизами и другими кочевниками, обитающими въ степяхъ и пескахъ (*).

Султанъ Садыкъ поселился въ степи между кочевниками.

(*) Садыкъ былъ сдѣланъ начальникомъ надъ киргизами Кизылкумской пустыни и, должно быть, кочевниками, занимавшими сѣверо-западный уголъ ханства. Вліяніе его на нашихъ киргизовъ Джизакскаго уѣзда въ то время было ощутительно.

Г Л А В А VIII.

Участіе Садыка въ возмущеніи Абдуль-Малика (Катты-тюри).

Шахрисябскіе беки Бабабекъ и Джурабекъ отказались признавать власть эмира, такъ какъ онъ-де на сторонѣ русскихъ, и подняли эмиромъ его сына Абдуль-Маликъ-тюрю(*). Набирая войско противъ эмира въ Гиссарѣ, Кулябѣ, Карши и многихъ другихъ мѣстахъ, они послали къ султану Садыку пословъ, которые показали ему *фетву*, разрѣшавшую воевать, подписанную многими муфтіями и казіями. Садыкъ и Назаръ собрали войско изъ киргизовъ, двинулись на Нурата и взяли его. Между тѣмъ бухарскій эмиръ, въ войнѣ съ Абдуль-Маликомъ, уже взялъ всѣ (возмущившіеся) города, кромѣ Шахрисябза, который осаждалъ. Узнавъ о взятіи Нурата Садыкомъ, онъ выслалъ противъ

(*) Абдуль-Маликъ-тюря извѣстенъ больше подъ именемъ Катты-тюря, какъ наслѣдникъ престола эмира. Провозглашеніе его эмиромъ было дѣломъ рукъ партіи, недовольной Музафаромъ за неудачное окончаніе войны съ русскими и миромъ съ ними. Партія эта состояла главнымъ образомъ изъ фанатизированнаго духовенства, составившаго *фетву*—т. е. сепаративное разрѣшительное постановленіе на войну противъ эмира.

него 5000 сарбазовъ и 8000 чел. конницы. Когда это войско пришло въ Кермене, султанъ Садыкъ и Назаръ двинулись къ этому городу. Войско эмира вышло на встрѣчу и обѣ стороны, встрѣтившись, начали стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Вдругъ султанъ Садыкъ и Назаръ-батыръ бросились впередъ со всѣмъ своимъ войскомъ и атаковали бу-

харцевъ. Конница ихъ немедленно бѣжала, но сарбазы со всею артиллеріею остались, выслали парламентеровъ и сдались безъ боя. Привидѣ этого, бѣжавшій было конный отрядъ вернулся и тоже передался. Къ султану Садыку всего присоединилось 13.000 войска. Горожане Кермене отворили ворота и впустили Садыка въ городъ.

Узнавъ объ этомъ успѣхѣ султана Садыка, эмиръ выслалъ противъ него еще 10.000 челов. войска. Садыкъ и

Назаръ выступили изъ Кермене на встрѣчу, но когда оба отряда сошлись, военачальники эмира вступили въ переговоры съ султаномъ Садыкомъ. Они говорили: «Мы выступили противъ васъ по приказанію эмира. Если вы не добиваетесь сами быть эмиромъ, а желаете только сдѣлать эмиромъ Абдуль-Малика, то мы безъ боя перейдемъ на вашу сторону.» Садыкъ отвѣтилъ, что желаетъ сдѣлать эмиромъ Абдуль-Малика, а не себя. Бухарскіе военачальники передались на его сторону; онъ далъ имъ подходящія должности и вернулся въ Кермене съ присоединившимся къ нему десяти тысячнымъ войскомъ.

Узнавъ объ этомъ, бухарскій эмиръ, совѣтуясь съ своими приближенными сановниками, сказалъ: «Абдуль-Маликъ и шахрисябскіе беги все таки свои люди. Но если мой престолъ достанется султану Садыгу, потому киргизскихъ хановъ, пришедшему изъ Туркестанскаго края, то намъ не легко будетъ завоевать все обратно. Необходимо сначала одолѣть Садыка.»

Это мнѣніе эмира было принято и онъ оставилъ Шахрисябъ. Вслѣдъ за эмиромъ двинулись Абдуль-Маликъ-тюря, Баба бекъ-валлами и Джура бекъ съ войскомъ и подчинили себѣ всю страну до г. Барши. Находясь въ такомъ стѣсненномъ положеніи, эмиръ отправилъ изъ Бухары пословъ къ генералу Кауфману съ письмомъ. «Съ одной стороны мой сынъ Абдуль-Маликъ, а съ другой султанъ Садыкъ угрожаютъ моему престолу. Помогите!» писалъ онъ.

Генералъ Кауфманъ пошелъ (*) въ Барши съ трехтысячнымъ войскомъ на Абдуль-Маликъ-тюрю и заставилъ его бѣжать. Эмиръ двинулся противъ султана Садыка съ

(*) Генералъ Кауфманъ не командовалъ отрядомъ во время экспедиціи въ Барши.

большимъ войскомъ. Узнавъ объ этомъ, Садыкъ собралъ свои войска, выступилъ изъ Кермене на встрѣчу эмиру и на другой день дошелъ до переправы, носящей названіе Узулусъ. (*) Эмиръ появился съ другой стороны и началъ переправлять свое войско. Обѣ стороны замѣтили другъ-друга. Султанъ Садыкъ выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ на разстояніи *таша* (**) отъ переправы. Эмиръ сначала переправилъ свою конницу, удержавъ при себѣ пѣшихъ сарбазовъ и туркменъ. Когда бухарская конница приблизилась къ расположенію войскъ Садыка, онъ быстро атаковалъ ее всю массою своей конницы, получившей приказаніе завязать рукопашный бой. Конный отрядъ эмира, послѣ слабого сопротивленія, обратился въ бѣгство и обратно переправился чрезъ рѣку. Видя это, эмиръ самъ задумалъ бѣжать и сѣлъ уже на лошадь, но, для удержанія Садыка, выслалъ къ рѣкѣ сарбазовъ и туркменъ, которые, стрѣляя изъ ружей въ пытавшихся переправиться людей Садыка, заставили ихъ отступить.

Когда султанъ Садыкъ возвратился въ свой лагерь, то оказалось, что войска, набранныя изъ жителей Кермене, Нурата и окрестныхъ съ ними кишлаковъ, разбѣжались, а съ нимъ осталось только тысяча человѣкъ. Садыкъ началъ совѣтываться съ Назаромъ и другими военачальниками. „Люди, набранные недавно изъ чуждой намъ страны, разошлись по домамъ, и насъ осталось всего тысяча человѣкъ. Если мы даже и побѣдимъ эмира и возьмемъ Бухару, мы не можемъ удержать въ повиновеніи такую большую

(*) На рѣкѣ Заравшанѣ. Очевидно, эмиръ шелъ къ Кермене правымъ берегомъ рѣки.

(**) Бухарскій *таша* равенъ 8 верстамъ.

страну. Отъ Абдуль-Малика, Баба бека и Джура бека не только нѣтъ помощи, но нѣтъ никакихъ извѣстій. Сначала разузнаемъ о нихъ и, только соединившись съ ними, движемся на Бухару.“ Послѣ такого рѣшенія, султанъ Садыкъ отступилъ въ Нурата.

Здѣсь получено было извѣстіе, что русское войско окончательно побѣдило Абдуль-Малика. Султанъ Садыкъ и Назаръ отправились по дорогѣ въ Ургенчъ (*). Во время этого передвиженія Садыкъ заболѣлъ и пролежалъ три мѣсяца въ горахъ Буканъ. (**)

Поправившись отъ болѣзни, онъ поѣхалъ въ Ургенчъ и представился хану. Ургенчскій ханъ, оказавъ ему хорошій приемъ, сдѣлалъ его начальникомъ надъ подчиненными ему кочевниками, киргизами и каракалпаками, жившими къ востоку отъ рѣки до горъ Буканъ. (***) Для *достархана* (****) онъ предоставилъ ему въ пользованіе садъ въ тридцать танаповъ, (*****) называемый Падша-Сайрамъ-бачы, и доходы съ одного арыка.

(*) Ургенчъ—хивинское ханство. Названіе хивинскаго оазиса Ургенчезъ весьма распространено въ средней Азіи.

(**) Въ кизылкумской пустынѣ.

(***) Къ востоку отъ р. Аму-Дарьи. Очевидно, подъ управленіемъ Садыка были собственно кизылкумскіе киргизы, составляющіе теперь Минбулакскую и Даукаринскую волости Аму-Дарьинскаго отдѣла, а также часть каракалпаковъ.

(****) Достарханъ соб. знач. скатерть, на которой подается угощеніе; въ переносномъ смыслѣ—угощеніе; здѣсь же это слово употреблено въ значеніи содержанія отъ хана.

(*****) Верстахъ въ семи ниже Шейхъ-Абасъ-Вали, близъ праваго берега р. Аму-Дарьи; хивинскій танапъ имѣетъ 900 кв. саж. Послѣ присоединенія праваго берега р. Аму къ русскимъ владѣніямъ садъ Садыка былъ конфискованъ въ казну.

Здѣсь султанъ Садыгъ прожилъ четыре года, начальствуя надъ всѣми киргизами Хивинскаго ханства, кочевавшими по одну сторону рѣки (по правую).

Г Л А В А IX.

Завоеваніе русскими Хивы и переходъ Садыка къ туркменамъ.

Весною 1873 года пришло извѣстіе, что генералъ-губернаторъ Кауфманъ идетъ на Хиву съ большимъ войскомъ, тоже съ значительнымъ войскомъ выступилъ къ Хивѣ со стороны Астраханскаго моря и Самарскій военный губернаторъ генералъ Веревкинъ (*). Хивинскій ханъ далъ султану Садыку войско изъ жителей подвѣдомственной ему (Садыку) страны и изъ туркменъ и двинулъ его на встрѣчу генералу Кауфману. Вслѣдъ за нимъ онъ послалъ своихъ обоихъ дванбеги (***) Мадъ-Ніаза и Мадъ-Мурада съ остальнымъ войскомъ. Всѣ они расположились въ уроч. Учъ-учакъ, на берегу рѣки, и стали ожидать генерала Кауфмана. Султанъ Садыкъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ

(*) Ошибка или простое незнаніе. Генералъ Веревкинъ не былъ самарскимъ военнымъ губернаторомъ; онъ командовалъ оренбургскимъ отрядомъ, и былъ уральскимъ наказнымъ атаманомъ и уральскимъ военнымъ губернаторомъ, а отъ Астраханскаго, т. е. Каспійскаго моря, шелъ съ отрядомъ полковникъ Ломакинъ.

(**) Высшіе министры хивинскаго хана.

семьсотъ киргизовъ и пятьсотъ турменъ, а всего 1200 человекъ. Съ этимъ отрядомъ онъ выступилъ въ пески по дорогѣ въ мѣстности Адамъ-кырылганъ и Алты-кудукъ. (*) На разсвѣтъ онъ встрѣтилъ лагерь генерала Кауфмана и напалъ на него, но русское войско не подпустило близко, стрѣляя изъ пушекъ и ружей. Изъ войска Садыга пало отъ пуль три человекъ, послѣ чего онъ отступилъ и присоединился къ дванбеги Мадъ-Ніазу, стоявшему на Учъ-учакѣ. (**)

Когда генералъ Кауфманъ пошелъ по дорогѣ къ рѣкѣ, дванбеги Мадъ-Ніазъ, Мадъ-Мурадъ и султанъ Садыкъ выступили съ Учъ-учака, двинулись на встрѣчу и нашли генерала Кауфмана въ Бизылкумахъ.

Рано утромъ они атаковали его. Въ безводной пустынѣ завязалась перестрѣлка изъ пушекъ и ружей; обѣ стороны, находясь въ боевомъ порядкѣ, сражались до вечера; бой не прекратился и по наступленіи темноты, когда съ обѣихъ сторонъ зажгли большіе костры. (***) Перестрѣлка продолжалась всю ночь и до полудня слѣдующаго дня. Въ полдень генералъ Кауфманъ повелъ свое войско по дорогѣ къ рѣкѣ, стрѣляя на ходу изъ пушекъ и ружей; хивинское войско сопровождало его, двигаясь по обѣ стороны и тоже стрѣляя изъ ружей.

(*) Адамъ-кырылганъ—мѣсто гибели людей; Алты-кудукъ—шесть колодезь. Слово „кырылганъ“ русскими передѣлано въ „кырганъ“.

(**) См. приложение 16 въ концѣ книги.

(***) Въ ночь съ 10 на 11 Мая. Большіе костры, дѣлая иллюминація, (въ подлинникѣ сказано буквально *сепчи*, что въ переносномъ смыслѣ значить иллюминація), были зажжены въ хивинскомъ войскѣ; русскимъ было не до костровъ.

Въ полдень русскіе дошли до рѣки близъ Учъ-учака и остановились, послѣ чего диванбеги Мадъ-Ніазъ и Мадъ-Мурадъ отправились въ Хиву, а султанъ Садыкъ уѣхалъ въ свой аулъ, поднялъ его и двинулъ вверхъ по р. Амударьѣ къ Чарджую. (*)

Отправивъ свой аулъ (**) къ Чарджую, султанъ Садыкъ поѣхалъ къ хивинскому хану, отъ котораго узналъ, что русскіе съ двухъ сторонъ подступили къ Хивѣ, и что съ ними уже вступили въ переговоры. Садыкъ простился съ ханомъ, и, по подвѣдомственнымъ ему кочевьямъ, поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ съ цѣлюйти къ туркменамъ. Находясь въ бухарскихъ владѣніяхъ и не имѣя возможности ѣхать къ туркменамъ въ жаркое время года, Садыкъ выпустилъ свое войско, состоящее изъ киргизовъ, и остался только съ прислуживающими ему джигитами, числомъ около сорока человекъ. Съ ними онъ поѣхалъ дальше, къ Чарджую, въ свой аулъ, расположившійся въ разстояніи двухдневнаго перехода отъ этого города. Догнавъ аулъ, онъ остановился позади его. Въ полдень появились двѣсти человекъ, высланныхъ противъ Садыка изъ Чарджуя, но они не посмѣли схватить его, или напасть на аулъ, а миновавъ его, расположились ниже версты на двѣ. Султанъ Садыкъ послалъ къ нимъ джигита узнать, зачѣмъ они пріѣхали. Прибывшіе отвѣчали: «Намъ приказано караулить съ хивинской стороны.» Они остались ночевать на занятомъ мѣстѣ. Садыкъ зарѣзалъ для нихъ двухъ барановъ и угостилъ ихъ, а самъ былъ на сторожѣ. Утромъ бухарцы послали гонцовъ въ

(*) См. приложение 17 въ концѣ.

(**) Подъ ауломъ нужно подразумѣвать семейство Садыка, его теленгутовъ, пожитки и скоть.

Чарджуи за помощью, а сами отошли ниже версть на пять, преграждая путь на Мервь. Поимая ихъ намѣреніе, султанъ Садыкъ, посовѣтовавшись съ джигитами, отправилъ ночью свое семейство въ многолюдныя кочевья близъ Чарджуя, а самъ, только съ тремя джигитами, проѣхалъ мимо двухсотеннаго отряда, стоявшаго близъ переправы. Бухарцы не спали, но при видѣ Садыка не тронулись съ мѣста и не сказали ничего.

Благополучно миновавъ бухарцевъ, стоявшихъ на переправѣ, Садыкъ съ своимъ ауломъ ночевалъ на разстояніи дневнаго перехода отъ того мѣста, гдѣ весной этого года Садыкъ провелъ новый арыкъ и посѣялъ тридцать батмановъ пшеницы (*). Это мѣсто было отдалено отъ поселеній и находилось выше (по рѣкѣ) хивинской границы на трехдневный переходъ. Дойдя до этого мѣста, на другой день, оны порѣшили, что въ лѣтній зной нельзя двинуться въ

(*) Около 30 десятинъ, если считать ташкентскій батманъ (11 пуд.) посѣва. Относительно мѣстоположенія разсказъ очень теменъ.

Мервъ; при томъ же и дороги туда они не знали. Надѣясь на Бога, они остались здѣсь. Изъ мелкаго лѣса, нарубленнаго въ близлежащемъ тугаѣ (заросли), они устроили шалаши для себя и для лошадей и прожили здѣсь два мѣсяца до наступленія прохладной погоды, стрѣляя фазановъ, зайцевъ и сайгъ, и питались ими, а для корма лошадей жали пшеницу.

Однажды, въ полдень, съ туркменской стороны подошелъ конный отрядъ и остановился на берегу рѣки. Султанъ Садыкъ, спрятавшись за деревьями тугая, началъ слѣдить за нимъ. Одежда прибывшихъ походила на туркменскую, и вскорѣ султанъ Садыкъ убѣдился, что это именно туркмены. Онъ выѣхалъ къ нимъ изъ тугая въ сопровожденіи трехъ джигитовъ. Туркмены, сначала, въ испугѣ бросились къ лошадямъ, чтобы быть готовыми на всякій случай, но, потомъ, видя мирное приближеніе четырехъ человекъ, успокоились. Султанъ Садыкъ, не слѣзая съ лошади, отдалъ имъ *селямъ* (*). Оказалось, что это было шестьдесятъ туркменскихъ наѣздниковъ, враждебныхъ Хивѣ. Между ними находился и Мухамедъ-Ніазъ-сердарь; онъ, во время пребыванія Садыка въ Бухарѣ, приходилъ на помощь эмиру во главѣ 10,000 человекъ и нѣсколько разъ видѣлся съ Садыкомъ у эмира. Мухамедъ-Ніазъ, узнавъ Садыка, подбѣжалъ къ нему, поздоровался, подержалъ лошадь и помогъ слѣзть, а потомъ разослалъ конскую попопу и просилъ сѣсть.

(*) Т. е. привѣтствовалъ ихъ, но не слѣзая съ лошади, что по азиатскому этикету означаетъ что привѣтствующій человекъ или равенъ, или выше тѣхъ, кому онъ отдаетъ *селямъ*, (поклонъ, привѣтъ). Низшій для привѣтствія соскакиваетъ съ лошади.

На его вопросы султанъ Садыкъ, разсказалъ все, что съ нимъ случилось; нѣкоторые изъ туркменъ, слушавшихъ его разсказы, проливали слезы изъ состраданія къ его страннической жизни (*). Когда Садыкъ, въ свою очередь, спросилъ туркменъ, зачѣмъ они пріѣхали, они отвѣчали: «Мы выѣхали раззорять и грабить народъ, подчиненный Ургенчу; но теперь, когда мы встрѣтились съ вами, наши дѣйствія будутъ зависѣть отъ васъ». Султанъ Садыкъ отвѣчалъ: «Если такъ, то пойдемъ къ моимъ шалашамъ; дня въ два вы отдохнете сами и выкормите своихъ лошадей, а потомъ мы поговоримъ». Подходя къ шалашамъ, туркмены увидѣли большое количество поспѣвающей пшеницы и начали весело снимать ее и кормить своихъ лошадей.

Пробывъ здѣсь три дня, туркмены, посоветовавшись между собою, поѣхали назадъ въ Мервъ, взявъ съ собою султана Садыка; на двѣнадцатый день пути по пескамъ они, безъ всякихъ приключеній, достигли крайняго туркменскаго поселенія. По прибытіи дали знать мервскому хану, Кауштыхану, который поручилъ султана Садыка гостепріимству Гульджамаль-аимъ (**), жены ахалтекинскаго хана Нур-Верды-хана. Эта женщина славилась между туркменами своимъ

(*) Въ бытовомъ отношеніи эпизодъ этотъ весьма интересенъ: политическій авантюристъ, въ глухомъ уголѣ пустыни, разсказываетъ свои приключенія, а слушатели, величайшіе грабители, проливаютъ слезы. Туркмены имѣютъ очень характерную пословицу: „если врагъ нападетъ на кибитку твоего отца, то ты пристаешь къ нему и грабь вмѣстѣ“. (См. „Черезъ Агганистанъ“ соч. Н. И. Гродекова).

(**) Гульджамаль-аимъ жива и до сего времени. Нуръ-Верды-ханъ умеръ въ 1880 году, на 50 году жизни. О туркменахъ и ихъ ханахъ см. „Война въ Турменіи“ т. I, соч. Н. И. Гродекова.

умомъ. Ея гостепріимнымъ кровомъ пользовались разныя высокопоставленныя лица, посѣщавшія Мервь. Такъ напр.: афганскій эмиръ Абдурахманъ-ханъ, проѣзжая изъ своей родины въ Ташкентъ, гостилъ у ней мѣсяць; два мѣсяца прогостилъ сынъ бухарскаго эмира Абдуль-Маликъ-тюря, во время бѣгства изъ Бухары въ Афганистанъ; султанъ Садыкъ прожилъ у ней семь мѣсяцевъ (**).

Изъ Ахаль-теге пріѣхалъ къ своей женѣ Нуръ-Вердыханъ. Въ это время ахальскіе и мервскіе текинцы, собрав-

(**) Все это извѣстные средне-азиатскіе авантюристы. Абдурахманъ, вѣроятно, былъ во время бѣгства изъ Афганистана послѣ неудачи въ борьбѣ съ партією Ширъ-Али-хана; Абдуль-Маликъ—послѣ своего пораженія подъ Карши.

шись въ одномъ мѣстѣ въ количествѣ пятисотъ кибитокъ, держали совѣщаніе къ которому привлекли и султана Садыка. Они сказали ему: «киргизы и турмены имѣютъ общее, родственное происхожденіе. Вы сынъ киргизскаго хана. Разъ вы прибѣгли къ нашему покровительству, мы, всѣ турмены, рѣшили помочь вамъ общими силами для смытія съ васъ позора. Мы дадимъ вамъ 10,000 хорошихъ конныхъ джигитовъ, подъ начальствомъ десяти середарей. Съ этими десятью тысячами сдѣлайте набѣгъ на Чарджуй и привезите оттуда семейство эмира; мы промѣняемъ его на ваше семейство (?). Такъ мы рѣшили единогласно (*). Что вы на это скажете?» Султанъ Садыкъ подумалъ: «Эти турмены—народъ буйный и разбойничій. Если они двинутся въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, то конечно возьмутъ Чарджуй, въ которомъ заберутъ въ плѣнъ семейства мусульманъ, и этотъ позоръ ляжетъ на меня до конца міра». Обдумавъ предложеніе, онъ не согласился на него и отвѣтилъ: «Я очень польщенъ вами и благодарю за предложеніе, но принять его не могу. Отправьте меня лучше въ Герать».

Нуръ-Верды и Каушты-ханъ согласились, дали Садыку сорокъ человѣкъ провожатыхъ и отправили его въ Герать. Послѣ пятнадцати-дневнаго пути онъ прибылъ въ этотъ городъ и представился начальнику его Якубъ-середарю (**),

(*) Предложенія, сдѣланныя Садыку, не совсѣмъ понятны. Ясно только то, что турменамъ хотѣлось сдѣлать на Бухару большой набѣгъ подъ благовиднымъ предлогомъ защиты, будто бы, обиженнаго Садыка.

(**) Якубъ-середарь, сынъ афганскаго эмира Ширъ-Али-хана. Въ указываемое авторомъ время Якубъ-середарь начальствовалъ въ Гератѣ какъ военномъ, такъ равно и гражданскою частями. Послѣ возстанія, поднятаго имъ противъ отца (въ 1874 г.)

сыну Ширъ-Али-хана. Якубъ-середаръ. принялъ султана Садыка хорошо и держалъ его при себѣ три мѣсяца, давая ему по 900 *тенегъ* (*) каждый мѣсяць.

Якубъ-середаръ былъ заключенъ въ тюрьму, изъ которой, по смерти Ширъ-Али, занялъ афганскій престолъ, потерялъ его въ борьбѣ съ англичанами и теперь живетъ въ Индіи на англійской пенсіи. О времени правленія Якубъ-середаря Гератомъ въ средѣ населенія остались хорошія воспоминанія. (см. „Чрезъ Афганистанъ“ соч. Н. И. Гродекова).

(*) Бухарская и кокандская *теня* равна 20 коп.

Г Л А В А X

Пребываніе Садыка въ Кашгарѣ и возвращеніе въ русскіе предѣлы.

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Гератѣ Садыкъ простился съ Якубъ-середаремъ и чрезъ Балхъ и Бадахшанъ проѣхалъ въ Кашгаръ и явился къ Якубъ-беку, съ которымъ былъ знакомъ раньше (*). Якубъ-бекъ оказалъ ему почетный пріемъ, далъ ему званіе умаръ-элыга (?) и выдалъ за него жену своего умершаго сына, назвавъ его сыномъ (**).

По прошествіи одного года Якубъ-бекъ, оставивъ въ Кашгарѣ сына своего Бекъ-Були-бека, котораго онъ объявилъ наследникомъ престола, самъ со всѣми своими войс-

(*) Безъ сомнѣнія еще въ то время, когда Якубъ-бекъ состоялъ въ кокандской военной службѣ.

(**) Якубъ-бекъ хотя, повидимому, ласково принялъ Садыка, но не давалъ ему никакого хода ни въ своей администраціи, ни въ войскахъ, должно быть опасаясь съ одной стороны неспокойнаго нрава этого киргизскаго авантюриста, а съ другой, боясь русскихъ, которые могли потребовать отъ него выдачи Садыка. Онъ скромно и незамѣтно жилъ при дворѣ Бадаулета и выступилъ опять на сцену только послѣ его смерти, да и то не-

комъ двинулся въ Аксу, гдѣ и простоялъ долгое время (*). Между тѣмъ съ другой стороны подошли китайцы.

Якубъ-бекъ умеръ; смерть его была естественная (**)
(не былъ отравленъ).

Приближенные Якубъ-бека, вопреки прежнимъ указаніямъ его, изъ своей среды подняли ханомъ одного тюрю, по имени Хакимъ-ханъ, и двинулись назадъ, въ Кашгаръ, гдѣ, по полученіи извѣстія о смерти Якубъ-бека, былъ провозглашенъ ханомъ Бекъ-кули-бекъ. Изъ Кашгара противъ Хакимъ-хана выступило большое войско, въ двадцать пять тысячъ человекъ, подъ начальствомъ Бекъ-кули-бека. Лучшія пушки и большинство опытнаго войска было въ рукахъ Хакимъ-хана, почему борьба съ нимъ была трудна.

Бекъ-кули-бекъ раздѣлилъ свое войско на пять отрядовъ, по пяти тысячъ въ каждомъ, и назначилъ начальниками ихъ: султана Садыка, Омаркулъ-нарвапачи, Джамадаръ-нарваначи (***) , Алдашъ-датха и Масондъ-пансата. Въ авангардѣ онъ приказалъ идти тремъ военачальникамъ: Масенду, Алдашу и Омаркулу; позади ихъ двигались Садыкъ и Джамадаръ. На мѣстности Маралъ-баши (****) аван-

надолго. По словамъ Бекъ-кули-бека, Садыкъ носилъ чинъ пансата.

(*) См. приложение 18 въ концѣ книги.

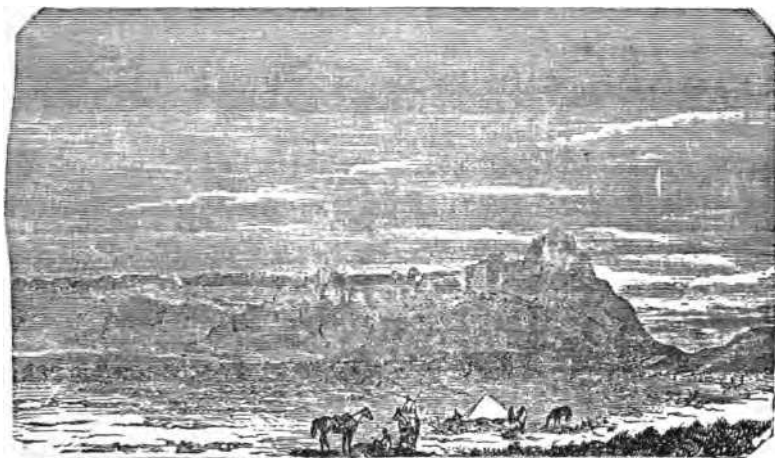
(**) По словамъ Бекъ-кули-бека, Якубъ-бекъ былъ отравленъ; Садыкъ говоритъ противное. Подробности о смерти Якубъ-бека см. въ приложеніи 19.

(***) Джамадаръ — авантюристъ изъ индустанцевъ. У Якубъ-бека онъ былъ одно время начальникомъ артиллеріи.

(****) Мѣстность указана неточно. Битва произошла въ уроч. Джайди, недалеко отъ укр. Маралъ-баши, между Кашгаромъ и Аксу.

гардъ встрѣтилъ войско Хакимъ-хана и вступилъ съ нимъ въ битву. Сначала военачальники Бекъ-гули-бека имѣли успѣхъ, но напоследокъ Хакимъ-ханъ-тюря обратилъ ихъ въ бѣгство, отнялъ артиллерію, а часть людей взялъ въ плѣнъ. Побѣжденные военачальники спаслись каждый только съ тысячею человѣкъ.

Огорченный этимъ Бекъ-гули-бекъ собралъ ночью военный совѣтъ, на которомъ каждый изъ военачальниковъ держался особаго мнѣнія.

Наконецъ султанъ Садыкъ сказалъ: «Возвратиться отсюда нельзя. Если мы вернемся въ Кашгаръ, то удержать за собою власть будетъ очень трудно. Положимся на Бога и будемъ продолжать сражаться».

Мнѣніе Садыка понравилось Бекъ-гули-беку; ночью онъ выступилъ съ 13,000 чел., оставшагося у него войска и

на разсвѣтъ атаковалъ Хакимъ-хана, который успѣлъ выстроить свое войско. Началась пальба изъ пушекъ и ружей и послѣ семичасоваго боя, изъ подъ знамени самаго Хакимъ-хана, было взято 1700 чел., (*) послѣ чего не устояло и остальное его войско и перешло на сторону Бекъ-кули-бека. Послѣ этого онъ двинулся на Аксу, пробылъ тамъ мѣсяць и, подчинивъ себѣ всѣ сосѣдніе города, возвратился въ Кашгаръ.

Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что хотанскій хакимъ (начальникъ) Ніазъ-хакимъ-бекъ возсталъ противъ него. Бекъ-кули-бекъ немедленно собралъ войско и чрезъ двадцать дней похода подошелъ къ Хотану. Ніазъ-хакимъ-бекъ однако не подпустилъ его близко къ городу; онъ вышелъ на встрѣчу съ 25,000 войскомъ за три таша (24 версты). Сблизившись съ непріятелемъ, Бекъ-кули-бекъ выслалъ впередъ султана Садыка и Алдашъ-датха съ 10,000 чел. конницы. Они немедленно атаковали и быстрымъ, рѣшительнымъ натискомъ привели въ безпорядокъ войско Ніазъ-хакима, который, потерпѣвъ пораженіе, спасся бѣгствомъ въ китайскіе предѣлы. Бекъ-кули-бекъ вошелъ въ Хотанъ, назначилъ новаго начальника, описалъ казну и успокоилъ народъ.

При первомъ своемъ взятіи Кашгара китайцы поселили за городомъ, въ особомъ предмѣстьи, всѣхъ китайцевъ, принявшихъ исламъ (**). Теперь, во время похода Бекъ-кули-бека на Хотанъ, новообращенные мусульмане-китайцы,

(*) Очевидно, эти 1700 чел. не были взяты въ плѣнъ, а переданы, повинувъ Хакимъ-хана.

(**) Это было еще до появленія въ Кашгарѣ Якубъ-бека; предмѣстье носитъ названіе: „Диги-Шааръ“—новый городъ.

слыша о приближеніи китайской арміи со стороны Аксу, составили заговоръ и привели его въ исполненіе: они ночью вошли въ Кашгаръ и заняли его урду. Узнавши объ этомъ, Бекъ-гули-бекъ оставилъ Хотанъ, подступилъ къ воротамъ Башгара и началъ производить постоянныя, но безуспѣшныя нападенія, продолжавшіяся сорокъ дней.

Однажды, въ полдень, подошла многочисленная китайская конница и, въ завязавшейся битвѣ, разбила кокандцевъ (*). Султанъ Садыкъ съ своимъ отрядомъ бился до поздней ночи; наконецъ вида, что на полѣ битвы не осталось никого изъ начальниковъ, ночью отступилъ и онъ по направленію къ Коканду, куда бѣжало все войско Бекъ-гулибека.

Во время отступленія на Садыка неожиданно напалъ большой китайскій отрядъ. Въ завязавшейся перестрѣлкѣ Садыкъ былъ раненъ пулею въ руку, но не показалъ вида своимъ окружающимъ. Когда китайцы были отражены и удалились, онъ перевязалъ раненую руку и началъ совѣщаться съ своими джигитами. На совѣтѣ каждый изъ нихъ былъ отдѣльнаго мнѣнія; наконецъ, султанъ Садыкъ сказалъ: «Я столько уже лѣтъ воюю противъ русскаго царя; убѣгая отъ русскихъ, я ходилъ въ разныя стороны, но все безуспѣшно. Теперь я обезсиленъ раною въ руку и нигдѣ не могу найти себѣ безопаснаго мѣста: я принужденъ идти въ русскія владѣнія. Россія—сильное государство. Если по

(*) Въмѣстѣ въ Якубъ-бекомъ Кашгаромъ завладѣли, преимущественно, выходцы изъ кокандскаго ханства, андижанскіе кипчаки. Въ народѣ партія Якубъ-бека носила названіе „андижанцевъ“. Въ Кашгарѣ андижанцами именуются и въ настоящее время торговцы изъ Ферганы. Это есть старинное воспоминаніе того, что Андижанъ былъ когда-то столицей Ферганы.

пословицѣ—повинную голову мечь не съсчитъ—простятъ мою вину, то я поселюсь тамъ и буду жить съ своими братьями султаномъ Ахметомъ и другими. Иначе будь со мною то, что укажетъ Богъ». Порѣшивъ такъ, онъ двинулся за отступавшими къ русскимъ предѣламъ кокандцами (*).

Султанъ Садыкъ перешелъ въ русскіе предѣлы въ Ошскомъ уѣздѣ Ферганской области. Узнавъ о появленіи въ уѣздѣ раненаго Садыка, уѣздный начальникъ донесъ объ этомъ генералъ-губернатору Кауфману; онъ выслалъ доктора, который въ семь мѣсяцевъ вылечилъ раненую руку.

По выздоровленіи, султанъ Садыкъ былъ вызванъ въ Ташкентъ, гдѣ ему объявили:

«Повинную голову не съвуютъ, не рубятъ. Великій Государь прощаетъ тебѣ твою прежнюю вину. Мы тоже прощаемъ. Живи въ нашихъ владѣніяхъ, гдѣ пожелаешь». Султанъ Садыкъ благодарилъ и сказалъ, что онъ будетъ жить въ г. Чимкентѣ, у своего брата, младшаго помощника уѣзднаго начальника, Ахмета Бенисарина, что онъ и исполнилъ.

Послѣдній шагъ султана Садыка былъ разуменъ и весьма полезенъ ему по слѣдующимъ причинамъ: 1) докторъ вылечилъ ему руку; при странствованіи въ степи переломъ кости руки не былъ бы исцѣленъ и онъ, можетъ быть, умеръ-бы отъ раны; 2) получивъ прощеніе своей ви-

(*) Это было осенью 1877 года. Въ одно время съ Садикомъ перешелъ въ русскіе предѣлы и Бекъ-кули-бекъ съ своими приближенными и семействомъ. Онъ поселился въ сел. Пекентъ, находящемся въ долинѣ р. Ангрена, въ 50 верстахъ на югъ отъ Ташкента. Мѣсто это выбрано имъ для поселенія потому, что Пекентъ былъ родиною его отца Якубъ-бека.

ны, онъ зажилъ между своими родными; (*) и 3) по просьбѣ султана Ахмета генералъ-губернаторъ Кауфманъ вытребовалъ отъ бухарскаго эмира его семейство (**) и возвратилъ Садыку. И такъ онъ воссоединился съ женою и дѣтьми.

Это описаніе составилъ султанъ Ахметъ Бенисаринъ, первую часть по собственнымъ свѣдѣніямъ, а вторую со словъ султана Садыка.

Правильнѣе знаетъ Богъ.

Конецъ.

(*) По приѣздѣ Садыка въ Чимкентъ киргизы большой и части средней ордѣ, бывшіе раньше въ подчиненіи у его отца, собрали ему до 500 барановъ и другаго скота такъ какъ онъ, прибылъ безъ всякихъ средствъ. Во время своей дѣятельности Садыкъ отличался большимъ безкорыстіемъ.

(**) Когда именно захвачено было бухарцами семейство Садыка, изъ разсказа не видно. Надо полагать, что уже послѣ хивинскаго похода, когда онъ, уходя отъ русскихъ, отправилъ семью къ Чарджую, а самъ ушелъ къ туркменамъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Свѣденія объ Аблай-ханѣ.

Аблай-ханъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ хановъ средней орды. Онъ происходилъ отъ Ишимъ-хана, повелѣвавшаго киргизскими ордами въ половинѣ XVII столѣтія и имѣвшаго своею столицею г. Туркестанъ. По преданіямъ, Ишимъ-ханъ происходилъ изъ династіи Шейбани, внука Чингизъ-хана. Въ 1740 году Аблай-ханъ, бывшій въ то время однимъ изъ вліятельнѣйшихъ султановъ средней орды, принялъ подданство Россіи вмѣстѣ съ ханомъ Абдуль-Магометомъ (Абуль-Магметъ), въ чемъ принялъ торжественно присягу въ Оренбургѣ. Послѣ смерти Абдуль-Магомета, ханомъ средней орды былъ признанъ Аблай-ханъ и утвержденъ въ этомъ достоинствѣ грамотою Императрицы Екатерины Великой отъ 22 октября 1778 года. Онъ умеръ въ 1781 году, на 70 году отъ рожденія, и похороненъ въ гор. Туркестанѣ.

Подчиненіе Аблай-хана Россіи было вполнѣ номинальнымъ. Повелѣвая почти всею среднею ордою и частью большой на правахъ неограниченнаго государя, онъ велъ самостоятельныя войны съ Джунгарами (калмыками) и кара-киргизами и дружилъ съ китайцами, отъ

которыхъ получилъ титулъ китайскаго князя. Какъ человекъ, Аблай-ханъ отличался умомъ, хитростью и былъ талантливымъ, опытнымъ правителемъ народа. (Подробности объ Аблай-ханѣ см. „Опис. киргизъ-кайс. ордъ,“ соч. Левшина, т. II, гл. V).

Преданія, сохранявшіяся въ потомствѣ Аблай-хана о происхожденіи его, слѣдующія. Одинъ изъ потомковъ Чингизъ-хана, по имени Абульфайзъ-ханъ, долго царствовалъ въ Бухарѣ. Онъ имѣлъ 30 сыновей, изъ коихъ второй сынъ назывался Абульхаиръ-ханомъ, у него былъ сынъ Сююнчъ-ходжа-ханъ. Всѣ они были эмирами въ Бухарѣ. Во время царствованія Абульхаиръ-хана, аталыкомъ при немъ былъ Мухамедъ-Рахимъ-ханъ, изъ рода Мангытъ. Когда Абульхаиръ состарился, Мухамедъ-Рахимъ составилъ противъ него заговоръ, убилъ его, истребилъ почти все потомство Абульфайзъ-хана и захватилъ престолъ въ Бухарѣ. Отъ избіенія спасся только семилѣтній мальчикъ, по имени Абульхаиръ. Его скрылъ нѣкій Уразалыкъ сначала въ гор. Туркестанѣ, а потомъ въ уроч. Кокчетау среди киргизовъ средней орды изъ рода Караулъ. Здѣсь онъ былъ усыновленъ однимъ богатымъ человекомъ, по имени Даулетбаемъ, и носилъ имя Сабалака. Въ молодости занимался охотою, а потомъ принялъ участіе въ борьбѣ киргизовъ съ калмыками и за оказанные подвиги былъ избранъ ханомъ надъ всѣми киргизскими ордами подъ именемъ Абульхаиръ-хана; имя это впоследствии было передѣлано киргизами въ Аблай-хана. Онъ велъ ожесточенныя войны съ калмыками и кара-киргизами.

II

Замѣтка о Кенисарѣ.

1844 г. былъ годомъ самой блестящей славы и могущества Кенисары. Какъ наѣздникъ-партизанъ, онъ проявлялъ изумительную дѣятельность, сгруппировавъ вокругъ себя лучшихъ джигитовъ-удальцовъ киргизскихъ степей. Красиво одѣтый въ бархатный бешметъ съ „полковничьими эполетами“ на плечахъ, съ знаменщикомъ позади, сопровождаемый наѣздниками колючниками съ длинными, колеблющимися пиками, Кенисара скакалъ всегда впереди своихъ скопищъ, легко разбивая стремительностью своихъ атакъ ополченія враждебныхъ киргизскихъ родовъ и султановъ-правителей, которые въ концѣ концовъ, бѣжали изъ степи на оренбургскую казачью линію и „маячили“ близъ нея.

Видъ удалаго предводителя, часто рисковавшаго жизнью подъ залпами оренбургскихъ линейныхъ батальоновъ и пушечною картечью, разносившійся далеко по степи гулъ копытъ массъ легкой кавалеріи, украшенной разноцвѣтными знаменами и значками, веселые пиры съ скачками послѣ удачныхъ набѣговъ, большія охоты въ степяхъ на звѣря и птицу, удалые отдѣльныя подвиги Наурузбая и другихъ сподвижниковъ—все это сильно поражало воображеніе киргизскаго народа и расшевеливало въ немъ задремавшіе инстинкты старой воинственности. Если бы съ востока и запада не наступалъ сильный врагъ съ неодолимымъ строемъ сво-

ихъ батальоновъ, съ пушками и ловкою политикою, если бы самъ Кенисара не былъ такъ легкомысленъ, безтактенъ и меньше увлекался грабительскими инстинктами, онъ могъ бы сплотить вокругъ себя всѣ три орды и быть вполне грознымъ ханомъ степей, вродѣ своего предка Шейбани, и быть весьма опаснымъ для тогдашнихъ государствъ средней Азіи: Коканда, Бухары и Хивы. Но въ немъ, при талантахъ военнаго чело-вѣка, не было таланта правителя, что и спасло среднюю Азію отъ крупныхъ измѣненій въ ея политическомъ составѣ.

Упоминаемое въ разсказѣ плѣненіе семейства Кенисары, по нашимъ свѣдѣніямъ, произошло на р. Джиланчикѣ и совершено однимъ изъ сибирскихъ отрядовъ. Такъ какъ и Кенисара съ своей стороны захватилъ, въ разное время, въ плѣнъ много русскихъ, то въ 1845 году оренбургское начальство вступило съ нимъ въ переговоры и, для обмѣна плѣнныхъ, въ степь былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ поручика генеральнаго штаба Герна, который возвратилъ Кенисарѣ его жену и родственниковъ, а отъ него получилъ русскихъ плѣнныхъ. („Кирг. ст.“ соч. Мейера).

III

Замѣтка о смерти Кенисары.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ, подробности смерти Кенисары обрисовываются слѣдующимъ образомъ. Кенисара, съ своими сподвижниками Наурузбаемъ и Худайменди, былъ взятъ въ плѣнъ на третью ночь послѣ начала блокады на холмѣ Кикликъ-сингиръ; Эрджанъ Сарыджановъ взятъ въ плѣнъ за три дня ранѣе; въ тоже время съ нимъ были захвачены Худайбергенъ Баетовъ (впослѣдствіи заурядъ-майоръ), Байзакъ, Медеу, Калабай, Джаугашъ и многіе другіе. По удостовѣреніи личности Кенисары Худайбергенемъ, онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ Худайменди, Эрджаномъ, Наурузбаемъ и другими, на третій день плѣна. Какъ именно былъ убитъ Кенисара — неизвѣстно, но достовѣрно то, что онъ *не былъ сваренъ живымъ въ котлѣ*, какъ объ этомъ рассказываютъ нѣкоторые (напр. г. Маевъ; см. «Отъ Ташкента до Вѣрваго», Ежегодникъ, вып. II, стр. 347). Несомнѣнно только одно: Кенисару подвергли истязаніямъ и насмѣшкамъ главнымъ образомъ потому, что онъ объявилъ себя ханомъ и требовалъ отъ кара-киргизовъ себѣ подчиненія, какъ хану.

IV

Битва подъ Узунъ-агачемъ.

Авторъ рассказываетъ объ одномъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ нашего оружія при первомъ движеніи въ среднюю Азію. Сраженіе извѣстно подъ названіемъ боя подъ Узунъ-агачемъ и происходило 21 Октября 1860 года. Подъ начальствомъ подполковника Колпаковского имѣлось три роты пѣхоты, четыре сотни казаковъ, два пѣшихъ батарейныхъ орудія, четыре конныхъ и два ракетныхъ станка (а не семь орудій, какъ говоритъ авторъ). Бой происходилъ на берегахъ рѣчки Кара-Кастекъ. Сойдясь съ арміею Канаатъ-ша «подполковникъ Колпаковскій, сознавая, что въ войнѣ съ азіатцами не столько необходима численность войска, сколько смѣлость и неожиданность атаки, выдвинулъ на пушечный выстрѣлъ артиллерію подъ начальствомъ храбраго штабсъ-капитана Обуха (въ чинѣ подполковника смертельно раненъ при первомъ штурмѣ Ташкента 2 Октября 1864 г.; умеръ въ г. Чимкентѣ; въ 1883 году тѣло его перенесено въ Ташкентъ и похоронено у новоотстроеннаго собора), подъ прикрытіемъ стрѣлковъ и казаковъ, приказалъ открыть огонь по многочисленнымъ скопищамъ. Удачное дѣйствіе нашего артиллерійскаго и нарѣзнаго ружейнаго огня, на который кокандцы отвѣчали стрѣльбою изъ фальконетовъ и турокъ, заставило непріятеля, постепенно переходя съ одной возвышенности на другую, отойти за рѣку Кара-Кастекъ. Во время этого отступленія штабсъ-капитанъ Обухъ, ввезя

быстро одно орудіе и одинъ ракетный станокъ на крутую сопку, нанесъ непріятельскимъ колоннамъ на близкомъ разстояніи сильныя пораженія.

„Двинувшись вслѣдъ за отступавшими кокандцами, отрядъ перешелъ на лѣвый берегъ Кара-Кастека и слѣдовалъ вверхъ по долинѣ этой рѣки, гдѣ подполковникъ Колпаковскій намѣренъ былъ дать небольшой отдыхъ войскамъ. Между тѣмъ скопища кокандцевъ, которыхъ въ началѣ было до 5 тыс., постепенно усиливаясь, начали обходить наши войска съ обѣихъ фланговъ и даже появились съ тылу. Такимъ образомъ незначительный отрядъ нашъ былъ въ этотъ моментъ боя окруженъ со всѣхъ сторонъ безчисленными толпами непріятели. Но и здѣсь удачное дѣйствіе нашей артиллеріи по ближайшимъ непріятельскимъ колоннамъ и смѣлая атака казаковъ, подъ командою храбраго эсала Бутакова, поддержанныхъ пѣхотою, вновь разсѣяли эти скопища, при чемъ кокандцы во время поспѣшнаго отступления не успѣвали подбирать трупы убитыхъ. Въ продолженіи времени этихъ дѣйствій появились со стороны нашего праваго фланга двѣ сильныя непріятельскія колонны, изъ коихъ одна, состоящая изъ пѣхоты, одѣтой въ красныя мундиры и въ персидскихъ черныхъ съ краснымъ верхомъ шапкахъ, занявъ высоты, открыла огонь изъ фальконетовъ и турокъ. Когда отрядъ, подъ прикрытіемъ густой цѣпи стрѣлковъ, былъ двинутъ для атаки этихъ высотъ, задняя цѣпь, выставленная для обезпеченія нападений съ тыла, была атакована конными непріятельскими толпами. Но атака эта была во-время отражена удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи и казаковъ, подъ начальствомъ поручика Врончев-

скаго. Цѣпь же, свернувшись въ кучки и отбиваясь штыками, продолжала слѣдовать за отрядомъ, двинутымъ для атаки высотъ. По достиженіи ихъ, стрѣлки, наступавшіе въ головѣ отряда, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ немедленно выбили штыками застѣвшихъ на хребтѣ пѣшихъ кокандцевъ и захватили много брошеннаго бѣжавшими оружія, въ томъ числѣ нѣсколько турокъ большаго калибра. Въ происшедшей здѣсь рукопашной схваткѣ, офицеры, бывшіе въ цѣпи, одушевляя нижнихъ чиновъ, въ упоръ били кокандцевъ изъ своихъ револьверовъ. Подоспѣвшая артиллерія, произведя губительное дѣйствіе въ непріятельскихъ рядахъ, довершила пораженіе этой колонны. Подобной участи подверглась и другая непріятельская колонна изъ пѣшихъ сарбазовъ, съ необыкновенной отвагой шедшая для атаки нашего праваго фланга, съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и звукомъ трубъ. При отраженіи этой колонны смѣло и удачно дѣйствовала артиллерія подъ командою поручика Курковского. Послѣ чего непріятель успѣшно сталъ отступать на всѣхъ пунктахъ.“

Потеря непріятеля въ этомъ дѣлѣ простирается до 1500 челов. убитыми и ранеными.

Въ бою непріятель, сверхъ ожиданія, оказалъ весьма упорное сопротивленіе: атаки его были весьма настойчивы и онъ неоднократно съ остервененіемъ бросался въ рукопашную схватку. (донесеніе генерала Гасфорда 10 ноября 1860 г.)

Пораженіе Канаатъ-ша имѣло рѣшительное значеніе для нашего вліянія въ Заилійскомъ и въ Зачуйскомъ краяхъ: съ этого времени ни кокандцы, ни враж-

дебные намъ киргизы не помышляли уже о серьезныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ на эти мѣстности (см. рукоп. матер. для «Опис. хивинск. похода», ст. А. Шенелена, „Очеркъ воен. и дипл. своп. Россіи съ Сред. Аз.“; изд. на прав. рукописи, Ташкентъ 1879 г.)

V

Причины движенія русскихъ отрядовъ въ культурную часть средней Азін.

Одновременное наступленіе, въ іюнь 1854 г., отрядовъ полковника Веревкина со стороны Сырь-Дарьинской линіи и полковника Черняева со стороны Алатавскаго округа есть начало выполненія плана, необходимость котораго сознавалась еще въ эпоху крымской войны. Для водворенія подлаго спокойствія и порядка въ зауральскихъ киргизскихъ ордахъ требовалось занять южную окраину киргизскихъ степей и тѣмъ предохранить ихъ отъ вліянія враждебныхъ намъ кокадцевъ и киргизовъ большой орды, кочевавшихъ въ ташкентскомъ, чимкентскомъ и аудіеатинскомъ районахъ. „Одинъ взглядъ на карту показываетъ, что между линіею Сырь-Дарьинскою и Сибирскою, крайними передовыми пунктами которыхъ были укрѣпленія: форть Перовскій и Вѣрный, оставался открытый промежутокъ на пространствѣ въ 900 слишкомъ верстъ. Это были, такъ-сказать, обширныя ворота, чрезъ которыя кокадцы и подвластные имъ киргизы могли во всякое время и безваказанно проникать во внутрь нашихъ степей, прерывать сообщенія линій, грабить и волновать подданныхъ намъ кочевниковъ. Лежавшія вблизи нашихъ передовыхъ укрѣпленій кокадскія крѣпости служили постоянною угрозою спокойствія мирныхъ киргизовъ, такъ какъ малочисленность нашихъ гарнизоновъ не позволяла имъ далеко отдаляться отъ укрѣпленій для за-

щиты преданнаго намъ кочеваго населенія отъ непріятельскаго населенія“.

„Естественнымъ средствомъ для окончательнаго успокоенія киргизской степи и обезпеченія ея отъ вторженія грабительскихъ шаекъ съ юга представлялось соединеніе оконечностей обѣихъ линій, замкнувъ, такимъ образомъ, нашу южную границу на всемъ пространствѣ отъ форта Перовскаго до Вѣрнаго“ (Рукопис. матер. для «Описан. хивин. пох.», ст. А. Шепелева „Очеркъ воен. и диплом. снош. Россіи съ Сред. Аз.“).

Какъ результатъ удачнаго дѣйствія оренбургскаго и сибирскаго отрядовъ было образованіе, въ 1864 г., Ново-кокавдской линіи, а затѣмъ Туркестанской области, въ 1865 году.

Взятіе русскими гор. Туркестана.

Изложенное здѣсь описаніе осады и взятіе гор. Туркестана въ общихъ чертахъ согласно съ донесеніемъ полковника Веревкина отъ 19 іюня 1864 г. Въ этомъ донесеніи о дѣйствіяхъ Садыка, между прочимъ, говорится слѣдующее: „Еще нѣсколько дней тому назадъ ходили довольно достоверные слухи о намѣреніи Сузакъ и Ташкента помогать противъ насъ Туркестану. 10-го числа слухи эти отчасти оправдались вступленіемъ въ Туркестанъ Садыка съ 120 кольчужниками, составившими соединенные гарнизоны Сузакъ и Чулакъ-Курганъ. Вълѣдствіе такихъ обстоятельствъ рѣшено было вести атаку какъ можно энергичнѣе и быстрѣе.“

„Садыкъ, перейдя Джамавтагъ, направился сначала на Курнакъ, но свѣдавъ близъ послѣдняго о началѣ нашей осады, повернулъ влѣво и, обойдя южную отлогостью горъ, вышелъ на Ташкентскую дорогу. Высланный противъ Садыка есаулъ Савинъ съ своєю сотнею не могъ отрѣзать его отъ Ташкентскихъ воротъ, такъ какъ Садыкъ, при встрѣчѣ, находился къ воротамъ ближе есаула Савина и каждый разъ, когда казаки производили атаки, отступалъ подъ огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ, стараясь завлечь за собою и казаковъ“.

✱ Траншейныя работы для подступа къ городу начались въ ночь на 11 Іюня; съ этого же времени гарнизонъ началъ производить частыя и энергичныя вылазки, направленные какъ на линію осадныхъ работъ, такъ

равно и на лагерь отряда. Вылазка Садыка и Курбанджана произведена, очевидно, въ ночь на 12 число. Кокандцы выслали изъ крѣпости массы конныхъ и пѣшихъ людей; послѣдніе приближались къ траншеямъ пѣшкомъ. „Подпустивъ кокандцевъ на самую близкую дистанцію, люди 3 и 1 ротъ открыли мѣткій огонь, и непріятель бѣжалъ, направляясь къ передовому рву крѣпости, но часть кавалеріи, испуганная прилетѣвшимъ съ батареи нашей ядромъ, ринулась влѣво и наткнулась на траншею. Слѣшившись, кокандцы вскочили въ самый ровъ траншей и бросились на солдатъ съ шашками и кистенями, но все были исколоты штыками, причеиъ съ нашей стороны сильно ушибленъ только одинъ рядовой.

„Только-что окончилась первая вылазка, какъ со стороны бархана показалась огромная масса кокандцевъ со знаменемъ, рѣшившихся еще разъ испытать нападеніе на работы наши съ лѣвой стороны. И здѣсь огонь открытъ съ самой близкой дистанціи; съ первыхъ выстрѣловъ знамя упало, нападавшая толпа смѣшалась, повернула назадъ и, преслѣдуемая выстрѣлами, поспѣшно удалилась въ крѣпость,“

Туркестанъ сдался 12 іюня утромъ, стало-быть немедленно послѣ отбитія нашими войсками энергичныхъ вылазокъ гарнизона, а не *пять дней спустя*, какъ говоритъ авторъ. Потеря наша состояла изъ 5 чел. убитыхъ и 33 раненыхъ и контуженыхъ; въ числѣ убитыхъ былъ одинъ офицеръ, генеральнаго штаба капитанъ Каховскій.

Далѣе изъ донесенія полковника Веревкина видно что Садыкъ „отправился къ своимъ кочевкамъ и при-

далъ своихъ братьевъ съ изъявленіемъ покорности и съ просьбою о помилованіи.“ Фактъ этотъ удостовѣряется отставнымъ дѣйств. ст. совѣт. Груздземъ и другими, но авторъ объ этомъ не упоминаетъ. Приславъ своихъ посланцевъ, Садыкъ по чему-то измѣнилъ свое намѣреніе и не довелъ дѣла до конца. Надо предполагать, что причиною этою былъ приходъ Муллы-Алимукула въ Чимкентъ во главѣ значительныхъ скопищъ.

VII

Бой подъ Акбулакомъ.

Дѣло касается извѣстнаго боя подъ Акъ-Булакомъ (иначе Алтынъ-тюбе), происходившаго 15 Іюля 1864 года между арміею Муллы-Алимула и отрядомъ генеральнаго штаба капитана Мейера и едва некончившагося гибелью послѣдняго.

Свѣдавъ о томъ, что кокандцы, собравъ большія силы въ Ташкентѣ, двинулись къ Чимкенту, откуда намѣревались половину войскъ послать въ Аулие-ата, а другую половину къ Туркестану, генераль Черняевъ самъ выступилъ на встрѣчу, къ Чимкенту. Въ то же время онъ просилъ начальника Сыръ-Дарьинской лави, полковника Веревкина, оказать ему содѣйствіе, выдвинувъ самостоятельный отрядъ къ сторонѣ Чимкента. Отрядъ былъ посланъ подъ начальствомъ капитана Мейера, который встрѣтилъ непріятеля за р. Арысомъ къ вечеру 13 числа. По донесенію капитана Мейера, позиція, занятая въ сумерки въ этотъ день, была очень неудачна; она представляла только возможность дѣйствовать картечью и имѣла воду, которую кокандцы, впрочемъ, съумѣли впоследствии отвести въ другую сторону. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что офицеры отряда требовали перемѣны позиціи, но что требованіе не было удовлетворено и отрядъ былъ окруженъ превосходными силами кокандцевъ, занявшихъ окружающія высоты. Атаки ихъ начались въ 8 час. утра на другой день.

Капитанъ Мейеръ доносить объ этомъ слѣдующее: (*) .

„Густыя толпы конныхъ и пѣшихъ кокандцевъ заняли высоты и скоро начали спускаться внизъ, осыпая насъ фальконетными и ружейными пулями. Съ начала утра мы занялись устройствомъ прикрытія изъ имѣвшихся у насъ тяжестей и провіанта, размѣстивъ орудія по угламъ каре, а въ одинъ уголь, къ которому небольшіе барханы подходили особенно близко, поставили, кромѣ того, ракетный станокъ. Изъ фасовъ каре одинъ, занятый казаками, былъ прикрытъ мокрымъ рвомъ, а около двухъ другихъ пролегли небольшія сухія канавки. Еще до занятія позиціи кокандцами, я распорядился сдѣлать фуражировку и собрать сѣно и солому для корма скота, что было успѣшно исполнено въ виду непріятеля есауломъ Савинымъ, равно какъ запрудилъ канаву, чтобы сохранить начавшую убывать воду.

„Въ такомъ положеніи находился отрядъ, когда со всѣхъ сторонъ бросились на него толпы непріятеля. Сперва мы встрѣтили ихъ гранатами и ядрами, а потомъ картечью и ружейнымъ огнемъ. Натискъ былъ отбитъ, но кокандскіе стрѣлки засѣли въ неровной мѣстности и завязали съ нами весьма живую перестрѣлку. Чтобы прекратить ее, охотники изъ линейныхъ войскъ и изъ казаковъ, подъ начальствомъ прапорщика Овчинникова и хорунжаго Павлова, бросились на *ура* и выбили стрѣлковъ изъ ближайшихъ овраговъ. Этому наступательному движенію много способствовало то обсто-

(*) Отъ 17 Іюля 1864 г. № 60.

ительство, что кокандская кавалерія, бросившись на выручку своихъ стрѣлковъ, попала подъ огонь орудій. Нижніе чины такъ ожесточились, что не было ни какой возможности воротать ихъ ни голосомъ, ни сигналами; наконецъ, хорунжій Вороздна самъ вызвался идти одинъ догонять цѣпь, чтобы отозвать ее, что исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, такъ, что мы не потеряли ни одного человѣка. На другомъ фасѣ кокандскіе стрѣлки почти также беспокоили насъ своими выстрѣлами; охотники съ тѣмъ же хорунжимъ Павловымъ и здѣсь выгнали ихъ изъ рва штыками, но при обратномъ движеніи былъ раненъ одинъ казакъ. Эти два наступательныя покушенія съ нашей стороны освободили насъ на весь день отъ непріятельской стрѣльбы на близкомъ разстояніи, но зато высоты и дальніе рвы были заняты фальконетами и крѣпостными ружьями, поддерживавшими неумолкаемый огонь.

„Послѣ полудня, кокандцы поставили три орудія на высотахъ и первый снарядъ, пролетѣвшій черезъ нашъ лагерь, произвелъ поражающее моральное впечатлѣніе: его взорвало, и всѣ увидѣли, что мы имѣли дѣло съ непріателемъ, какого Сыръ-Дарьинскія войска еще не встрѣчали. Тотчасъ мы начали принимать мѣры къ улучшенію нашего прикрытія, сняли сѣдла съ верблюдовъ и самихъ этихъ животныхъ положили снаряды, а убитый скотъ и вообще все, что попало, врывали въ возводимый нами брустверь. Хотя вскорѣ прапорщику Тиханову удалось заставить замолчать одно орудіе, но гранаты непріятеля ложились и рвались весьма удачно; сбить же орудій, по высокому ихъ положенію, и оберегая наши снаряды, не было ни какой

возможности. Угрожавшая явная опасность отъ пожара побудила сотника Крымова, не смотря на усиленный огонь непріятеля, принять мѣры къ скрытію зарядныхъ ящичковъ, снявъ ихъ съ колесъ и зарывъ по возможности въ землю. Для исполненія этихъ работъ и устройства бруствера и траншеи у насъ имѣлось во всемъ лагерѣ 8 лопатъ (изъ коихъ четыре негодныхъ) и 4 мотыги. Падшій отъ гранатъ скотъ послужилъ намъ въ пользу: его укладывали рядами для составленія закрытія нашихъ стрѣлковъ и казаковъ. Трудность положенія вызвала необыкновенныя мѣры: мы закладывали въ брустверъ даже нашихъ убитыхъ.

„Къ вечеру непріятель прекратилъ артиллерійскій огонь, но тревожилъ насъ до наступленія темноты своими ружейными и фальконетными выстрѣлами. Потеря наша въ этотъ день была весьма значительна людьми, и, кромѣ того, ракетный станокъ пробить гранатою, но солдаты не унывали, и, по совѣту подпоручика Сукорко, втеченіе всей ночи рыли землю штыками, тесаками, а болѣе всего руками. Ночь прошла безъ покушеній со стороны непріятеля, и къ утру нашъ маленькій лагерь былъ обнесенъ небольшимъ валомъ, и орудія стрѣляли черезъ банкъ.

„Съ разсвѣтомъ, 15 числа, очевидно стало, что непріятель хочетъ сдѣлать рѣшительный приступъ. Онъ вскорѣ открылъ огонь изъ орудій, но неудачнѣе перваго дня: гранаты рвало слишкомъ рано, серьезнаго вреда онъ намъ не нанесли, такъ что пальба прекратилась. Вслѣдъ за этимъ стрѣлки его начали опять занимать рвы и неровности передъ лагеремъ, а противъ

одного изъ фасовъ сгруппировались сарбазы (иначе кызыль-баши, гвардія) числомъ около 500 челов. съ четырьмя значками. Появленіе этого правильно организованнаго, однообразно и красиво одѣтаго и совершенно обученнаго войска, произвело замѣтное впечатлѣніе на нашихъ солдатъ. Между тѣмъ во время наступленія кокандцевъ стрѣлки ихъ поддерживали живѣйшій огонь по всему лагерю и только примѣрное хладнокровіе и спокойствіе нашихъ офицеровъ удерживало солдатъ отъ бесполезной пальбы по скрытому непріятелю. Кавалерія въ то время заняла ближайшія высоты и очевидно стало, что наступила рѣшительная минута. По всему лагерю строгойше приказано стрѣлять только въ упоръ, вынуть патроны изъ сумъ и имѣть снаряды у орудій на готовѣ. Нѣсколько выстрѣловъ гранатами по лагерю показали намъ моментъ приступа, который дѣйствительно начался со всѣхъ сторонъ съ оглушительнымъ крикомъ. Какъ по командѣ, войска наши выскочили изъ ровиковъ и открыли такой убійственный огонь, что непріятель падалъ кучами; быстрое жедѣйствіе картечью сдѣлало то, что непріятель оставилъ груды труповъ, при чемъ съ нимъ смѣшалось немало и живыхъ, немогшихъ подняться отъ испуга попасть подъ градъ пуль, летѣвшихъ по всѣмъ направленіямъ. Лагерь нашъ около 10 минутъ стоялъ какъ въ огнѣ, наконецъ кокандцы побѣжали; только сарбазы, хотя и обратились назадъ, но снова заняли углубленія противъ одного изъ фасовъ и продолжали перестрѣлку. Этотъ не очень частый, но мѣткій огонь стоялъ намъ сперва прапорщика Овчинникова, здѣсь вторично раненаго, а потомъ сотрудника его, прапорщика Свѣтцоваго, ранен-

наго въ то время, когда онъ уговаривалъ солдатъ не тратить даромъ заряды.

„При отбитіи этого штурма нами взято одно шелковое знамя, одинъ значекъ и нѣкоторое оружіе, которое я роздалъ взявшимъ его нижнимъ чинамъ.

„Не смотря на страшный уронъ, понесенный неприятелемъ, выстрѣлы сарбазовъ не давали покоя и вызвали насъ на перестрѣлку, которая была для насъ тѣмъ невыгодна, что заряды надо было беречь до нельзя. Понимая, что эта пальба имѣетъ единственно цѣлю облегченіе уборки тѣлъ убитыхъ, я предложилъ кокандамъ прекратить пальбу и убрать своихъ убитыхъ и раненыхъ, что было немедленно ими принято; къ этому меня побуждало еще то обстоятельство, что при настоящей знойной погодѣ, окруженные нашими убитыми животными, мы были бы совершенно не въ состояніи выдержать зловонія отъ такого количества новыхъ труповъ; наконецъ, стоячая вода въ нашей канавѣ, уже принявшая красноватый оттѣнокъ отъ крови, отъ гніенія въ ней убитыхъ, сдѣлалась бы окончательно негодною. Уборкою тѣлъ начальники кокандцевъ воспользовались, что бы прислать ко мнѣ письмо, которое мой переводчикъ киргизъ принялъ адресованное ко мнѣ и вообще перевелъ его невѣрно; вмѣстѣ съ тѣмъ они просили словесно объяснить причину моего прихода; я отвѣчалъ имъ, какъ видно изъ прилагаемой копіи. Къ такому отвѣту побуждало меня много обстоятельствъ: вопервыхъ небольшое количество оставшейся у меня картечи и зарядовъ, во вторыхъ дурное состояніе воды и воздуха, въ третьихъ значительныя поврежденія, на-

чавшія показываться въ деревянныхъ частяхъ орудій, и наконецъ неприбытіе отряда полковника Черняева.

„Ночь съ 15 на 16 мы употребили для сбора нашей разбросанной и поврежденной клажи и на устройство фуръ для раненыхъ; съ великимъ трудомъ мы собрались къ 9 часу утра и тронулись обратно. Но между тѣмъ стало ясно, что со стороны Чимкента подходит отрядъ полковника Черняева, а потому я рѣшился остановиться на первой позиціи съ водою, куда послѣ полудня прибылъ посланный изъ отряда подполковника Лерхе, шедшаго на соединеніе со мною. Посланный этотъ привезъ мнѣ приказаніе присоединиться къ этимъ войскамъ, что я и исполнилъ въ тотъ же день.

„Лучшимъ доказательствомъ нашей опасности служить параллель между силами и потерей непріятеля и нашей. У кокандцевъ было на полѣ сраженія, по моему исчисленію, 10.000 чел., а по ихъ собственному сознанію—12.000 человѣкъ; потеря ихъ, по ихъ же словамъ, только во время послѣдняго нападенія одними убитыми, была 513 человѣкъ, такъ что общій итогъ выбывшихъ въ эти два дня изъ строя можно полагать до 2.000 чел.; у насъ же было всего съ офицерами и нестроевыми 405 чел.; потеря ранеными: 2 офицера и 37 нижнихъ чиновъ, контуженными 2 офицера и 21 нижній чинъ и убитыми 13 нижнихъ чиновъ; кромѣ этого ранено у насъ 5 киргизъ, т. е. всего 80 человѣкъ.“

Изъ этого донесенія не видно причины, почему именно кокандцы прекратили свои нападенія на изнемогавшій отрядъ и дали ему возможность если не от-

ступить вовсе, то во крайней мѣрѣ переимѣнить позицію, что впоследствии дало поводъ къ толкамъ о томъ, что начальникъ отряда, будто бы, былъ не далеко отъ мысли сдаться неприятелю. По словамъ нѣкоторыхъ участниковъ дѣла, ничего подобнаго не было. Общая неудача дѣла, происшедшая отъ дурно выбранной позиціи, большихъ потерь, граватнаго огня, впервые встрѣченнаго у кокандцевъ войсками Сыръ-Дарьинской линіи, многочисленности неприятеля, поставившаго отрядъ въ отчаянное положеніе своими энергичными атаками, и наконецъ сношенія съ Алимкуломъ, допустившимъ отступить отряду, все это невольно поставилось въ укоръ и осужденіе начальнику, котораго съ 400 челов. необдуманно выдвинули противъ всей кокандской арміи. Во всякомъ случаѣ, если Алимкулъ и одержалъ побѣду, заставивъ отрядъ отступить, то это была побѣда Пирра и, по своимъ результатамъ равнялась одержанной имъ впоследствии побѣдѣ надъ уральскою сотнею подъ Иканомъ, т. е. повела не къ укрѣпленію куха среди кокандскихъ войскъ, а къ деморализаціи.

Между тѣмъ причинами прекращенія атакъ отряда капитана Мейера Алимкуломъ объясняются слѣдующимъ: а) огромною потерею, понесенною нападавшими; б) обязательствомъ капитана Мейера отступить къ Туркестану, въ чемъ собственно и нужно видѣть результаты побѣды больше нравственной, а потому и особенно обидной и в) дѣйствіями отряда Черняева, наступавшаго съ сѣвера, во флангъ расположенія арміи Алимкула.

Въ своемъ донесеніи отъ 8 августа 1864 г. генералъ Черняевъ, между прочимъ, говоритъ: „въ ночь съ

12 на 13 іюля посланный мною въ Туркестанъ почтарь возвратился съ письмомъ отъ генеральнаго штаба капитана Мейера, командовавшаго отрядомъ, высланнымъ изъ Туркестана къ Чимкенту. Узнавъ о малочисленности отряда капитана Мейера, я немедленно двинулся правымъ берегомъ Арыса къ нему на соединеніе, дѣлая по 45 верстѣ въ сутки, и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ ему увѣдомленіе, чтобы онъ или ожидалъ моего прибытія, или же, если представится возможность, двигался ко мнѣ на встрѣчу, дабы намъ соединиться внѣ расположенія кокандскихъ силъ. Въ ночь съ 14 на 15 число мною получена была записка капитана Мейера съ уроч. Агъ-булакъ. Но имѣя достовѣрныя свѣдѣнія о численности непріятеля, я тотчасъ же отправилъ къ нему на рысяхъ всю имѣвшуюся въ отрядѣ конницу, состоявшую изъ 75 конныхъ стрѣлковъ и 50 казачковъ съ двумя конными орудіями, подъ начальствомъ войсковаго старшины Катанаева, который, пройдя болѣе 30 верстѣ, былъ въ свою очередь атакованъ кокандцами при верховѣхъ Бурджара, не допустившими его верстѣ на 5 до капитана Мейера.

„Услыхавъ довольно частую пальбу изъ орудій, я съ другимъ взводомъ конной артиллеріи, при 25 конныхъ стрѣлкахъ и 30 челов. киргизской милиціи, отправился по слѣдамъ Катанаева и, приблизясь къ нему версты на полторы, дѣйствіемъ артиллеріи заставилъ кокандцевъ отступить, послѣ чего также замолчали и слышанные до селѣ нами выстрѣлы со стороны туркестанскаго отряда. Но спустя нѣкоторое время, показались новыя непріятельскія колонны, которыя послѣ нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ приоста-

новились. Прибывшіе ко мнѣ 30 челов. стрѣлковъ на лошадяхъ нашихъ милиціонеровъ и на обозныхъ повозкахъ, а также подоспѣвшая вслѣдъ за симъ стрѣлковая рота № 8 баталіона, дали мнѣ возможность перейти въ наступленіе и принудить непріятеля бѣжать къ кургану Алтынъ-тюбе, верстахъ въ 8 отъ Чимкента.

„Выждавъ при арыкѣ Кызыль-Су прибытія остальной части отряда, мною былъ выдвинутъ противъ находившихся передъ нами кокандскихъ колоннъ дивизионъ батарейной батареи, съ двумя ротами, подъ начальствомъ подполковника Лерхе, который, разогнавъ новыя скопища, прибывшія со стороны позиціи капитана Мейера, занялъ весьма выгодную позицію при упомянутомъ курганѣ, куда и стянуть былъ весь отрядъ.

„Совершенное изнеможеніе людей отъ усиленнаго перехода по безводному пространству, при жарѣ 40°, не позволяло мнѣ въ этотъ же день соединиться съ капитаномъ Мейеромъ, тѣмъ болѣе, что наступила уже ночь, а прекратившаяся канонада и потянувшіяся оттуда къ Чимкенту скопища убѣдили меня, что онъ вѣдъ опасности. Съ разсвѣтомъ же 16 числа, въ виду отряда открылись два непріятельскіе лагеря: одинъ отъ 2 т. до 3 т. подъ начальствомъ Минбая, одного изъ главныхъ представителей кипчакской партіи, а другой отъ 4 т. до 6 т., подъ начальствомъ самого регента ханства, муллы Алимкула.

„Такъ какъ послѣдній лагерь былъ на пути нашего соединенія съ туркестанскимъ отрядомъ, то мною приказано подполковнику Лерхе съ 3 ротами пѣхоты, при 2 конныхъ и 2 горныхъ орудіяхъ и сотнею стрѣл-

ковъ, разогнавъ этотъ лагерь, дойти до капитана Мейера и, по соединеніи, вмѣстѣ съ нимъ немедленно возвратиться въ отрядъ.“

Подполковникъ Лерхе соединился съ капитаномъ Мейеромъ и 17 числа возвратился въ лагерь отряда генерала Черняева.

VIII

Рекогносцировка гор. Чимкента.

Дѣло, очевидно, касается одного изъ эпизодовъ рекогносцировки Чимкента, произведенной генераломъ Черняевымъ 22 іюля. Въ своемъ донесеніи отъ 8 августа генераль Черняевъ говоритъ: „22 іюля, окопавъ лагерь рвомъ и оставивъ тамъ для прикрытія обоза и больныхъ туркестанскій отрядъ, подъ командою капитана Мейера, я со вѣренными мнѣ войсками и 50 оренбургскими казаками, двинулся для рекогносцировки Чимкента. Чтобы воспрепятствовать въ этомъ, выслана была противъ насъ почти вся непріятельская конница, въ числѣ отъ 15 до 18 тыс. при нѣсколькихъ десяткахъ фалконетовъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ этою массою скопищъ, отрядъ нашъ, казавшійся горстью, прочистилъ себѣ дорогу къ Чимкенту и подошелъ на такое растояніе, съ котораго можно было обзрѣть его.

„Чимкентъ состоитъ изъ небольшой, но довольно высокой цитадели и города, обнесеннаго рвомъ и невысокимъ брустверомъ. Вблизи города, съ западной стороны, есть командующія высоты. Во время обзрѣнія Чимкента, для того, чтобы обнаружить расположе- ніе непріятельскихъ батарей, выдвинуть былъ мною сажень на 150 впередъ отрядъ и на 400 отъ вѣрности дивизионъ батарейной батареи, съ двумя ротами, подъ командою подполковника Лерхе. Непріятельская батарея изъ 8 орудій открыла немедленно огонь по дивизи-

зіону, но вскорѣ два орудія были подбиты, а выстрѣлы остальныхъ сдѣлались замѣтно рѣже.

„Окончивъ рекогносцировку, я предпринялъ обратное движеніе, сопровождаемый со всѣхъ сторонъ непріятельской конницей, которая наткнувшись два раза на картечь и потерпѣвъ при этомъ сильный уронъ, оставила насъ въ покоѣ, не доходя 3 версты до лагеря, гдѣ во время отсутствія отряда все было благополучно. Въ движеніи этомъ не потеряно ни одного человѣка, раненыхъ весьма легко трое, оставшихся въ строю. Непріятель же, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ бѣжавшими изъ Чимкента киргизами, потерялъ въ этотъ день до 400 челов., въ числѣ которыхъ Минбай, а во все время дѣйствій подъ Чимкентомъ потеря ихъ доходить до 3 т. Простоявъ еще на Алтынъ-тюбе сутки, я двинулся со всѣми войсками, для безопасности капитана Мейера, по туркестанской дорогѣ до Арыса, далъ ему въ помощь стрѣлковую роту № 5 баталіона съ горнымъ орудіемъ подъ командою артиллеріи поручика Абрамова и, сдѣлавъ въ этомъ мѣстѣ для ихъ прикрытія дневку, двинулся обратно къ Аулиеата правымъ берегомъ вверхъ по Арысу, какъ для снятія этой мѣстности, такъ и для того, чтобы пройти среди кочевьевъ кокандскихъ киргизъ рода Сергали, разбившихъ наши почты и вообще принимавшихъ весьма дѣятельное участіе въ помощи кокандцамъ. На пути этомъ мною были получены свѣдѣнія, что часть скопищъ кокандскихъ, состоявшихъ также изъ киргизъ, уже начала расходиться.

IX

Бой подъ Иканомъ.

Въ своемъ разсказѣ авторъ не упоминаетъ о неудачной попыткѣ генерала Черняева штурмовать Ташкентъ, бывшей 4-го октября 1864 года. Но очевидно именно эта попытка заставила регента кокандскаго хана Муллу Алимула собрать войска въ Ферганѣ и двинуться на выручку Ташкента. Неудача, которую потерпѣлъ русскій отрядъ подъ стѣнами города, ободрившая нѣсколько упавшій духъ кокандцевъ, и растянутасть вновь образованной нами ново-кокандской линіи, охраняемой отрядами, расположенными въ г.г. Туркестанѣ и Чимкентѣ, и наконецъ дѣятельная, предприимчивая натура Алимула, все это заставило начальника кокандскихъ войскъ перейти въ наступленіе. Изъ разсказа видно, что предпріятіе велось весьма скрытно и ловко и если не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, то по причинѣ необыкновенной стойкости уральской сотни Сѣрова и дурному качеству кокандскихъ войскъ. Иканская побѣда оказалась для кокандцевъ не хуже поражения, вселивъ въ нихъ убѣжденіе, что если тысячи воиновъ не могли одолѣть сотню „русскихъ казаковъ“, то чтоже можетъ произойти, если русскихъ явятся тысячи?

Иканское дѣло прекрасно описано есауломъ Сѣровымъ въ его донесеніи коменданту г. Туркестана 8 декабря 1864 года.

„Командированный предписаніемъ, отъ 8-го декаб-

ря за № 853, и получивши личныя приказанія вашего высокоблагородія, того же дня часа въ два пополудни, выступилъ съ ввѣренной мнѣ сотнею въ деревню Икань, всего въ числѣ 2-хъ оберъ-офицеровъ, 5 урядниковъ, 98 казаковъ, 1 фельдшера, съ 2 жожаками изъ волонтеровъ, при одномъ горномъ единорогѣ, 4-мя артиллеристами и 1 фурштатѣ.

„Сотня была вооружена нарѣзными ружьями, а для поднятія тяжестей находилось при отрядѣ 13 верблюдовъ.

„По выступленіи изъ города, встрѣтился между садами киргизъ изъ волонтеровъ Ахметъ, который сообщилъ, что за Иканомъ видѣлъ кокандцевъ, но въ какомъ числѣ, онъ, Ахметъ положительно не зналъ; о чемъ я тотчасъ же далъ знать вамъ черезъ казака Андрея Борисова, съ которымъ потомъ получилъ приказаніе идти на рысяхъ, что и было съ точностью исполнено. Далѣе, за окрестными садами встрѣтились еще двое почтарей-киргизъ, возвращавшіеся изъ Икана, (у одного изъ нихъ была ранена лошадь); при чемъ, они передали мнѣ, что были встрѣчены кокандцами и вернулись обратно; не основываясь на ихъ показанія, я продолжалъ слѣдованіе, а между тѣмъ послалъ съ этимъ извѣстіемъ къ вамъ казака Платона Добринина, который возвратился и передалъ приказаніе продолжать слѣдованіе, во время коего ни авангардомъ, ни боковыми патрулями непріятель замѣченъ не былъ; а не доходя версты 3 до Икана (что было подъ вечеръ), въ окрестностяхъ видѣлись огни и болѣе съ правой стороны; догадываясь, что это былъ непріятель, я тотчасъ же остановился и послалъ впередъ одного жожака-киргиза,

разузнать, дѣйствительно ли это кокандцы и въ какомъ числѣ. Но посланный тутъ же вернулся въ отрядъ и передалъ, что встрѣтилъ непріятельскій разъѣздъ чело-вѣкъ 4-хъ; почему немедленно сдѣлано небольшое отступление на замѣченную случайно раньше позицію. Пройдя не болѣе полверсты, отрядъ моментально былъ окруженъ огромными скопищами кокандцевъ, которые съ гикомъ начали нападать. Не находя возможности держаться на лошадяхъ и продолжать отступленіе, я живо спѣшилъ отрядъ, приказавши наскоро сба-товать лошадей, залечь въ небольшую канаву, а съ от-крытыхъ сторонъ устроить завалы изъ мѣшковъ съ про-віантомъ и фуражемъ и изъ всего, чѣмъ можно было оградиться, поставивъ въ тоже время на одномъ изъ фасовъ единорогъ.

„Предупредивъ казаковъ не тратить зря выстрѣ-ловъ, и, подпустивши непріятеля на самую близкую ди-станцію, разомъ былъ сдѣланъ залпъ изъ ружей и едино-рога (изъ послѣдняго даже успѣли выпустить два вы-стрѣла картечью), что и заставило непріятеля съ зна-чительнымъ урономъ отступить въ сильномъ безпорядкѣ и уже потомъ снова повторять неоднократно нападе-нія, которыя были однако, совершенно безуспѣшны; при чемъ, чтобы показать непріятелю численность своего отряда и его вооруженіе, мы старались передви-гать единорогъ съ одного фаса на другой и дѣлать выстрѣлы.

„Отойдя и построившись въ правильныя колонны, непріятель держался далекаго разстоянія, а мѣткіе вы-стрѣлы моихъ казаковъ окончательно пріостановили на-ступление ихъ конницы. Вслѣдъ за этимъ же, непріа-

тель открылъ изъ трехъ орудій сильный навѣсный огонь гранатами, осколками которыхъ было убито нѣсколько лошадей; изъ людей же, прикрываемыхъ завалами, были только четверо контужены. Канонада эта продолжалась цѣлую ночь. Съ праваго и лѣваго фланговъ ихъ позиціи были направлены выстрѣлы изъ нѣсколькихъ фальконетовъ, причинившіе вредъ только лошадямъ и верблюдамъ. Съ тѣхъ же пунктовъ дѣйствовала и пѣхота—сарбазы—изъ ружей, но пули ихъ не наносили вреда отряду. Конница, построенная въ боевомъ порядкѣ, во все время ночи стояла на мѣстѣ.

„На слѣдующее утро, 5 декабря, огонь неприятельскихъ орудій усилился: гранаты и ядра безпрестанно летѣли въ отрядъ, причиняя особенно значительный вредъ лошадямъ и оружію (*), при чемъ ранено нѣсколько казаковъ.

„Пѣхота неприятеля замѣтно подходила массами изъ-подъ Икана, на усиленіе осаждавшихъ войскъ, но, увеличивая ружейную перестрѣлку, однакожь, мало вредила отряду.

„Весь этотъ день казаки держались молодецки, не допуская своими правильно рассчитанными выстрѣлами на близкое разстояніе неприятеля и часто уничтожая его орудійную прислугу, заставляли передвигать орудія. Многіе даже, не смотря на огромное скопище кокандцевъ, которыхъ было болѣе 10.000, просились кинуться въ штыки, но, по малочисленности отряда, этой храброй рѣшимости допустить было нельзя.

(*) Осколками гранатъ не мало помято ружей.

„Видя совершенную невозможность подойти ближе къ нашему отряду, безъ всякаго прикрытія, непріятель началъ подвозить камышъ и разный мелкій дѣсъ для устройства мантелетовъ и какихъ-то щитовъ на двухъ-колесныхъ арбахъ, что объяснилось послѣ. Стрѣльба продолжалась до ночи.

„Выстрѣловъ изъ единорога въ первую ночь было выпущено числомъ до 8-ми, при послѣднемъ изъ нихъ сломалось колесо, почему встрѣтилось затрудненіе продолжать стрѣльбу; по снѣтливая и удалая находчивость вице-фейерверкера Грѣхова съ товарищами выручила и изъ этого положенія: они тотчасъ, снявши колеса изъ подъ ящика съ снарядами, поддѣли ихъ къ единорогу, но такъ какъ ступицы пришлись длиннѣе оси, то фейерверкеръ изловчился прикрѣпить ихъ веревками, отъ чего они не могли вращаться и при передвиженіи съ одного мѣста на другое, приводилось артиллеристамъ съ помощію казаковъ переносить единорогъ на рукахъ и спинахъ; особенно полезны были при этомъ лихачи-казаки: Терентій Толкачевъ, Василій Казанцевъ, Кузьма Бизяновъ и Платонъ Добрининъ; всѣ они подъ градомъ пуль и картечи на спинахъ своихъ передвигали единорогъ; Толкачевъ кромѣ этого наводилъ и стрѣлялъ, когда уже были ранены артиллеристы; дорогой, при отступленіи, не смотря на раны, мѣтко и ловко поражали непріятеля изъ ружей. Добрининъ, имѣя сквозную рану въ плечо и контузію въ руку, шелъ до соединенія съ отрядомъ, высланнымъ на помощь, слегка придерживаясь за рукавъ моего пальто.

„Днемъ 5-го числа, для обереженія снарядовъ, которыхъ всего было числомъ 32, и чтобы не показывать

неприятелю, что при отрядѣ былъ одинъ единорогъ, выстрѣловъ изъ него не производилось.

„Того же числа, часа въ два пополудни, въ сторонѣ къ Туркестану послышались выстрѣлы изъ пушекъ и ружей и, какъ оказалось послѣ, это былъ отрядъ, высланный къ намъ на выручку и вернувшійся, не дойдя до нашей позиціи версты 3 или 4; послѣ чего, вскорѣ изъ лагеря неприятеля явился посланный съ запискою на татарскомъ языкѣ, съ печатью Алимкула, такого содержанія: предлагалась сдача, съ принятіемъ магометанской вѣры и между прочимъ говорилось въ ней, что русскій отрядъ, высланный на выручку, прогнанъ назадъ и что помощи не должны ожидать больше, и если я не сдамся, то отрядъ будетъ уничтоженъ. (Переводилъ записку кара-киргизъ Ахметъ). Какой былъ данъ отвѣтъ на это дикое предложеніе — показываетъ само дѣло. Дождавшіеся ночи и не смотря на стрѣльбу неприятельскихъ орудій, казаки укрѣпили свою позицію, дѣлая завалы изъ убитыхъ лошадей и верблюдовъ. Въ эту ночь я вызвалъ охотниковъ, чтобы дать знать въ Туркестанъ о незавидномъ положеніи отряда. Исполнить это весьма трудное и почти невозможное порученіе, охотно вызвались удалыцы-казаки: кавалеръ Андрей Борисовъ изъ дворянъ, Павелъ Мизиновъ и Варфоломей Коноваловъ; второму изъ нихъ — Мизинову, по слабости его здоровья, я тогда же отказалъ, а Борисовъ и Коноваловъ, съ киргизомъ Ахметомъ, вызвавшимися также охотно на это рискованное дѣло, отправились верхами въ правую сторону, чтобы горами пробраться къ Туркестану; но они наткнулись, на неприятельскій разъѣздъ и сдѣлавши выстрѣлъ изъ револьвера, живо

вернулись въ отрядъ. Не смотря на неудачу, казаки снова настояли, чтобы отправиться имъ лѣвой стороной, при чемъ удалецъ Борисовъ вызывался даже пробраться одинъ пѣшимъ, а Коновалова, не пожелавшаго уже ѣхать вторично, замѣнилъ лихой казакъ Акимъ Черновъ, которые, отправившись втроемъ (опять съ Ахметомъ), удачно пробрались между непріятельскою цѣпью и пикетами и исправно доставили извѣстіе (съ ними была послана и записка Алимкула). Рано утромъ 6-го декабря, замѣтивши, что у непріятеля были уже готовы мантелеты и щиты съ разныхъ сторонъ нашей позиціи, числомъ 16, видя болѣе чѣмъ критическое положеніе своего отряда и въ ожиданіи помощи изъ Туркестана, чтобы какъ-нибудь оттянуть время, предупредивъ казаковъ, я вышелъ впередъ на нѣсколько шаговъ изъ занятой позиціи, махнулъ къ непріятелю рукой, показывая этимъ, что хочу имѣть переговоры. Вышелъ кокандецъ съ ружьемъ въ рукахъ, которое я настоялъ положить на землю. На желаніе мое видѣть самого Алимкула, онъ отвѣчалъ на чистомъ русскомъ нарѣчій, что онъ „государь и далеко отойти отъ своей линіи не можетъ“, при чемъ кокандецъ этотъ предлагалъ подойти мнѣ самому къ Алимкулу и совѣтывалъ сдаться на самыя лестныя (только для нихъ) общанія. Замѣтивши въ это время, что мантелеты и щиты начали подкатывать къ отряду, я упрекнулъ кокандца, что при переговорахъ наступленіе никогда не дѣлается, и тотчасъ же вернулся на позицію. Выигралъ времени болѣе, чѣмъ на два часа.

„Снова началась стрѣльба и началась прежде изъ моего отряда, чтобы не дать непріятелю подойти бли-

же, что и продолжалось часовъ съ 7 утра до часу пополудни. Ожесточенный непріятель стрѣлялъ чрезвычайно часто и мѣтко, раза четыре кидался изъ за мантелетовъ, но былъ отбиваемъ нашими выстрѣлами, при чемъ окончательно были перебиты все лошади и убито нашихъ 3 урядника, 33 казака и 1 фурштатъ, ранено 4 артиллериста и нѣсколько человекъ казаковъ.

„При отбитіи этихъ нападеній, артиллеристъ Огнивовъ, не смотря на сильную рану, полученную въ руку, вскакивалъ на заваль и держась совершенно открыто, махалъ шашкою и, ободряя товарищей, кричалъ ура.

„Не находя рѣшительно никакой возможности держаться болѣе на своей позиціи при такой сильной стрѣльбѣ и натискѣ тысячной кавалеріи непріятеля, живо заклепали единорогъ (*) и съ крикомъ «ура!» кинулись отступать, выстрѣлами пролагая дорогу, рѣшившись пасть или пробраться къ своему отряду (надежду на послѣдній я не терялъ).

„Отступление продолжалось часовъ до 4 вечера и во все время почти на 8-ми верстномъ разстояніи, подъ сильнымъ перекрестнымъ ружейнымъ огнемъ; при чемъ непріятель, заѣзжая впередъ, строился густыми колоннами съ двухъ сторонъ, спѣшивался и стрѣлялъ по нашему отряду изъ винтовокъ и нарѣзныхъ ружей. Потеря была страшная. Тяжело раненные и убитые падали и оставались на дорогѣ. Въ глазахъ отряда ко-

(*) Этотъ единорогъ впоследствии былъ взятъ въ Ташкентѣ генераломъ Черняевымъ послѣ штурма города (см. донесен. отъ 17 іюня 1865 г.)

кандцы рубили ихъ шашками и отнимали головы; ружья и патроны послѣ убитыхъ отбирались товарищами, которые потомъ ломали ихъ и кидали по дорогѣ: брать и нести съ собою не было положительно никакой возможности, потому что всѣ почти были ранены, и весьма тяжело; нѣкоторые имѣли по 5 и 6 ранъ, и все-таки бодро шли впередъ, поддерживая другъ друга, не смотря на изнуреніе, (двое сутокъ ничего не ѣли и не пили во время осады). И эти самые люди, соединившись съ высланнымъ на выручку къ намъ отрядомъ, послѣ небольшого привала, истекая кровью, не могли даже и встать съ мѣста безъ посторонней помощи. Всѣ они потомъ были размѣщены по телѣгамъ и доставлены въ городъ.

„Въ продолженіи всей осады и во время геройскаго отступленія, казаки и артиллеристы показали дивную и примѣрную храбрость, имѣя страшныя раны, дѣйствовали молодецки! Всего убито: оберъ-офицеръ 1 (*), урядниковъ 4, казаковъ 50, фельдшеръ 1, фурригата 1, и ранено: оберъ-офицеръ 1, урядникъ 1, казаковъ 36, артиллеристовъ 4 и вожакъ изъ киргизъ 1.

„Въ заключеніи не могу умолчать о храбрости урядника Александра Желѣзна и казаковъ: Василія Рязанова и Павла Мизинова; первый изъ нихъ ободрилъ товарищей и въ дѣлѣ выказалъ себя смѣливымъ и ловкимъ стрѣлкомъ, выбирая цѣлью между кокандцами преимущественно начальствующихъ лицъ; Мизиновъ и Рязановъ во время осады, подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, разносили товарищамъ патроны и

(*) Сотникъ Павелъ Абрамичевъ.

вообще дѣйствовали энергично. Получивши при отступленіи рану въ ногу, Рязановъ упалъ и, вскочивши, снова шель до встрѣчи съ отрядомъ подпоручика Сукорко, отстрѣливаясь и сдерживая натискъ непріятеля. На мѣстѣ оный подбилъ лошадь подъ Аликуломъ. (*)

„Не нахожу словъ, чтобы вполне передать всѣ молодецкіе подвиги своихъ лихихъ удалцовъ-товарищей и вѣрныхъ слугъ Государя. Не было ни одного, который чѣмъ-либо не заявилъ себя. Эта горсть храбрыхъ защитниковъ, во время отступленія между тысячей непріятеля, не смотря на сильный холодъ, вся измученная и израненная, побросала съ себя послѣднюю одежду и шла въ одиѣхъ рубашкахъ, съ ружьемъ въ рукахъ, обливалъ кровью путь свой.“

Относительно дѣйствій кокандцевъ къ сторонѣ Туркестана имѣются указанія въ донесеніи коменданта города, подполковника Жемчужникова, отъ 9 декабря 1864 года; оный между прочимъ говоритъ: „въ 5 час. вечера была слышна довольно сильная перестрѣлка и учащенные выстрѣлы изъ орудій и изъ фальконетовъ, продолжавшаяся всю ночь и слѣдующій день; не получая никакихъ извѣстій, что тамъ дѣлается, и, боясь чтобы не было недостачи патроновъ, я рѣшился послать отрядъ изъ 152 челов. пѣхоты при 2 легкихъ орудіяхъ, съ прислугою, 2 фейерверкеревъ, 10 рядовыхъ, 8 казаковъ и 2 почтарей, подъ командою подпоручика Сукорко, для помощи сотнѣ съ тѣмъ, что ежели отрядъ этотъ встрѣтитъ огромныя силы непріятеля и уси-

(*) Изъ разсказа Садыка видно, что лошадь подбита подъ нимъ, а не подъ Аликуломъ.

ленную преграду для соединенія съ сотней и увидить движеніе непріятеля къ Туркестану, то, не выручая сотни, слѣдовать ему обратно. Съ 3-хъ часовъ пополудни съ цитадельнаго барбета и съ могилы Азретъ-Султана усмотрѣна была передовая цѣпь непріятеля, движущаяся къ Туркестану, а за ней 6 сомкнутыхъ колоннъ, въ которыхъ приблизительно можно было положить до 4000, почему сейчасъ же опять были посланы нарочные къ вашему превосходительству и начальнику Сыръ-Дарьинской линіи; въ 4 часа непріятель былъ подъ стѣнами города и обложилъ его съ трехъ сторонъ, а болѣе всего кругомъ города, а въ 6 час. вечера вернулся высланный отрядъ, подъ командою подпоручика Суворко, который донесъ мнѣ, что онъ, видя движеніе непріятеля къ Туркестану и огромныя массы непріятеля передъ собою, принужденъ былъ вернуться. Вечеромъ же, по возвращеніи отряда подпоручика Суворко, старшіе аксакалы города, видя свое критическое положеніе и не имѣя никакихъ средствъ защитить городъ и остаться вѣрными правительству, хотя они и выставили большіе караулы у каждаыхъ воротъ, но, не имѣя никакого оружія кромѣ холоднаго, убѣдительно просили меня подать имъ помощь, почему я и рѣшился, не смотря на малочисленность гарнизона, выставить на барханъ Культюбе (какъ командующій городомъ и его окрестностями) одно легкое орудіе съ прислугою, подъ прикрытіемъ 60 чел. пѣхоты подъ командою подпоручика Степанова.

„Подъ Иканомъ усиленная пальба изъ орудій и фальконетовъ продолжалась цѣлый день и до полуночи, а часу въ 9-мъ вечера небольшія партіи непріятеля

начали разѣзжать около стѣнъ Туркестана, гдѣ расположены жители, и подѣзжали къ городскимъ воротамъ; когда же они подѣхали къ первымъ воротамъ, то, встрѣтивши ружейные выстрѣлы, скрылись. Въ 10 час. вечера явились ко мнѣ 2 казака, Андрей Борисовъ и Акимъ Черновъ и почтарь Ахметъ, храбро и смѣло пробравшіеся изъ сотни есаула Сѣрова, сквозь огромныя массы непріятеля, какъ подъ Иканомъ, такъ и около Туркестана и передали мнѣ двѣ записки: одну отъ есаула Сѣрова, съ просьбою о подачѣ ему помощи, а другую въ подлинникѣ, при семъ представляемую, отъ кокандскаго регента Алимкула Сѣрову. На слѣдующій день (6 декабря) непріятеля около города не было видно, и посланный разѣздъ объявилъ, что въ садахъ никого нѣтъ; тогда я рѣшился вторично, немедленно, выслать отрядъ, подъ командою подпоручиковъ Сукорко и Степанова, въ числѣ 207 человекъ пѣхоты, при двухъ легкихъ орудіяхъ, съ прислугой, 10 казаковъ и 3-хъ почтарей, съ приказаніемъ непремѣнно присоединиться къ сотнѣ есаула Сѣрова. Часу во второмъ пополудни прискакалъ нарочный киргизъ отъ подпоручика Сукорко съ извѣстіемъ, что сотня есаула Сѣрова отступаетъ, будучи окружена огромнымъ скопищемъ непріятеля, и что онъ скоро съ ней соединится; вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ другой нарочный киргизъ, съ извѣстіемъ, что Сукорко съ казаками соединился и проситъ прислать въ добавокъ къ высланнымъ съ нимъ семи пароконнымъ телѣгамъ (которыя заняты были артиллерійскими снарядами и запасными патронами) еще двѣ телѣги для поднятія раненыхъ казаковъ, которыя тотчасъ же и высланы съ сотникомъ Свиридовымъ, при остальныхъ,

находившихся въ Туркестанѣ, 25 казакахъ. Часовъ въ 7 вечера вернулся отрядъ и при немъ есаулъ Сыровъ (раненный въ спину и контуженный въ шею, имѣя пальто прострѣленнымъ въ 8 мѣстахъ), 1 урядникъ, 48 казаковъ, 4 артиллериста; изъ нихъ тяжело раненыхъ 20 казаковъ, 3 артиллериста; легко ранено 1 оберъ-офицеръ, 1 урядникъ, 16 казаковъ, 1 артиллеристъ и 1 киргизъ верблюдовожатый, контуженныхъ: 4 казака, которые всѣ и помѣщены для пользованія въ лазаретѣ.

„7-го числа по утру мною посланъ былъ почтарь Ахметъ съ 4-мя почтарями къ Икану для разузнанія о непріятелѣ, который вечеромъ часу въ 9 донесъ мнѣ, что кокандцы еще расположены кругомъ Икана; 8-го числа, съ разсвѣтомъ, былъ посланъ тотъ-же Ахметъ для той же надобности къ Икану и, возвратившись, объявилъ, что Алимкулъ со своимъ войскомъ отправился по направленію къ Сыръ-Дарьѣ, взявъ съ собою иканскаго аксакала и всѣхъ иканскихъ жителей съ имуществомъ, въ томъ числѣ женъ и дѣтей, а сакли зажегъ; оставшіеся въ Иканѣ, по старости лѣтъ и дряхлости (въ томъ числѣ отецъ иканскаго аксакала съ женой), объявили, что у Алимула было войска болѣе 20.000, что въ дѣлѣ съ уральской сотней, подъ командою есаула Сырова, потеря кокандцевъ простирается убитыми 90 человекъ главныхъ начальниковъ и болѣе 2000 пѣхоты и кавалеріи, сколько же ранено неизвѣстно; подъ самимъ Алимуломъ раненъ аргамакъ бѣлой масти, который остался въ Иканѣ, почему я сего же числа отправляю отрядъ для уборки убитыхъ нашихъ казаковъ.“

О переговорахъ между Садыкомъ и уральцами во

время самага отступленія въ донесеніяхъ не упоминается. Если подобный эпизодъ и былъ, то онъ очевидно не замѣченъ командиромъ: уральцы отступали, растянувшись въ линію по направленію движенія, что давало имъ возможность отбивать безпрерывныя нападенія кокандской кавалеріи, атаковавшей преимущественно съ фланговъ. О какой-либо стройности во время отступленія, конечно, нельзя было и думать: казаки шли гуськомъ, отстрѣливаясь направо и налево (*).

Шумъ битвъ послѣдующаго времени, перемѣны въ составѣ высшихъ мѣстныхъ начальниковъ и лихорадочная дѣятельность по административному устройству Туркестанскаго края—все это въ совокупности было причиною того, что воспоминаніе о геройскомъ подвигѣ храбрецовъ подъ Иканомъ ослабло, какъ бы затушевалось новыми подвигами русскихъ войскъ на поляхъ средней Азіи. Но свѣжо и живо сохранился подвигъ уральцевъ въ памяти какъ самихъ уральцевъ, такъ равно и среди войскъ участниковъ славныхъ чернышевскихъ походовъ. Между тѣмъ на мѣстѣ боя, среди открытой, пустынной степи, виднѣлся небольшой бугорокъ съ чернымъ поломаннымъ крестомъ на верху, печально отмѣчавшимъ мѣсто, гдѣ бились изъ послѣднихъ силъ и погибли въ неравномъ бою храбрые казаки (**).

Генераль-маіоръ Н. И. Гродековъ, назначенный военнымъ губернаторомъ Сыръ-Дарьинской области, въ

(*) Изъ разсказовъ рядовыхъ казаковъ участниковъ боя.

(**) Кости погибшихъ казаковъ покоятся на старомъ кладбищѣ въ гор. Туркестанѣ, которое, по распоряженію военнаго губернатора Н. И. Гродекова, приведено въ порядокъ въ 1887 году.

1883 году возбудилъ вопросъ о постановкѣ памятника надъ прахомъ павшихъ казаковъ и быстро довелъ это дѣло до конца. Памятникъ сооруженъ на добротныя пожертвованія и торжественно открытъ 6 декабря 1884 года, въ двадцатилѣтнюю годовщину боя. Онъ состоитъ изъ кирпичной колонны до 6 арш. вышины, увѣнчанной крестомъ; надъ цоколемъ прибита чугунная доска съ надписью: «памяти воиновъ, павшихъ подъ Иканомъ въ 1864 году». Колонна обнесена оградой изъ чугунныхъ пушекъ, соединенныхъ цѣпями; кругомъ разбитъ садикъ изъ карагачей, тополей и другихъ деревьевъ. Кромѣ того въ православной церкви гор. Туркестана помещена чугунная плита съ именами казаковъ, павшихъ подъ Иканомъ. (*)

7-го декабря 1884 года Государемъ Императоромъ пожалованы 4-ой сотнѣ 2 уральскаго казачьяго полка знаки отличія на головныя уборы съ надписью: „за дѣло подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 года“.

(*) По распоряженію епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго Неофита ежегодно, 6 чис. декабря, въ церкви гор. Туркестана служится торжественная панихида по убитымъ.

Х

Бой подъ Шоръ-тюбе.

Свое вторичное движеніе къ Ташкенту весною 1865 года генераль Черняевъ объясняетъ слѣдующимъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ было извѣстно, что бухарскій эмиръ началъ стягивать войска къ Ура-Тюбе, а передовыя ихъ части уже двинулись въ предѣлы кокандскаго ханства, изъ чего можно было заключить, что эмиръ желаетъ воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ ханства и впутаться въ его дѣла. Затѣмъ въ самомъ Ташкентѣ общее настроеніе жителей было далеко не въ пользу кокандцевъ и горожане давно уже тяготились деспотическимъ правленіемъ регента ханства Алимкуда. Въ виду такого положенія дѣлъ начальникъ Ново-кокандской линіи не могъ быть хладнокровнымъ зрителемъ попытокъ бухарскаго эмира воспользоваться плодами нашихъ побѣдъ, ослабившихъ какандское ханство.

Недождавшись подкрѣпленій, генераль Черняевъ выступилъ къ Ташкенту и для вѣрнѣйшаго овладѣнія имъ атаковалъ кр. Нязбекъ, охранявшую водоприемникъ оросительнаго канала Бось-су, снабжавшаго водою р. Чирчика Ташкентъ и его окрестности. Нязбекъ былъ взятъ 28 апрѣля, послѣ чего вода каналовъ Бось-су и Захъ-арыка была отведена обратно въ р. Чирчикъ, что поставило жителей Ташкента въ весьма стѣсненное положеніе и среди ихъ образовалась партія, желавшая сдачи города русскимъ.

Простоявъ подъ Нїазбекомъ до 7 мая, генераль Черняевъ подошелъ къ Ташкенту и занялъ позицію въ 6 верстахъ на востокъ отъ города въ мѣстности Шоръ-тюбе (иначе Сары-тюбе—желтые бугры); 9 мая здѣсь произошла извѣстная битва съ кокандцами и ташкентцами, въ которой нашель смерть энергичный про-противникъ генерала Черняева эмиръ-ляскаръ (главно-командующій) Мулла Алимкуль.

Объ этой битвѣ генераль Черняевъ доносилъ (11 мая 1865 г.) слѣдующее.

„Хотя со взятіемъ Нїазбека отношенія наши къ Ташкенту и сдѣлались опредѣленнѣе, но такъ какъ русская партія въ самомъ Ташкентѣ, при всей своей многочисленности, находясь подъ строгимъ присмотромъ кокандскаго гарнизона, не могла въ настоящее время ясно высказаться въ нашу пользу, то я нашель необходимымъ стѣснить по возможности Ташкентъ и поставить его въ прямую и непосредственную отъ насъ зависимость. Съ этою цѣлью, немедленно по занятіи Нїазбека, я отвелъ два главныхъ рукава Чирчика, снабжавшихъ водою какъ Ташкентъ, такъ и его окрестности, и заставилъ жителей города вновь заявить мнѣ, хотя и неофициально, свою готовность подчиниться намъ.

„Вслѣдствіе такого заявленія, 7 мая, оставивъ гарнизонъ въ Нїазбекѣ, я перешель на новую позицію въ 8-ми верстахъ отъ Ташкента.

„8-го числа предпринята была рекогносцировка сѣверо-восточной стороны города, и, по соглашенію съ жителями, во время нашего приближенія къ городу, они должны были броситься на гарнизонъ и отворить

намъ ворота, но въ тотъ же день прибылъ изъ Кокана въ Ташкентъ Мулла Алимкулъ съ войскомъ до 6000 человекъ, при 40 орудіяхъ и, конечно, своимъ присутвіемъ подавилъ всякую возможность какого либо движенія въ городѣ. Сдѣлавъ предположенную рекогносцировку, я возвратился въ лагерь и рѣшился остаться на той же позиціи до болѣе точнаго разъясненія обстоятельствъ.

„Во время нашего движенія какъ къ Ташкенту, такъ и обратно въ лагерь, мелкія шайки кокандской кавалеріи пытались нанести вредъ отряду, но были вездѣ отбиваемы съ довольно значительнымъ урономъ, а отрядъ не понесъ никакой потери.

„На другой день 9 числа было дано знать съ нашихъ пикетовъ о движеніи большихъ непріятельскихъ колоннъ по направленію къ лагерю. Въ 6-ть часовъ утра массы непріятели до 7000 были уже видны изъ лагеря на довольно близкомъ разстояніи.

„Не зная еще цѣли этого движенія, но предполагая желаніе Алимкула атаковать лагерь, я далъ ему время стянуть войска свои на близъ-лежащихъ высотахъ, а самъ между тѣмъ приготовился къ наступленію.

„Въ 7-мь часовъ непріятель открылъ канонаду по лагерю изъ 12-ти орудійной батареи, сперва имъ замаскированной, разрывными снарядами. Стрѣльба его, не смотря на весьма большое разстояніе (800 сажень), была замѣчательно удачна: всѣ снаряды ложились въ лагерь, но по счастію никакого вреда не произвели.

„Немедленно же я выслалъ четыре роты пѣхоты съ батарейнымъ дивизиономъ, подъ командой штабсъ-

капитана Бориславскаго, прямо противъ фронта расположенія непріятеля. Подойдя на 40 сажень, артиллерія наша открыла огонь по непріятельской батарееѣ и близъ-стоящимъ колоннамъ, а двѣ роты, посланныя вправо, стали обходить его лѣвый флангъ.

„Огонь непріятельскій направился на отрядъ штабсъ-капитана Бориславскаго, но артиллерія наша, дѣйствуя весьма мѣтко, отодвинула его колонны и нѣсколько ослабила артиллерійскій огонь.

„Пользуясь этимъ, приказано двумъ ротамъ изъ отряда Бориславскаго двинуться впередъ и подъ прикрытіемъ артиллеріи атаковать непріятеля одновременно съ двумя ротами, посланными въ обходъ.—Движеніе это произведено было необыкновенно быстро и удачно. Какъ только роты стали подниматься на возвышенность, непріятель открылъ по нимъ необыкновенно частую и сильную пальбу изъ всѣхъ своихъ орудій, которыхъ оказалось до 40. Пѣхота наша подъ огнемъ непріятельскимъ взбѣжала на высоты. Непріятель не выдержалъ этого натиска и совершенно смѣшался. Ханская гвардія первая кинулась назадъ, за ней кавалерія. Когда роты подбѣжали къ непріятельской позиціи, то застали уже полное бѣгство. Бросившись на хвостъ отступающихъ, они захватили два орудія и кинулись далѣе. Кавалерія усккала, но часть пѣхоты была настигнута и легла на мѣстѣ. Преслѣдованіе продолжалось до стѣнъ города, куда Алимуль успѣлъ скрыться съ остатками своихъ скопищъ.

„Хотя въ этотъ моментъ, можетъ быть, и возможно было занятіе города, но я не могъ рисковать послѣднимъ своимъ резервомъ и, имѣя въ виду, что во

всякомъ случаѣ занятіе это не могло бы стоить намъ дешево, я, окончивъ преслѣдованіе, возвратился въ лагерь и рѣшилъ остаться до времени на той же позиціи, съ тѣмъ, чтобы вблизи Ташкента наблюдать за событіями въ самомъ городѣ и, если возможно, воспользоваться первымъ же случаемъ для его занятія.

„Непріятель потерялъ, кромѣ двухъ орудій, до 300 человекъ убитыми (*) и до 200 ружей.

„Потеря наша состоитъ изъ 10 раненыхъ нижнихъ чиновъ и изъ 12 контуженныхъ; въ томъ числѣ одинъ офицеръ, прапорщикъ Янышевъ.

(*) Какъ оказалось впоследствии, въ этомъ дѣлѣ былъ убитъ Алимкулъ.

XI

Взятіе гор. Ташкента.

Послѣ взятія Нязбека, пораженія кокандцевъ подъ Шоръ-Тюбе и занятія кр. Чиназъ, гор. Ташкентъ оказался въ весьма критическомъ положеніи. Взятіе Нязбека оставило городъ безъ воды, занятіе Чиназа отрѣзало отъ прямыхъ сообщеній съ бухарскимъ эмиромъ, принявшимъ городъ подъ свое покровительство, а присутствіе русскихъ отрядовъ близъ сел. Зенгаты и на Куйлюкѣ лишило стотысячный городъ подвоза хлѣба изъ богатой и плодородной за-чирчикской стороны. Русская партія среди горожанъ требовала сдачи города, который держался только гарнизономъ, а также надеждою на помощь бухарскаго эмира. Неурядица въ немъ была довольно большая, что, между прочимъ, видно какъ изъ разказа Садыка, такъ равно и изъ помѣщаемаго ниже разказа Муллы Юнуса.

Генераль Черняевъ рѣшился овладѣть городомъ, что и выполнилъ въ ночь съ 14 на 15 чис. іюня. О ходѣ штурма онъ доносилъ слѣдующее.

„Жители Ташкента, стѣсненные окончательно, продолжительною и строгою блокадою, терпя крайній недостатокъ въ продовольствіи и въ особенности въ водѣ, возлагали всю свою надежду только на одного эмира, къ которому послали наконецъ посольство изъ главныхъ представителей города. — Эмиръ не отказалъ ташкентцамъ въ помощи, но потребовалъ предварительно прислать къ нему молодаго хана, въ видѣ заложника.

Въ ночь съ 9 на 10 іюня, кокандскій ханъ, съ 200 своихъ приближенныхъ, скрытно ушелъ изъ города и вслѣдъ за этимъ въ Ташкентъ тайно вступила небольшая бухарская партія съ Искендеръ-Беккомъ, который и принялъ начальство надъ городомъ.— Главныя силы эмира, давно уже собранныя въ Самаркандъ, стали показываться въ пограничныхъ кокандскихъ крѣпостяхъ на лѣвой сторонѣ Дарьи.

„Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ съ положительными свѣдѣніями, отъ постоянныхъ перебѣжчиковъ изъ Ташкента, о томъ, что городъ находится въ самомъ критическомъ положеніи, и если еще удерживается отъ сдачи, то только присутствіемъ гарнизона и надеждой на помощь бухарцевъ, заставили меня, дабы предупредить открытое вмѣшательство эмира и по возможности предотвратить всякое съ нимъ столкновеніе, рѣшиться на послѣдній шагъ.

„Осада укрѣпленнаго города, имѣющаго въ окружности 24 версты, съ населеніемъ отъ 150,000 до 200,000, владѣющаго огромными средствами къ защитѣ, не могла быть предпринята. Противопоставить горсть людей въ 1,951 человекъ при 12 орудіяхъ съ однимъ комплектомъ зарядовъ, городу, который могъ сосредоточить, противъ атакваннаго нами пункта, въ самомъ непродолжительномъ времени по крайней мѣрѣ до 30,000 при 50 орудіяхъ, и ожидать въ тоже время демонстраціи со стороны бухарскаго эмира, было очевидно невозможно.— Отойти отъ города значило бы дать эмиру громадное значеніе въ средней Азіи и усилить его всѣми военными средствами, сосредоточенными въ Таш-

кентѣ.— Поэтому я рѣшился овладѣть городомъ открытою силою, съ расчетомъ на успѣхъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

„1) Гарнизонъ города, по обширности оборонительной линіи, былъ разбросанъ на весьма большомъ протяженіи, почему было весьма вѣроятно овладѣть верками прежде, нежели онъ успѣетъ сосредоточиться противъ атакованнаго пункта.

„2) Артиллерія непріятеля, хотя и весьма многочисленная, но разсѣянная на разстояніи 15 верстъ, по всей южной сторонѣ города,—также не могла въ данный моментъ дѣйствовать совокупно.

„3) Жители города раздѣлены были на двѣ части, и партія, намъ преданная, въ случаѣ занятія городской ограды, должна была оказать содѣйствіе.

„Рядъ рекогносцировокъ крѣпостныхъ верковъ города, произведенныхъ инженеръ-поручикомъ Макаровымъ во время блокады крѣпости, показалъ, что атака Ташкента могла быть поведена на однѣ изъ воротъ юго-восточной части; притомъ атака этой части города представляла еще тѣ выгоды, что, овладѣвши ею, мы овладѣвали всѣмъ городомъ, такъ какъ правая сторона Босу, гдѣ находится все зажиточное населеніе Ташкента и все купечество, была предана намъ; всю же атакованную сторону исключительно населяло военное сословіе и партія бухарскаго эмира. Кромѣ того, при атакѣ юго-восточной стороны всѣмъ послѣдствіямъ штурма подвергалось только военное населеніе, а не мирные граждане, намъ преданные.

„Усиленные же рекогносцировки самыхъ стѣнъ,

произведенныя тѣмъ же офицеромъ, доходившимъ до контръ-эскарпа крѣпостнаго рва, убѣдили меня, что наивыгоднѣйшій пунктъ атаки — Комеланскія ворота.

„Въ ночь съ 14 на 15 число назначенъ былъ штурмъ этихъ воротъ, въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

„Главный отрядъ, подъ личнымъ моимъ начальствомъ, снявшись съ позиціи въ 11 часовъ пополудни, съ разсвѣтомъ долженъ былъ атаковать Комеланскія ворота, посредствомъ штурмовыхъ лѣстницъ и нарочно устроенныхъ, инженеръ-капитаномъ Яблонскимъ, арбъ съ небольшими откидными лѣстницами для перехода черезъ ровъ.

„Одновременно съ атакой главнаго отряда, отряду полковника Краевского, стоявшему на Куй-Люкѣ, предписано сдѣлать демонстрацію со стороны Кокандскихъ воротъ (въ 6 верстахъ отъ Комеланскихъ) и, не принимая ничего рѣшительнаго, поддерживать атаку, бомбардируя городъ.

„По занятіи наружной ограды, предполагено было передовымъ войскамъ немедленно двинуться направо по улицѣ, идущей кругомъ городской стѣны, и, дойдя до Кокандскихъ воротъ, отворить ихъ полковнику Краевскому и затѣмъ уже овладѣть цитаделью.

„Главный отрядъ выступилъ тремя колоннами. Впереди шли охотники и 2¹/₂ роты, назначенныя на штурмъ.

„Охотниками командовали ротмистръ Вульффертъ, подпоручики Шороховъ и Лапинъ. Всей же штурмовой колонной командовалъ артиллеріи штабсъ-капитанъ Абрамовъ. Въ верстѣ за штурмовой колонной шли двѣ

роты съ двумя легкими орудіями, подъ начальствомъ маіора Де-ла-Кроа, а въ верстѣ за нимъ резервъ изъ 2 $\frac{1}{2}$ ротъ съ 4-мя батарейными орудіями, подъ начальствомъ подполковника Жемчужникова.

„Такое растянутое движеніе было необходимо потому, что къ атакованнымъ воротамъ, какъ и къ большей части остальныхъ, вела только одна дорога.

„Въ 2 $\frac{1}{2}$ часа, штурмовая колонна подъ начальствомъ штабсъ-капитана Абрамова, подойдя къ воротамъ на 1 $\frac{1}{2}$ версты, сняла съ верблюдовъ лѣстницы и, неся ихъ на рукахъ, пошла по обѣ стороны дороги садами; впереди шла небольшая цѣпь стрѣлковъ; движеніе это, направляемое поручикомъ Макаровымъ, исполнявшимъ въ отрядѣ обязанность офицера генеральнаго штаба, произведено было съ замѣчательною тишиною.

„Цѣпь стрѣлковъ, пользуясь темнотою ночи и пересѣченною мѣстностью, покрытою садами, подошла къ самой стѣнѣ, оставаясь незамѣченною непріятельскимъ карауломъ, выставленнымъ впереди воротъ.

„Свѣтало.—Охотники съ лѣстницами уже были отъ воротъ во ста шагахъ, а стрѣлки на опушкѣ садовъ подъ самую стѣною, въ это время движеніе наше было открыто карауломъ, на который наткнулись наши лѣстницы,—тогда единодушное ура! быстро охватило все встрѣтившееся на пути и, покуда гарнизонъ успѣлъ опомниться, передовые были уже на барбетѣ и сбросили непріятеля вмѣстѣ съ находившимися тутъ орудіями.

„Взошли на стѣну по лѣстницамъ первый унтеръ-

офицеръ Хмѣлевъ, второй ротмистръ Вульфѣртъ, третій конкеръ Заводовскій.

„Священникъ Маловъ шель съ крестомъ впереди атакующихъ войскъ.

„Занявши стѣны, часть людей немедленно стала отваливать ворота, а остальные бросились занимать близъ-лежащіе сакли и сады.

„Ротмистръ Вульфѣртъ, взойдя съ нѣсколькими людьми, кинулся вдоль стѣны и, не смотря на отчаянное сопротивленіе кокандцевъ, штыками прогналъ ихъ съ ближайшаго барбета и овладѣлъ однимъ орудіемъ, но самъ былъ раненъ пулею въ руку.

„Между тѣмъ резервы наши уже подбѣгали къ стѣнамъ, и какъ только передовые изъ нихъ показались, Абрамовъ съ 250 человекъ двинулся вправо по улицѣ вдоль городской стѣны съ тѣмъ, чтобы впустить отрядъ Краевскаго. На первомъ же барбетѣ, Абрамовъ былъ встрѣченъ артиллерійскимъ огнемъ изъ 4 орудій прикрываемыхъ 200 сарбазовъ, засѣвшихъ за турами.

„Ура!—и орудія были нашими, заклепаны и сброшены въ ровъ; двинулись далѣе. — Подойдя ко второму барбету, они снова были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ, но и эти орудія достались также въ наши руки, какъ и первыя. — Затѣмъ было взято штыками еще два барбета, всѣ же остальные на всемъ разстояніи, пройденномъ Абрамовымъ вдоль городской стѣны (14 верстъ), были уже оставлены и орудія только имъ заклепывались и сбрасывались съ барбетовъ. Въ числѣ отбитыхъ орудій былъ 10 фунтовой горный единорогъ, брошенный казаками въ дѣлѣ подъ Иканомъ.

„Пройдя до Кара-Сарайскихъ воротъ, съ которыхъ начиналось населеніе преданныхъ намъ жителей, Абрамовъ вступилъ въ городъ. На первой же улицѣ встрѣчены были имъ баррикады, защищаемыя сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Всѣ они были сбиты и отрядъ подошелъ къ главному базару.

„Здѣсь сопротивленіе оказалось еще сильнѣе: кромѣ баррикадъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ поворотѣ, всѣ сакли были заняты стрѣлками.—Выйдя съ базара, отрядъ на каждой улицѣ встрѣчалъ уже по нѣсколько баррикадъ, сильно защищаемыхъ, такъ что каждую изъ нихъ приходилось брать штыками. Пройдя такимъ образомъ почти всю половину города, Абрамовъ вошелъ въ цитадель, которую я засталъ уже занятою Де-ла-Кроа и Жемчужниковымъ.

„Какъ только Абрамовъ двинулся вправо, непріятель, опомнившись, сталъ сосредоточиваться противъ нашего лѣваго фланга, занимая ближайшіе сакли и сады, и когда солдаты очищали эти сакли и сады штыками, значительныя массы непріятельской пѣхоты, собравшейся на двухъ ближайшихъ улицахъ, идущихъ къ базару, съ барабаннымъ боемъ и съ крикомъ «Аллахъ» бросились на войска; я послалъ противъ нихъ поручика Макарова съ 50 стрѣлками и ракетною командою; двѣ удачно пущенныя пудовыя фугасныя ракеты, а вслѣдъ за ними ударъ въ штыки—опрокинули ихъ и заставили въ совершенномъ безпорядкѣ и съ большою потерею очистить улицы; съ этого момента нашъ лѣвый флангъ сталъ прочною ногою, хотя на занятой части город-

ской стѣны перестрѣлка съ деревьевъ и дальнихъ сакль продолжалась еще до вечера (*).

„Почти одновременно съ движеніемъ Абрамова, я ввелъ въ городъ два конныхъ орудія и три батарейныхъ, которыя и открыли огонь по городу. Немного спустя, по тому же направленію, по которому прошель Абрамовъ, я послалъ двѣ роты съ однимъ орудіемъ, подъ командою маіора Де-ла-Кроа, и вслѣдъ за ними еще двѣ роты съ двумя орудіями съ подполковникомъ Жемчужниковымъ.

„Не смотря на то, что маіоръ Де-ла-Кроа посланъ почти вслѣдъ за Абрамовымъ, онъ встрѣтилъ по той же дорогѣ новыя баррикады, которыя непріятель необыкновенно скоро устраивалъ изъ арбъ и срубленныхъ деревьевъ. Пока Де-ла-Кроа выбивалъ непріятеля изъ баррикады, Жемчужниковъ успѣлъ нагнать его и, соединившись вмѣстѣ, двинулся къ цитадели, которую и занялъ въ 7¹/₂ часовъ утра. Немедленно и здѣсь выдвинута была артиллерія и открытъ огонь по городу. Непріятель, отброшенный внутрь города, прекратилъ перестрѣлку, но отрядъ нашъ долженъ былъ выйти изъ цитадели, такъ какъ кокандцы подожгли службы ханскаго дворца и огонь, распространяясь довольно быстро, грозилъ взрывомъ пороховыхъ складовъ, тамъ находившихся.

„Отрядъ полковника Краевского, снявшись съ позиціи на Куй-Люкѣ, двинулся къ Ташкенту въ полночь.

(*) Въ это время у насъ ранено три офицера: поручикъ Мѣсяцевъ (смертельно), подпоручикъ Лапинъ и прапорщикъ Салтановскій 2-й, и нѣсколько нижнихъ чиновъ убито и ранено.

Чтобы не обнаружить атаку и не дать неприятелю время собраться на стѣнахъ, ему приказано было не открывать огня до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ обнаруженъ, или пока не услышитъ выстрѣловъ главнаго отряда.

„Неприятель, замѣтивъ отрядъ полковника Краевского, открылъ огонь изъ 9 орудій, на который тотъ отвѣчалъ изъ 4 легкихъ орудій; вскорѣ за стѣною послышалось «ура!» и пѣхота отряда Краевского, съ помощью людей главнаго отряда, стала взбираться на стѣну на лямкахъ и ружьяхъ.

„Въ это время Краевскій получилъ извѣстіе о появленіи на правомъ флангѣ бѣгущаго изъ города неприятеля; онъ тотчасъ же съ казаками и 4 конными орудіями поскакалъ на перерѣзъ имъ. Удачные выстрѣлы картечью, на самую близкую дистанцію, заставили эти толпы бѣжать; горсть казаковъ (39 челов.) бросилась ихъ преслѣдовать; показавшіяся слѣдующія толпы кокандской кавалеріи были встрѣчены не менѣе удачно и также обращены въ бѣгство.

„Вся эта многочисленная кавалерія, болѣе 5,000, преслѣдуемая горстью храбрыхъ, разбросала по дорогѣ свои знамена и, доскакавъ до Чирчика, въ безпорядкѣ бросилась къ рѣкѣ на переправу, топя другъ друга.

„Между тѣмъ поднявшаяся на стѣну пѣхота, соединившись съ Абрамовымъ, продолжала дальнѣйшее движеніе вдоль стѣнъ. Самъ Краевскій, по вступленіи въ городъ, соединился съ Жемчужниковымъ, оставившимъ уже въ это время цитадель и, согласно моего приказанія, сталъ на позиціи между Кокандскими и Кашгарскими воротами, на мѣстѣ ханской ставки.

„Съ очищеніемъ половины города и съ прекращеніемъ перестрѣлки, главный отрядъ расположился у Комеланскихъ воротъ.

„Явились аксакалы преданныхъ намъ частей города съ изъявленіемъ совершенной покорности и общаніемъ завтрашній день явиться въ лагерь съ старшинами и почетными лицами всего города, которыхъ надѣялись убѣдить въ положительной невозможности какого либо намъ сопротивленія; но къ вечеру непріатель опять засѣлъ въ ближайшихъ сакляхъ и открылъ огонь по нашей цѣпи. Сообщение между главнымъ отрядомъ и отрядомъ Краевского почти прекратилось. Баррикады явились на всѣхъ улицахъ и на всѣхъ перекресткахъ.—Сопротивленіе сдѣлалось еще отчаяннѣе.—Были случаи, что одинъ, два человѣка съ айбалтами (въ родѣ топора на длинной рукояткѣ) кидались на цѣлую роту и умирали на штыкахъ, не прося пощады.

„Посланные небольшіе отряды по смежнымъ улицамъ встрѣчали самое ожесточенное сопротивленіе. Каждую саклю приходилось брать штыками, и только тогда она очищалась, когда засѣвшіе въ ней были переколоты.

„Самое упорное сопротивленіе встрѣчено было по улицѣ, ведущей отъ воротъ на главный (кошъ) базаръ.

„Артиллеріи сотникъ Ивановъ, посланный мною съ 50 человѣками для очищенія ея, встрѣтилъ баррикады, вооруженныя артиллерією. Не въ состояніи выбить кокандскихъ стрѣлковъ ружейнымъ огнемъ, онъ кинулся въ штыки на первую баррикаду и, не смотря на отчаянное сопротивленіе, выбилъ оттуда непріателя и за-

владѣль орудіемъ. Тотчасъ же за первую оказалась вторая, вооруженная 2 орудіями; впереди ея былъ глубокой арыкъ, служившій ей ровомъ; близъ-лежація двухъ-этажныя сакли доставляли весьма сильную перекрестную оборону; горсть храбрыхъ, едва занявши послѣ упорнаго боя первую баррикаду, прежде, чѣмъ успѣла разобрать ее, была встрѣчена картечью изъ-за второй; Ивановъ, видя затруднительное положеніе и считая невозможнымъ какую бы то ни было перестрѣлку, первый бросился на ура и увлекъ за собою солдатъ: орудія и баррикада были взяты; здѣсь онъ былъ контуженъ и отозванъ въ лагерь, а на мѣсто его посланъ поручикъ Макаровъ.

„Общимъ смѣлымъ дѣйствіемъ нашихъ храбрыхъ войскъ улицы были очищены вторично. Артиллерія, выдвинутая отъ воротъ на верету внутрь города, открыла огонь, продолжавшійся всю ночь. Отъ нашихъ гранатъ еще съ вечера въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорѣлись сакли, и пожаръ, распространившійся въ ближней части города, продолжался до слѣдующаго дня. Къ ночи всѣ войска стянулись къ Комеланскимъ воротамъ. 16 числа утромъ полковникъ Краевскій съ 3 ротами и 2 орудіями былъ командированъ для сбора непріятельскихъ орудій и взрыва цитадели. По всей дорогѣ встрѣчены были имъ тѣ же баррикады и тотъ же огонь изъ смежныхъ сакль, какъ и наканунѣ. Баррикады были уничтожены, сакли взяты, и отрядъ благополучно вступилъ въ цитадель, гдѣ снова встрѣтилъ сопротивленіе; всѣ же ближайшіе сады и сакли были заняты кокандскими стрѣлками, которые открыли частый и весьма мѣткій огонь по отряду; но, благодаря распорядитель-

ности Краевского, отрядъ, исполнивъ порученіе, возвратился въ лагерь безъ большой потери.

„Къ вечеру улицы были свободны, и передъ закатомъ солнца прибыли наконецъ посланные отъ аксакаловъ, прося позволенія всѣмъ старшинамъ города явиться на другой день.

„17 числа дѣйствительно явились ко мнѣ всѣ аксакалы и почетные жители города, изъявивши полную готовность подчиниться русскому правительству.

„Городъ сдался безусловно, и немедленно же было сдѣлано распоряженіе объ обезоруженіи его. Всѣ аксакалы, а также многіе изъ жителей приняли самыя энергичныя мѣры къ отысканію орудій, находящихся въ самомъ городѣ, и къ вечеру было доставлено самими жителями до 20 мѣдныхъ орудій и до 300 ружей. Въ городѣ водворилось совершенное спокойствіе и ни одного уже выстрѣла не было слышно. Ташкентъ былъ покоренъ окончательно.

„Трофеями нашими были 16 большихъ знаменъ, въ томъ числѣ одно бухарское, множество значковъ, 63 орудія разнаго калибра, изъ которыхъ 48 мѣдныхъ, и притомъ замѣчательно хорошаго литья, и множество ружей. Въ числѣ мѣдныхъ орудій 8 пудовая мортира.

„Пороху найдено до 2000 пуд. и разныхъ снарядовъ до 10,000.

Потеря наша:	убитыми ранен.	конт.
Оберъ-офицеровъ . . .	—	3. 4.
Нижнихъ чиновъ . . .	25.	86. 24.

„Непріятельскій гарнизонъ, по свѣдѣніямъ, состо-

яль изъ 5,000 сарбазовъ и 10,000 сипаевъ, которые большею частію убѣжали въ моментъ штурма.

„Всѣхъ же защитниковъ; по самымъ скромнымъ показаніямъ, было до 30,000.“

Взятіе гор. Ташкента генераломъ Черняевымъ представляетъ собою одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ русской арміи и, по своимъ результатамъ, имѣетъ огромное значеніе, какъ твердый, рѣшительный шагъ въ культурную часть средней Азіи, плодородные и богатые оазисы которой столь необходимы Россіи въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Это крупное дѣло нашло надлежащую оцѣнку среди современниковъ и участниковъ, державшихся стараго московскаго правила: всегда и вездѣ держать русское имя „честно, грозно, по старинѣ“...

Оцѣнка совершеннаго великаго дѣла выразилась постановкою памятника — часовни на братскомъ кладбищѣ русскихъ воиновъ, павшихъ при штурмѣ города 15 іюня и учрежденіемъ ежегодныхъ торжественныхъ крестныхъ ходовъ въ этотъ день для служенія панихиды у памятника.

Тѣла солдатъ, убитыхъ при первомъ, неудачномъ штурмѣ города (2 октября 1864 г.) были похоронены въ окрестностяхъ его, при чемъ во избѣжаніе надру-

гательства надъ тѣлами, могилы были заровнены и скрыты. Тѣла павшихъ при второмъ штурмѣ были схоронены отчасти въ общей братской могилѣ, отчасти отдѣльно, въ небольшомъ ветловомъ саду близъ Комеланскихъ воротъ, на которыя была поведена первая атака. Мѣсто это было отмѣчено только деревянными крестами; но почти съ перваго же года послѣ занятія города, въ день штурма, сюда собирались всѣ участники штурма, оставшіеся на службѣ въ Ташкентѣ, и служили заупокойную панихиду на могилѣ павшихъ товарищей.

„Въ 1872 году въ средѣ участниковъ штурма возникло предположеніе объ устройствѣ на мѣстѣ погребенія павшихъ памятника и даже сдѣлана закладка его; но дѣло постройкѣ пока только и ограничилось этимъ, какъ можно предполагать, по недостатку средствъ. Въ 1875 году снова возникла мысль объ устройствѣ памятника, открыта подписка на сборъ пожертвованій и образованъ особый для этого комитетъ, успѣвшій собрать 2410 руб. 87 коп., но дѣло опять приостановилось на десять лѣтъ.

„По назначеніи туркестанскимъ генераль-губернаторомъ завоевателя Ташкента—генераль-лейтенанта Черныяева, въ 1883 году возникъ проектъ постановки на главной площади города, Константиновской, памятника въ честь убитыхъ при штурмахъ Ташкента. Памятникъ проектированъ академикомъ Микѣшинымъ, стоимостью болѣе 40 тысячъ рублей. Въ декабрѣ того же года былъ образованъ особый комитетъ какъ для сбора пожертвованій, такъ равно и для самой постройки. Постройка памятника у Комеланскихъ воротъ была отмѣнена, и

собранныя на это деньги предположено употребить на новый памятникъ. Останки павшихъ воиновъ предположено было перенести къ вновь строящейся ташкентской церкви и образовать здѣсь братскій склепъ. Какъ начало этого, былъ перенесенъ изъ Чимкента и торжественно похороненъ близъ церкви прахъ подполковника Обуха, смертельно раненаго при первомъ, неудачномъ штурмѣ Ташкента, 2-го октября 1864 года. Объявленная подписка не оправдала ожиданій: на памятникъ по проекту академика Микѣшина и братскій склепъ было собрано всего около 900 рублей, что съ имѣвшимися 2410 руб. (на Комеланскій памятникъ) составило 3310 рублей; требовалось же до 40 тысячъ рублей. Дѣло поневолѣ пріоставилось, а съ отъѣздомъ генерала Черняева изъ Ташкента и вовсе было оставлено.

„Въ 1885 году военнымъ губернаторомъ области Н. И. Гродековымъ было обращено вниманіе на братскую могилу у Комеланскихъ воротъ, находящуюся въ довольно запущенномъ видѣ. Хотя собранныя свѣдѣнія о пожертвованной суммѣ указали на ея незначительность, но въ виду положительной невозможности оставить это историческое мѣсто въ его заброшенномъ состояніи, военный губернаторъ испросилъ разрѣшеніе туркестанскаго генераль-губернатора, чтобы деньги, собранныя въ 1875 г., употребить по прямому ихъ назначенію, т. е., на приведеніе въ порядокъ кладбища у Комеланскихъ воротъ и устройство надъ братскою могилою павшихъ воиновъ памятника. Вслѣдствіе незначительности собранной на памятникъ суммы, военный губернаторъ обратился къ ташкентской городской думѣ

съ просьбою оказать свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Откликнувшись вполне сочувственно на этотъ призывъ, городская дума приняла на свои средства расходъ по очисткѣ мѣста и распланировкѣ его и по устройству наружной ограды.

„Памятникъ проектированъ въ видѣ небольшой часовни изъ жженого кирпича и законченъ постройкою къ началу іюня мѣсяца 1886 года. Внутри часовни поставлены иконы Спасителя и Распятія и небольшой аналой для служенія панихидъ ежегодно въ знаменательный день взятія города. Кромѣ того, внутри часовни поставлены двѣ чугунныхъ доски: на одной изъ нихъ приличная случаю надпись, а на другой — имена всѣхъ воиновъ, павшихъ подъ стѣнами города 2-го октября 1864 г. и 15-го іюня 1865 года. Впереди часовни, на братской могилѣ, надъ сводомъ изъ жженого кирпича, положена мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью. Распоряженіемъ городской думы все мѣсто сада расчищено, спланировано, а къ сторонѣ дороги, идущей отъ Комеланскихъ воротъ, устроена деревянная, на кирпичномъ фундаментѣ, рѣшетка съ калиткою, украшенною восемью кокандскими мѣдными орудіями, изъ коихъ на двухъ имѣются надписи имени Алимула, энергичнаго защитника ханства, павшаго въ битвѣ съ русскимъ отрядомъ 9-го мая 1865 года.

„Устроенный памятникъ былъ торжественно освященъ 15-го іюня, въ *двадцать первую* годовщину штурма, въ присутствіи войскъ, въ Ташкентѣ расположенныхъ, и горожанъ обѣихъ частей города.

„На устройство памятника израсходовано: изъ по-

жертвованныхъ суммъ 2256 руб. 9 коп. и изъ город-скихъ 793 руб., а всего 3049 руб. 9 коп.“ (см. „Обзоръ Сыръ-Дарьин. области за 1886 г.“ составленный Е. Т. Смирновымъ.)

Для собранія возможно большаго числа свѣдѣній о времени, предшествовавшемъ взятію гор. Ташкента и о самомъ штурмѣ, составитель настоящихъ примѣчаній обратился къ сартамъ гор. Ташкента съ предложеніемъ описать свои впечатлѣнія, а также разсказать, о томъ, какъ происходило дѣло. Изъ сартовъ взялся за это Мулла Юнусъ, бывшій мирзою (секретаремъ) при кокандскихъ властяхъ, и представилъ рукопись на сартовскомъ языкѣ. Не смотря на нѣкоторую спутанность въ разсказѣ, увлеченіе перемѣщеніемъ кокандскихъ чиновниковъ и неясность хронологіи событій, рукопись содержитъ въ себѣ много интереснаго о происхожденіи и дѣятельности Алимкула, о Шоръ-тюбинской битвѣ и проч. Переводъ рукописи помѣщается цѣликомъ.

„Восемьдесятъ три года тому назадъ (въ 1805 г.), въ бытность ташкентскимъ хакимомъ Султанъ Ходжи Юнусъ-Ходжи, гор. Ташкентъ сдѣлался подвластнымъ кокандскимъ ханамъ. Передъ этимъ кокандцы въ теченіи семи лѣтъ ежегодно подступали къ Ташкенту съ цѣлію взять его, но это имъ не удавалось; наконецъ кокандскій ханъ Алимъ-ханъ, лично предводительствуя

войскомъ, овладѣлъ Ташкентомъ и, поставивъ его въ зависимость отъ Коканда, назначилъ ташкентскимъ хакимомъ Раджаба кушбеги, помощникомъ къ нему, или лашкаръ баши, былъ назначенъ лашкаръ Бегляръ-беги.

„Спустя два года, Алимъ-ханъ вторично приходилъ въ Ташкентъ; на возвратномъ пути къ Коканду жестокость его достигла крайнихъ предѣловъ и онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья однимъ изъ своихъ воевъ, въ мѣстности Чарбакъ-туранга (*).

„Послѣ смерти Алимъ-хана ханомъ сдѣлался братъ его Омаръ-ханъ.

„Жители Ташкента были очень недовольны тѣмъ, что ихъ покорили кокандцы.

„Послѣ Омаръ-хана ханомъ былъ Мадали-ханъ; послѣ Мадали-хана Ширъ-али-ханъ, послѣ Ширъ-али-хана Мурадъ-ханъ, который пробывъ ханомъ всего только четырнадцать дней, былъ смѣненъ Худояръ-ханомъ; послѣ Худояръ-хана былъ Малля-ханъ, послѣ Малля хана наступило время господства Мулла-Аликула, амиръ-лашкара, который имѣлъ на народъ большое вліяніе и всѣ ему повиновались.

„Во времена Аликула въ Кокандѣ было 12,000 войска, а всего войска, вмѣстѣ съ гарнизонами крѣпостей и городовъ было около 40,000 человекъ.

„Аликулъ происходилъ изъ рода киргизовъ Кыпчакъ, обитающаго въ мѣстности Карасу (**); отецъ Аликула былъ незначительный человекъ по имени Хусенъ-бій.

(*) Въ окрестностяхъ гор. Коканда.

(**) Въ верхней части Ферганской долины.

„Во время перваго правленія Худоярь-хана, а именно послѣ смерти Мусульманъ-кула, Алимкуль состоялъ въ качествѣ конюха при Ходжа-раисѣ, затѣмъ какъ человекъ грамотный онъ попалъ въ число *тиранда* (люди, сопутствующіе раису и носящіе широкую плеть, называемую дорра).

„Малля-бекъ, братъ Худоярь-хана, будучи перемѣщенъ изъ Маргелана бекомъ въ Ташкентъ, началъ съ Худоярь-ханомъ войну, но потерпѣвъ неудачу, бѣжалъ въ бухарскіе предѣлы. Эмиръ Насрулла, не оказавъ ему никакого вниманія, оставилъ его въ Самаркандѣ, гдѣ онъ и жилъ въ большемъ униженіи до того времени пока Худоярь-ханъ не оказалъ ему родственной милости, позволивъ возвратиться въ Кокандъ. По возвращеніи Малля-бека въ Кокандъ, прежніе его люди, боясь навлечь на себя гнѣвъ Худоярь-хана, не шли къ нему на службу, поэтому въ штатъ его прислуги стали воступать люди до того времени неизвѣстные; въ числѣ этихъ людей на службу къ Малля-беку поступилъ и Мулла Алимкуль на должность конюха. Въ то время когда Алимкуль служилъ у Малля-бека, эмиръ Насрулла, собравъ свое войско, двинулся на Ура-Тюбе; городъ былъ взятъ, а тамошній хакимъ Рустамъ-бекъ зарѣзанъ; затѣмъ Насрулла двинулся на Ходжентъ, гдѣ тогда былъ хакимомъ тюркъ Мухаммедъ-Муса-парманачи. Во время этихъ военныхъ дѣйствій Малля-бекъ бѣжалъ изъ Коканда къ киргизамъ и поселился въ аулѣ Фулатъ-парманачи. Онъ, о прибытіи Малля-бека, даль знать Сеидъ-беку и Алимъ-беку. Мулла-Алимкуль принималъ дѣятельное участіе въ возбужденіи своихъ сородичей поступить на службу къ Малля-беку; онъ же

входилъ въ сношенія съ кипчакскими старшинами, подговаривая ихъ стать на сторону Малля-бека. Когда всё собрались, Малля-бекъ двинулся къ Коканду, выждавъ пока эмиръ Насрулла отступитъ отъ Ходжента. Въ мѣстности Саманчи произошла битва между Худояръ-ханомъ и Малля-бекомъ; во время этой битвы, съ поля сраженія бѣжалъ въ Вухару кокандскій минъ-баши Мирза-Ахметъ кушбеги. На помощь къ Худояръ-хану двигался изъ Ташкента братъ хана, Султанъ-Муррадъ бекъ, но войско его дорогой разстроилось и съ Акджара вернулось обратно въ Ташкентъ. Ханъ пробылъ въ осадномъ положеніи около 20 дней, послѣ чего Кокандъ былъ взятъ Малля-бекомъ.

„По взятіи Коканда Алимкулъ былъ назначенъ зинбардаромъ; вскорѣ послѣ этого назначенія онъ получилъ званіе мирахура, такъ какъ, въ виду присутствія знатныхъ киргизовъ, Малля-бекъ считалъ неудобнымъ наградить его болѣе высокимъ чиномъ. Спустя нѣкоторое время Малля-ханъ отправился въ Ташкентъ, гдѣ онъ женилъ Алимкула на дочери таджика Мирзы-Даудеть-бія. Возвратясь послѣ этого въ Кокандъ, Малля-ханъ произвелъ Алимкула въ пансать-баши, далъ ему знамя и вмѣстѣ съ нимъ, назначивъ его номинально хакимомъ въ Чустъ, оставилъ при себѣ.

„Въ бытность ташкентскимъ хакимомъ Канаатъ-аталыка, Алимкулъ былъ у него самымъ приближеннымъ пансать-баши. Затѣмъ Алимкулъ былъ назначенъ хакимомъ въ Маргеланъ.

„Когда киргизы и кипчаки задумали сдѣлать ханомъ Ша-мурада, Мулла-Алимкулъ не принималъ въ

этомъ дѣлѣ никакого участія, но не смотря на это, Ша-Мурадъ-ханъ назначилъ его бекомъ въ Андижанъ, а на его мѣсто въ Маргеланъ назначилъ Хыдыръ-угры; въ Наманганъ былъ назначенъ Худай-Назаръ-Чулакъ, изъ тюрковъ.

„Послѣ впуска Канаатъ-аталыкомъ Худояръ-хана въ Ташкентъ, Ша-Мурадъ-ханъ отправился съ войскомъ къ Ташкенту.

„Я въ это время былъ назначенъ мирзой къ Курбанъ-беку, собиравшему зякетъ съ кочевниковъ въ окрестностяхъ Чимкента. На берегу Салара къ Ша-Мурадъ-хану явились беки, собиравшіе зякетъ; послѣ чего всѣ мирзы были отправлены въ разныя стороны, меня же какъ чужестранца и человѣка хорошо пишущаго по тюркски, по приказанію Шадманъ-ходжи кушбеги и его мирза-баши Мулла-Юнусъ Джанъ-Шигаула, оставили среди кокандскихъ мирзъ. Здѣсь я увидѣлъ, что главою всѣхъ былъ Шадманъ-ходжа кушбеги, а а ляскаръ-баши, или начальниками войска были: Хыдыръ-угры, тюркъ Худай-Назаръ-Чулакъ, Мулла-Алимуль и Сеидъ-бекъ, изъ киргизовъ, а начальникомъ артиллеріи былъ Джамадаръ, изъ индустанцевъ.

„Въ видѣ помощи Худояръ-хану бухарскій эмиръ, двинувшись съ войскомъ, взялъ Ура-Тюбе и подошелъ къ Нау. Кокандское войско, узнавъ о военныхъ дѣйствіяхъ бухарскаго эмира, потеряло головы и отступило отъ Ташкента съ своей позиціи при Яфукликъ-мазарѣ, направилось къ Коканду и остановилось въ Той-Тюбѣ.

„Въ Той-Тюбѣ я видѣлъ Садыкъ-тюрю; онъ находился въ небольшомъ шатрѣ, расположенномъ около

одного холма. Выйдя из Той-Тюбъ войско направилось въ Кереучи, гдѣ мы услышали, что Садыкъ-тюря бѣжалъ въ Ташкентъ. Въ Джанъ-булакѣ къ намъ явились почетные жители Ходжента и выпросили у хана себѣ въ хакимы Якубъ-бека (*). По приходѣ войска изъ Джанъ-булака въ Самгаръ, войско разстроилось, начались злоумышленія другъ противъ друга; Шадманъ-ходжа и Алимкулъ были за одно съ ханомъ; о чемъ узнали ихъ противники: Хыдыръ-угры, Худай-Назаръ-Чулакъ и Ирисъ-Али, кипчакъ.

„Противники хана направились къ Камышь-кургану, а согласные къ броду у Ходжа-Ягона, но по необходимости всѣ остановились у Ходжа-Ягона.

„Мулла-Алимкулъ и сарбазы собрались вокругъ Шадманъ-ходжи кушбеги. Къ обѣду около шатра съ казной Шадманъ-ходжи собрались всѣ согласные и порѣшили избавиться отъ противниковъ. Съ этою цѣлью они позвали къ себѣ сперва Хыдыра подъ предлогомъ получить его совѣтъ, а когда онъ пришелъ, то убили его; точно такимъ же образомъ убили Худай-Назаръ-Чулака и Ирисъ-Али, кипчака. Чутанъ пансать-баши, кипчакъ, и Хайдаръ-кулъ, юзбаши, были отправлены въ Кокандъ для убіенія Алимъ-бека.

„Послѣ этого ханъ назначилъ беками въ Маргеланъ—Мулла Алимкулла, въ Тюря-Курганъ—Сеидъ бека, въ Андижанъ—Куйчи, киргиза, въ Чустъ—Мулла-Султана, кыркъ-юза, и еще одного въ Шари-ханъ;

(*). Впослѣдствіи ханъ Кашгара Якубъ-бекъ Бадаулетъ (Счастливый).

сдѣлавъ эти назначенія, ханъ отправился въ Кокандъ, куда въ слѣдъ за нимъ пришли Худояръ-ханъ и Канаатъ.

„На слѣдующій годъ бухарскій эмиръ съ войскомъ пришелъ въ Кокандъ и, пройдя до Узгента, возвратился обратно. Возвращаясь, эмиръ изгналъ брата Худояръ-хана, Султанъ-Мурадъ-бека; ходженскимъ хакимомъ онъ назначилъ каракалпака Достъ-Мата; Ша-Мурадъ-хана эмиръ оставилъ номинально ханомъ. Въ это время Шадманъ-ходжа былъ мингъ-баши, а Алимкуль амиръ-ляшкаръ; они были самые большіе люди и всё ихъ слушались.

„Шадманъ-ходжа отправился въ Ташкентъ, а Алимкуль, оставшись въ Кокандѣ, сдѣлалъ ханомъ сына Малля-хана, Султанъ-Сеидъ-хана.

„Спустя немного времени, Алимкуль отправился въ Ташкентъ и уничтожилъ Шадманъ-ходжу, а на его мѣсто хакимомъ въ Ташкентъ назначилъ Норъ-Мада парманачи, родомъ изъ Зодіана, въ Туркестанъ же онъ назначилъ хакимомъ Мирза-Даулетъ-бія; сдѣлавъ эти назначенія, Алимкуль возвратился въ Кокандъ.

Осенью этого года Норъ-Мадъ парманачи отправился съ войскомъ въ Чимкентъ, изъ Чимкента онъ отправился въ Чулакъ-курганъ, а оттуда въ Сауда-кентъ, изъ Сауда-кента берегомъ Таласа онъ прошелъ до Ауліата, откуда послалъ Турдыкула, кипчака, хакимомъ въ Мерке. Во время отсутствія Норъ-Мадъ парманачи въ Ташкентѣ оставался Мингъ-бай-датха. На возвратномъ пути изъ Ауліата Норъ-Мадъ парманачи

б,
а-
тъ
1-
7-
1-
-
0
ъ
Ѣ

послалъ донесеніе Алимкулу, прося смѣнить ауліеатинскаго хакима Сыдыкъ-Назара; дойдя до Шарап-хана, онъ получилъ изъ Коканда ярлыкъ о назначеніи ауліеатинскимъ хакимомъ Ташъ-Кара. Получивъ ярлыкъ онъ вытребовалъ Сыдыкъ-Назара и назначилъ его ясауль-баши, ташкентскій ясауль-баши Норъ-Мухаммедъ былъ назначенъ бекомъ въ Чардары. Шадыбекъ-Абдусамадъ бій былъ сдѣланъ дадхой, бывшій чардаринскій бекъ Вердымурадъ получилъ назначеніе пансать-баши.

„Весной Норъ-Мадъ парманачи отправился вторично въ Чимкентъ собирать зякетъ съ кочевниковъ; прийдя туда, онъ услышалъ о движеніи русскихъ. Ауліеатинскій хакимъ Ташъ-Кара былъ смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ Ніязь-Али-бій. Въ ауліеатинскій гарнизонъ Норъ-Мадъ парманачи назначилъ изъ рода Санчуки Исламъ-Куль-пансата и Тимура пансата съ подчиненными имъ войсковыми частями.

„Съ приближеніемъ русскихъ войскъ къ Карабалты, меркинскій хакимъ Мулла Турды-Куль бросилъ крѣпость и, захвативъ семью и имущество, отправился чрезъ горы Кара-кишлакъ, Сандукъ, Ханъ-яйлау (за Таласомъ) и перевалъ Бутамуллакъ, вѣстѣ съ Шадыбекъ-дадхой, прибылъ въ Ауліеата. Русскіе обложили Ауліеата и въ началѣ мѣсяца Мухаррема 1280 года взяли городъ. Ніязь-али, Мулла-Турды-Куль и составлявшіе гарнизонъ пансаты и Шады-Векъ дадха ушли въ Манкентъ.

„Войска Алимкула пришли изъ Коканда въ Ташкентъ, гдѣ онъ приказалъ взять обманомъ Вайзака.

Норъ-Мадъ парманачи, пославъ нѣсколько писемъ, залучилъ къ себѣ Байзака и заарестовавъ, отправилъ его къ Алимкулу.

„Русскіе взяли Яны-Курганъ и Сузакъ обложили Туркестанъ, и вскорѣ взяли городъ. Туркестанскій хакимъ Мирза-Даулетъ бій, минуя Чимкентъ, по Сарыагачской дорогѣ, бѣжалъ къ Алимкулу. Алимкулъ объявилъ походъ къ Чимкенту.

„Русскіе между тѣмъ двинулись изъ Туркестана къ Чимкенту; идя по Мулдурской дорогѣ они, при впадѣніи р. Буролдая, перешли р. Арысъ и остановились у Бурджара. Генераль Черняевъ, шедшій съ отрядомъ изъ Аулиеата, перевалилъ Чакмакъ и остановился въ курганѣ Кунабая; когда же отсюда онъ подвинулся къ Карабулаку, тогда Алимкулъ форсированнымъ маршемъ двинулъ свой отрядъ къ Чимкенту. Съ отрядомъ Алимкула въ Чимкентъ прибыли: Батырбекъ парманачи, курома, Минъ-бай дадха, кипчакъ, и еще нѣсколько знатныхъ людей.

„Войска, бывшія въ распоряженіи Норъ-Мада парманачи, были имъ отправлены въ Манкентъ и Машать. На другой день послѣ прибытія отряда, въ Чимкентъ пріѣхалъ Алимкулъ и расположился на Кочкаръ-ата; Норъ-Мадъ парманачи былъ отправленъ въ Манкентъ. Прибывъ въ Манкентъ, Норъ-Мадъ услышалъ, что пришедшіе изъ Аулиеата русскіе ходили по р. Арысу и, остановившись въ Ханъ-курганѣ, высылаютъ разъѣзды для осмотра дороги.

Узнавъ объ этомъ, онъ задумалъ пресѣчь имъ Ку-

мачскую дорогу и повелъ туда войска, но дорогой, случайно, наткнулся на русскій отрядъ, расположившійся у Бурджара и не долго думая пустилъ свои войска на него въ атаку. Во время атаки были убиты: Садыкъ-Пансадъ баши, Мулла-Азимъ-Кулъ казначей и еще человекъ сорокъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, Алимкулъ самъ двинулся туда и, остановившись въ Кошъ-тигерменѣ, двинулъ войска въ битву. Во время этой битвы погибло много народа.

„Миръ-Сабыръ-бій былъ отправленъ посломъ къ русскимъ; возвратившись отъ нихъ, онъ далъ совѣтъ не вступать съ русскими въ сраженіе, а держаться въ виду ихъ. Атабекъ-дадха тоже заявилъ, что очень трудно будетъ побѣдить русскихъ прямымъ нападеніемъ и что лучше держаться въ виду ихъ, не вступая въ сраженіе; Алимкулъ ужасно разсердился на нихъ за такіе совѣты и распорядился вновь произвести атаку.

„Во время этой атаки были убиты: есауль-баши ходжентскаго бека Мирза-Ахмета кушбеги Атабай, махрамъ-баши Алимкула Мулла-Дадабай, Мирза-Даулетъ бій и много другихъ.

„Послѣ сраженія русскіе остались на мѣстѣ, а Мулла—Алимкулъ расположился въ Кошъ-тигерменѣ, гдѣ по его приказанію были похоронены всѣ убитые; мѣсто, гдѣ они похоронены, было названо Шейдмазаръ (т. е. могила мучениковъ).

„Русскій отрядъ, пришедшій изъ Ауліеата, не соединившись съ туркестанскимъ отрядомъ, отправился за

Алимкуломъ къ Чимкенту по Кумачской дорогѣ; когда отрядъ подошелъ къ Чимкенту, Алимкуль собралъ всѣ орудія къ обращеннымъ въ сторону Туркестана воротамъ (кумачскимъ и кошъ-тигерменскимъ) и послалъ Минъ-бая и Ніязь-Али въ поле, чтобы они дали русскимъ упорное сраженіе. Они давъ сраженіе, заставили русскихъ послѣдно отступить къ Кокъ-тереку и горамъ Буркутъ.

„Садыкъ-тюря и Арсланбекъ тюря хотѣли преслѣдовать русскихъ, но Алимкуль ихъ не пустилъ.

„Въ бытность Норъ-Мада парманачи ташкентскимъ хахимомъ, Алимкуль разстрѣлялъ: Ніязь-Али бія, Мухаммедъ Юсуфъ-Кутана, Исламкула пансата и Тимура пансата. Байзакъ дадха и одинъ молодой человекъ изъ рода Чемыръ, по имени Абду-Али бій; были привязаны къ пушкамъ и изъ нихъ убиты. Атабекъ-дадха и Худай-Куль бекъ съ завязанными глазами были изгнаны чрезъ Угамскій переваль къ Кетмень-тюбе.

„Норъ-Мадъ парманачи былъ смѣщенъ съ должности ташкентскаго хакима, а на его мѣсто былъ назначенъ Мирза-Ахмадъ кушбеги.

„Назначивъ Мирза-Ахмета бекомъ, Алимкуль приказалъ ему возобновить чимкентскія стѣны, самъ же возвратился въ Кокандъ.

„Гарнизonomъ въ Чимкентѣ были назначены Джабаръ-Куль пансать-баши и еще одинъ пансать.

„Мирза-Ахметъ кушбеги, руководя работами воз-

становиль укрѣпленія. Іюнь, іюль и августъ прошли спокойно, въ концѣ сентября стало извѣстно, что изъ Туркестана и изъ Аулиеата выступили русскія войска; объ этомъ тотчасъ же дали знать Алимкуду. Онъ, получивъ извѣстіе о наступленіи русскихъ, послалъ приказаніе, чтобы кураминскій хакимъ Хайдаркуль двинулся съ имѣвшимися въ его распоряженіи войсками къ Чимкенту; туда же былъ посланъ каваллерійскій отрядъ изъ Коканда, подъ начальствомъ начальника артиллеріи Якубъ-бека. Между тѣмъ Алимкуль разослалъ гонцовъ по всѣмъ городамъ съ приказаніемъ собираться въ походъ.

„Отрядъ, вышедшій изъ Туркестана, пройдя Бурджаромъ, направился къ Сасыку и занялъ ташкентскую дорогу Кашка. Аулиеатинскій отрядъ, придя съ верхней стороны Чимкента, черезъ Манкентъ, перешелъ Аксу и остановился въ мѣстности Курукъ-сай.

„Въ этотъ день никто ничего серьезнаго не предпринималъ, только на далекую дистанцію было сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ по русскимъ, да нѣкоторые всадники развѣзжали въ виду русскихъ; русскіе же высылали стрѣлковъ обстрѣливать холмъ, на которомъ располагался амирь-ляшкаръ.

„Во вторникъ послѣ полудня русскіе пошли въ атаку вверхъ чрезъ Кочкаръ-ата прямо на Хаиръ Мухаммеда и Мирза-Ахмета кушбеги; гарнизонъ не выдержалъ атаки русскихъ и побѣжалъ безъ оглядки. Кошъ-тигерменскіе ворота были атакованы казаками. Такимъ образомъ со стыдомъ и срамомъ мы бѣжали изъ Чимкента; киргизы изъ русскихъ отрядовъ насъ пре-

слѣдовали и грабили, но когда мы вышли на дорогу Кашка, около спуска въ Вадамъ-сай, насъ встрѣтилъ шедшій съ войскомъ въ Чимкентъ кураминскій хакимъ Хайдаръ-куль, который, прогнавъ преслѣдовавшихъ насъ киргизовъ, вывелъ насъ изъ Вадамъ-сай и проводилъ до рабата Бегляръ-беги. Остановившись на ночлегъ въ рабатѣ Бегляръ-беги, Мирза-Ахметъ и Хайдаръ-куль отправили донесеніе. Слѣдовавшіе за нами пѣхотинцы и конные дошли ночью до Шарапханы и выступивъ оттуда по утру, къ полудню были на Капланъ-бекѣ, гдѣ съ нами встрѣтился шедшій съ отрядомъ изъ Коканда Якубъ-бекъ; отсюда было послано второе донесеніе за печатами Мирза-Ахмета и Якубъ-бека. Ночевавъ на Капланъ-бекѣ, поутру двинулись въ Ташкентъ и, придя туда, помѣстились въ урдѣ.

„Спустя недѣлю, получилось извѣстіе, что русскіе, выйдя изъ Чимкента, идутъ на Ташкентъ. Въ четвергъ русскіе были въ Чинабатъ, въ пятницу же, пройдя выше Бура-ата, русскіе спустились у Алтынъ-тюбе, перешли Саларъ и, остановившись въ Акъ-курганѣ, поставили пушки.

„Въ Ташкентѣ пушекъ не было; достали изъ Керечей одну пушку, у которой не было лафета, да собравъ въ городѣ нѣкоторое количество чугуна, вылили изъ него одну пушку и открыли по русскимъ пальбу. Русскіе очень много стрѣляли изъ орудій и изъ ружей и лѣзли на стѣну, закидывая крючья. Якубъ-бекъ былъ около Каймасскихъ воротъ, а оттуда передвинулся къ Кокандскимъ воротамъ. Ходжентскій хакимъ Мухаммедъ-Аюбъ былъ около Кашгарскихъ воротъ; Мирза-

Ахметъ кущбеги съ орудіями былъ не далеко отъ того мѣста, гдѣ теперь тюрьма. Нападеніе русскихъ было вездѣ отражено. Всю ночь защитники были наготовѣ и не спали. На другой день русскіе ушли по той же дорогѣ, по какой приходили.

„По уходѣ русскихъ Мирза-Ахметъ кущбеги поселился въ урдѣ, Якубъ-бекъ поселился въ своемъ домѣ, по пріѣздѣ же въ ташкентскую урду Алимкула, Мирза-Ахметъ переселился въ домъ Утамбая кущбеги. Спустя немного времени, наступила зима. Зимой къ Алимкулу пріѣхали изъ Кашгара отъ Сыдыкъ-бека послы, дунганцы, которые привезли подарки и плѣнныхъ китайцевъ; послы эти просили, чтобы Алимкулъ далъ имъ въ хакиды Ходжу. (*) Алимкулъ далъ имъ въ хакиды Бузрукъ-хавъ-тюрю, а въ батырь-баши къ нему назначилъ Якубъ-бека. Мирза-Ахметъ кущбеги былъ назначенъ бекомъ въ Маргеланъ; на его мѣсто ташкентскимъ хакимомъ былъ назначенъ кипчакъ Кошъ парманачи.

„Сдѣлавъ эти назначенія, Алимкулъ послалъ Сыдыкъ-тюрю и Арсланбекъ-тюрю на Сары-агачскую дорогу для снятія русскихъ пикетовъ; самъ же степной дорогой, форсированнымъ маршемъ, отправился съ легкимъ отрядомъ къ сторонѣ Туркестана и взялъ Иканъ и Чиликъ. Изъ Туркестана выходилъ небольшой отрядъ русскихъ и дрался съ Алимкуломъ на Читъарыкъ; большая часть русскихъ была убита, а меньшая часть возвратилась въ Туркестанъ. Алимкулу досталось въ добычу: одно орудіе, нѣсколько ружей и

(*) Т. е. изъ династіи ходжей, владѣвшихъ Кашгаромъ.

около сотни головъ. Жителей Икана Алимкулъ взялъ съ собою и, привезя ихъ въ Ташкентъ, размѣстилъ въ четыре части города; послѣ этого Алимкулъ возвратился въ Кокандъ. Кошъ парманачи остался хакимомъ въ Ташкентѣ, Мирзъ-Ахметъ отправился въ Маргеланъ, въ Чиназъ былъ назначенъ киргизъ-кипчакъ Мулла-Ташъ бекъ, въ Ніязбекъ былъ назначенъ также одинъ изъ киргизъ-кипчаковъ.

„Кошъ парманачи занялся исправленіемъ городскихъ стѣнъ; онъ каждый день выѣзжалъ на работы и лично наблюдалъ, чтобы всѣ поврежденія и разрушенія въ стѣнахъ были исправлены и, смотря по надобности, строилъ барбеты и банкеты. Всѣ работали по собственному желанію, хотя, впрочемъ, большую часть работъ исполняли войска.

„Весной Кошъ парманачи занялся обученіемъ войскъ.

„13 дня мѣсяца Зильхиджа 1280 года русскіе войска подступили къ Ніязбеку. Начальникомъ сарбазовъ былъ чужестранецъ, по имени Батча-Батуръ. Кошъ парманачи съ ташкентскими войсками и начальникомъ гарнизона выступилъ къ Дурменю. Утромъ на другой день Кошъ парманачи сѣлъ на коня и, выѣхавъ на холмъ близъ кишлака Кыбрая, сталъ наблюдать русскихъ въ подзорную трубу. Батча-Батуръ, захвативъ съ собою нѣсколько небольшихъ пушекъ и нѣсколько китайскихъ, отправился къ Уймаутъ арыку; здѣсь онъ сдѣлалъ по русскимъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ. Когда Батча-Батуръ стрѣлялъ по русскимъ, изъ русскаго лагеря отдѣлилась толпа конныхъ киргизовъ и направилась къ Кыбраю, тогда по ташкентскимъ вой-

скамъ пронесся слухъ, что двинулись русскіе и всё войска, нигдѣ не останавливаясь, возвратились въ Ташкентъ.

„Арсланъ-бекъ-тюрю назначили пансать-баши надъ ташкентскими сартами. Садыкъ-тюря съ своими джигитами уѣзжалъ въ Кокандъ, но въ концѣ зимы возвратился и стоялъ въ степи.

„Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Ташкентъ Кошъ парманачи, пришло извѣстіе, что русскіе заняли Ниязъ-бекъ.

„Нѣсколько довѣренныхъ людей отъ Санчули и сартовъ были отправлены къ Алимкулу съ донесеніемъ.

„24 дня Зильхиджа, въ пятницу вечеромъ, Алимкулъ пришелъ къ Ташкенту и остановился на Минъ-Урюкѣ. Русскіе въ это время были около Шоръ-тюбе.

„Почетные жители Ташкента выѣхали и представились Алимкулу; они звали его въ городъ, но онъ остался. На другой день изъ города выѣхало много народа; составили совѣтъ, на которомъ было рѣшено: просить Алимкула ввезти въ урду обозъ и не начинать военныхъ дѣйствій, пока не подойдутъ всё войска и артиллерія. Алимкулъ не согласился на просьбу жителей. Во время этихъ переговоровъ около ста русскихъ показалось въ виду жителей и было произведено нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Алимкулъ разгорячился и послалъ отрядъ по направленію показавшихся русскихъ, самъ сѣлъ на коня и отправился къ Кашгарскимъ воротамъ, чтобы произвести смотръ ташкентскимъ войскамъ. Во время смотра около Салара пока-

залась другая партія русскихъ, которая произвела также нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Раздѣливъ свои войска, по роду оружія, на части, Алимъ-куль произвель наступленіе. Русскій отрядъ повернулъ обратно въ свой лагерь; Алимкуль же, проводивъ русскихъ до Шоръ-тюбе, также вернулся.

„Вернувшись обратно, Алимкуль началъ дѣятельно приготовляться къ сраженію, не ожидая прибытія всѣхъ войскъ, шедшихъ изъ Коканда. Окончивъ приготовленія, онъ на другой день съ разсвѣтомъ двинулъ свои войска къ Шоръ-тюбе.

„Въ пятницу 26 Зильхиджа, сотворивъ утреннюю молитву, Алимкуль началъ производить бомбардировку русскаго лагеря; русскіе отвѣчали рѣдкимъ орудійнымъ и частымъ ружейнымъ огнемъ; въ такомъ положеніи дѣло находилось до полудня. Алимкуль, теряя терпѣніе послѣ cadaго выстрѣла подвигать орудія ближе къ русскимъ, предполагалъ, придвинувъ ихъ ближе, произвести рѣшительную атаку. Онъ уже началъ развѣзжать отъ одного знамени къ другому съ приказаніемъ производить атаку, какъ одна пуля ранила его; Алимкуль со словами: «не выгорѣло мое дѣло» схватился за луку сѣдла. Джамадаръ съ нѣсколькими людьми грудями вытолкали орудія изъ арыковъ, запрягли въ нихъ лошадей и отступили.

„Стоявшая отдѣльно кавалерія кокандскаго отряда, не входя въ Ташкентъ, ушла обратно въ Кокандъ. Мирза-Ахмедъ кушбеги, подъ предлогомъ болѣзни, не выѣзжалъ на поле сраженія, а выйдя чрезъ Каймасскія ворота, отправился въ Кокандъ. Кошъ парманачи такъ

же бѣжалъ, присоединившись къ кокандской кавалеріи. Сарбазы и артиллерія вошли въ городъ.

„Султанъ Сеидъ-ханъ былъ женатъ на дочери Хасанъ-ханъ Ишана, домъ его тестя находился недалеко отъ Комеланскихъ воротъ, куда онъ и отправился.

„Послѣ полудня Алимкулъ умеръ. Султанъ Сеидъ-хана жители взяли изъ дома тестя и провозгласили ханомъ.

„Шашку Алимкула вручили Садыкъ-тюръ и назначили его амирь-ляшкаромъ. Оставшіяся въ Ташкентѣ кокандскія войска однако не признали Садыкъ-тюрю амирь-ляшкаромъ; такъ нѣкоторые хотя и называли его амирь-ляшкаромъ, но большинство называли его просто тюря.

„Султанъ Сеидъ-ханъ, не будучи въ состояніи выполнить самъ возложенныхъ на него обязанностей, изъявилъ покорность бухарскому эмиру, о чемъ и послалъ просьбу къ мѣсту нахождения эмира, въ Самаркандъ.

„Ташкентскіе жители всходили на окопы и наблюдали какъ за русскими, такъ и за кокандскими сарбазами.

„Къ эмиру были посланы: Муса Мухаммедъ бій, Ишанъ-Абуль, Касымъ-ханъ, Хакимъ Ходжа Ишанъ казы-калянъ, Тюря Ходжа аглямъ, Туртъ бай киргизъ, Санчули Мулла-Кошукъ и еще нѣсколько сартовъ и киргизовъ. Послы эти явились эмиру въ Самаркандъ и получивъ отъ него подарки, возвратились обратно. Эмиръ отправилъ съ послами въ Ташкентъ Ширъ Али-бія Чулака и Искандеръ-хана токсабу; имъ онъ вручилъ письмо, въ которомъ высказывалъ необхо-

димось въ прїѣздѣ къ нему Султанъ-Сеидъ-хана. Не видя другаго исхода изъ своего безпомощнаго положенія, жители отправили Султанъ-Сеидъ-хана къ эмиру.

„Русскіе же показывались то около однихъ воротъ, то около другихъ, наконецъ однажды ночью они незамѣтно подошли къ Рахметъ-арыку.

„Вишъ-агачскія, Комеланскія и Самаркандскія ворота защищали: Шаръ-Али бій, Раджабъ-бекъ и Ходжабекъ. На разсвѣтѣ русскіе приставили лѣстницы, къ тѣмъ частямъ городской стѣны, гдѣ не было видно народа, и взобрались по нимъ къ банкетамъ, во время всеобщаго сна, и начали стрѣлять изъ ружей и сбрасывать съ барбетовъ орудія.

„Узнавъ, что русскіе вошли въ городъ, всѣ сѣли на коней и бросились бѣжать вдоль городской стѣны, ища мѣста выхода, такъ какъ всѣ городскія ворота были заперты; нѣсколько сарбазовъ и артиллеристовъ отъ Кай-масскихъ воротъ, захвативъ съ собою Искандеръ-хана, бросились къ Кашгарскимъ воротамъ, а оттуда къ Кокандскимъ, но потомъ, не найдя и тамъ выхода, разобрали часть стѣны около протока Шильви и бѣжали.

„Вслѣдъ за войсками бѣжали и жители, имѣвшіе лошадей, въ городѣ же остались одни слабые и муллы.

„На другой день, въ среду, оставшіеся въ городѣ слабые и муллы, подъ предводительствомъ Муллы Салибекъ-Ахуна, вели съ русскими перестрѣлку; тогда какъ жители Сибзарской и Кукчинской частей вышли къ русскимъ съ покорностью. Въ четвергъ жители выходили и здоровались съ русскими, а въ пятницу русскіе уже спокойно расхаживали по Ташкенту.

„Во вторникъ, когда русскіе вошли въ городъ, Садыкъ-тюря пріѣзжалъ въ улицу Ходжа-Куча и предлагалъ свои услуги жителямъ воевать съ русскими, если они къ нему присоединятся; жители не приняли его предложенія и онъ въ Кукчинскія ворота ушелъ по направленію къ Келесу.

„День заключенія мира съ русскими былъ четвергъ 6 числа Сафара.

„Къ генералу Черняеву съ предложеніемъ мира выходили: Хакимъ-ходжа Ишанъ, Мухаммедъ Согатъ-ходжа, Миръ-Салихъ бай, Мухаммедъ-Расуль-Караванъ-баши и Алимъ-ходжа.

Послѣ этого городъ Ташкентъ сталъ подвластенъ русскимъ.“

Мулла Юнусъ.

XII

Зимнее движеніе къ гор. Джизаку.

Послѣ взятія Ташкента и покоренія за-чирчикской стороны и долины р. Ангрена, генераль Черняевъ, въ то время уже бывшій военнымъ губернаторомъ Туркестанской области, послалъ къ бухарскому эмиру особое посольство, подъ начальствомъ капитана Глуховскаго, для выясненія отношеній эмира къ русскимъ. Посольство неожиданно было задержано въ Бухарѣ и подвергнуто строгому аресту. Для подкрѣпленія своихъ требованій отъ бухарскаго эмира, а также для выручки пословъ, генераль Черняевъ произвелъ весьма рискованное движеніе къ гор. Джизаку чрезъ пустынную Голодную степь. Въ своемъ донесеніи отъ 19 февраля 1866 года онъ говоритъ:

„31 января была сдѣлана дневка для окончательнаго приготовленія отряда къ дальнѣйшему движенію, а 1 февраля войска направились къ Джизаку по такъ называемой Голодной степи, которую бухарцы считали надежнѣйшимъ своимъ оплотомъ, полагая ее совершенно непроходимую для войскъ.

„На второмъ переходѣ отъ Учтюбе, я получилъ письмо отъ эмира, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что посланныхъ онъ требуетъ въ Самаркандѣ и по прибытіи вышлетъ ко мнѣ. Разсчитывая, что письмо это вынуждено страхомъ нашего движенія, и что обѣщаніе, съ минованіемъ угрозы, можетъ быть не исполнено, я отвѣтилъ эмиру, что письмо его застало меня среди без-

водной степи, и что только потому я не возвращаюсь, а иду вперед до первой воды, гдѣ и буду ожидать высылки посланныхъ, а затѣмъ немедленно возвращусь.

„Дойдя 4 февраля до р. Учтубе, въ 8 верстахъ отъ Джизака, я остановился и на другой день получилъ письмо отъ эмира, что задержанные имъ русскіе выѣхали изъ Бухары и 5 числа должны быть въ Самаркандѣ, откуда явятся ко мнѣ. Къ этому эмиръ присовокуплялъ свою просьбу, чтобы, въ ожиданіи прибытія посланниковъ, ни къ какимъ непріязненнымъ дѣйствіямъ не приступать. На письмо это я вновь повторилъ эмиру обѣщаніе возвратиться немедленно по исполненіи имъ обязательства, и вновь подтвердилъ, что другой цѣли движеніе мое не имѣетъ.

„На основаніи разъясненныхъ, какъ оказалось, отношеній къ намъ эмира, я просилъ 6 февраля, джизакскаго бека выслать къ нашимъ пикетамъ жителей съ дровами, съ сѣномъ для продажи. Сначала бекъ изъявилъ согласіе, но послѣ требованія исполнить немедленно мою просьбу, онъ отвѣчалъ, что, не получивъ по этому предмету приказанія отъ эмира, не можетъ выполнить требованіе. Отвѣтивъ беку, что если на другой день, т. е. 7 февраля, дрова и сѣно не будутъ высланы, то я принужденъ буду приказать взять ихъ силою, я отправилъ 7 февраля въ городъ отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Пистолькорса, изъ 2 ротъ пѣхоты, 4 сотень казаковъ съ фуражирами и 2 орудія. Подполковнику Пистолькорсу было приказано повторить требованіе о высылкѣ дровъ и сѣна, и только, въ случаѣ отказа, забрать въ предмѣстьяхъ города дрова и сѣно, не трогая ничего остальнаго и прибѣгая къ ору-

жію только въ случаѣ начатія дѣйствія имъ съ противной стороны. По прибытіи отряда къ городу, на встрѣчу ему высыпали толпы вооруженныхъ бухарцевъ, которые, переговаривая съ подполковникомъ Пистолькорсомъ, постепенно отступали къ предмѣстьямъ, а когда отрядъ втянулся въ городъ, то они быстро открыли устроенный поперекъ улицы заваль, изъ-за котораго встрѣтили войска залпомъ. Заваль былъ немедленно взятъ, и войска, преслѣдуя бухарцевъ, проникли на самый городской базаръ, при чемъ слѣдовавшіе за ними фуражиры забирали находившіяся въ дворахъ домовъ и на базарахъ сѣно и дрова, не трогая другаго имущества жителей и товаровъ. Со взятіемъ завала открытъ былъ огонь изъ крѣпости, но орудійные выстрѣлы намъ не вредили, сначала по невѣрно данному направленію, а потомъ, когда войска были близко отъ крѣпости, то снаряды перелетали черезъ нихъ. Одновременно съ открытіемъ перестрѣлки въ городъ, на сотню, оставленную у входа въ предмѣстье для прикрытія отступленія, бросились бухарцы, до того мирно переговаривавшіе съ казаками; казаки, застигнутые врасплохъ, были быстро окружены бухарцами. Посланные мною изъ лагеря по выстрѣламъ двѣ роты съ 2 орудіями, заставили бухарцевъ отступитъ. Въ это время войска, находившіяся въ городъ, набравъ достаточное количество сѣна и дровъ, вышли на соединеніе съ высланными 2 ротами и возвратились въ лагерь. Въ этомъ дѣлѣ убито 8 нижнихъ чиновъ и казаковъ и ранено 19. По донесенію подполковника Пистолькорса, бухарцевъ было около 6,000. Потеря ихъ была болѣе 100 убитыхъ, оставленныхъ на мѣстѣ.

„8 февраля утромъ толпы бухарцевъ начали показываться въ виду лагеря, въ довольно близкомъ разстояніи. Два раза посылалъ я имъ предостереженіе, что приближеніе ихъ я принимаю за непріязненное намѣреніе; наконецъ, по третьему предваренію, я приказалъ сдѣлать выстрѣлы по тѣмъ толпамъ, которыя находились на разстояніи орудіянаго выстрѣла. Толпы немедленно разсѣялись, а объ вынужденномъ открытіи огня я сейчасъ же сообщилъ эмиру. Вечеромъ ко мнѣ прибылъ посланный отъ джизакскаго бека съ изъясненіемъ сожалѣнія о бывшей перестрѣлкѣ, отнесенной къ недоразумѣнію, и съ увѣдомленіемъ, что, по полученному отъ эмира разрѣшенію, на другой день выѣдутъ жители, у которыхъ можно будетъ купить дрова и сѣно.

„9 февраля къ цѣпи были посланы фуражиры, но жители не выѣзжали, подѣ предлогомъ, что они боятся слишкомъ большаго числа выѣхавшихъ къ цѣпи людей.

„Видя изъ дѣйствій бухарцевъ, что они стараются выиграть время, и, сохраняя за движеніемъ только характеръ понудительный, я рѣшился, имѣя два письма отъ эмира, въ которыхъ онъ отказывался отъ прежнихъ притязаній, возвратиться обратно, тѣмъ болѣе, что недостатокъ въ кормѣ для лошадей не позволялъ оставаться долѣе, а между тѣмъ 9 февраля было только ближайшимъ возможнымъ срокомъ прибытія русскихъ изъ Самарканда въ отрядъ, и легко могло быть, что обстоятельства, независѣвшія отъ эмира, ихъ задержатъ, или же эмиръ, рассчитывая на скорое прибытіе всѣхъ своихъ подкрѣпленій съ артиллерією, имѣлъ въ

виду поддержать силою такія условія, на которыя я не могъ бы согласиться.

„Рѣшившись отступить, я приказаль, 9 февраля, еще сдѣлать фуражировку. Посланныя для этого двѣ роты съ 2 орудіями, подъ начальствомъ подполковника Фовицкаго, добывъ дровъ и сѣна, вернулись въ лагерь безъ выстрѣла, какъ съ нашей, такъ и съ бухарской стороны. Въ тотъ же день, вечеромъ, были посланы еще двѣ роты съ 2 орудіями, подъ начальствомъ майора Назарова, которыя также произвели удачную фуражировку, причемъ бухарцы, хотя и показывались, но подхвачившіе близко были отгоняемы выстрѣлами.

„10 февраля получено мною третье письмо отъ эмира, подтвердившее обязательство его о возвращеніи русскихъ посланныхъ; на словахъ посланный передалъ, что эмиромъ приказано продавать намъ дрова и сѣно, что подтверждено и письмомъ джизакскаго бека.

Оставаясь при прежнемъ намѣреніи отступить къ Сыръ-Дарьѣ, такъ какъ со стороны бухарцевъ могли произойти новыя проволочки, я началъ 11 февраля обратное движеніе, увѣдомивъ эмира, что въ доказательство, не имѣя другой цѣли, кромѣ возвращенія посланныхъ, я отхожу къ Сыръ-Дарьѣ, гдѣ и буду ихъ ждать, согласно даннаго имъ въ трехъ письмахъ обѣщанія.

„Какъ только отдано было приказаніе о приготовленіи къ выступленію, джизакскій бекъ прислалъ увѣдомленіе, что, согласно приказанія эмира, все требуемое нами будетъ немедленно выслано. Я отвѣчалъ, что не имѣю уже ни въ чемъ надобности, и затѣмъ отрядъ

началь обратное движеніе; бухарцы, которыхъ съ утра нигдѣ не было видно, высыпали все; когда отрядъ началъ отходить, толпы ихъ, сколько можно было приблизительно опредѣлить, отъ 8 до 10 т., въ разсыпную стали обходить отрядъ со всехъ сторонъ, держась, впрочемъ, въ довольно далекомъ разстояніи; тѣ, которыя осмѣливались подходить на разстояніи вѣрныхъ выстрѣловъ, были немедленно отгоняемы съ потерей. Проведя насъ отъ 6 до 7 верстъ, онѣ неожиданно, какъ бы по приказанію, разомъ отступили. Въ этотъ день отрядъ перешелъ на позицію въ 15 верстахъ отъ бывшаго лагеря, гдѣ находился подожный кормъ, который могъ подкрѣпить верблюдовъ и лошадей для дальнѣйшаго движенія.

„Обратное движеніе, равно какъ и движеніе къ Джизаку, совершены были безъ всякихъ потерь, а 14 февраля я расположился лагеремъ на лѣвомъ берегу Дарьи, у мѣста бывшей переправы, гдѣ и ожидаю разъясненія обстоятельствъ.

XIII

Бой подъ Сарыбулакомъ.

„7 мая получены были свѣдѣнія, что на лѣвомъ берегу Дарьи, около караванной дороги, появилась шайка бухарцевъ въ 1 т. человекъ подъ начальствомъ Садыка и какого-то бия, что въ тоже время Садыкъ собираетъ шайки туркменъ и каракалпаковъ, съ цѣлю пробраться для грабежей черезъ Кызыль-Кумы въ наши предѣлы и, для привлеченія на свою сторону киргизъ, разсылаетъ въ подвластные намъ роды прокламаціи возмутительнаго содержанія. Для предупрежденія могущихъ быть беспорядковъ, начальникъ праваго фланга сформировалъ въ ф. Перовскій отрядъ изъ 40 киргизъ и 40 стрѣлковъ, посаженныхъ на киргизскихъ лошадей и направилъ его по почтовому тракту до станціи Букабай-Куль, а оттуда на урочищ. Каланъ-Басъ, въ разливѣ Куванъ-Дарьи, такъ какъ по нѣкоторымъ даннымъ можно было предположить, что Садыкъ непремѣнно тамъ; въ случаѣ, если его тамъ нѣтъ, то отрядъ долженъ былъ выйти на бухарскій караванный путь въ уроч. Джаманъ-Чаганакъ и соединиться съ отрядомъ, посланнымъ для той же цѣли изъ форга № 1.

„Не доходя 2-хъ переходовъ до Джаманъ-Чаганака, 16 числа, отрядъ нашъ, получивъ свѣдѣніе, что Садыкъ направляется по Сыру къ форгу № 2, направился туда же; но отъ захваченныхъ охотниками-киргизами двухъ киргизъ партіи Садыка узнавъ, что партія обратилась къ Джаманъ-Дарьѣ, возвратился въ ф. Пе-

ровский. Между тѣмъ, высланный по первому извѣстію о появленіи Садыка, 4 мая изъ форта № 1, отрядъ изъ 1 сотни казаковъ, 6 мая дошелъ по караванной дорогѣ до уроч. Сары-булакъ (въ 143 верст. отъ форта). Взятый отрядомъ на дорогѣ киргизъ дерткаринскаго рода показалъ, что никакой шайки нѣтъ. Придя на ночлегъ, отрядъ расположился на возвышенности въ $\frac{1}{2}$ верстѣ вправо отъ дороги. По другую сторону дороги въ 1 верстѣ отъ нея былъ родникъ, а влѣво отъ родника, саженьяхъ въ 300, плоская возвышенность. Командиръ отряда, есаулъ Анчиковъ отправился для осмотра мѣстности къ роднику, куда были отведены и лошади для водопоя. Въ это время появилась изъ-за плоской возвышенности шайка Садыка, человекъ въ 1000, и немедленно бросилась къ отряду; люди и лошади, шедшіе къ роднику, успѣли отступить. Отрядъ, выстроившись въ каре, встрѣтилъ непріятеля выстрѣлами изъ ружей и ракетами; шедшій впереди непріятель отступилъ на главныя силы, потомъ устроившись бросился на отрядъ со всѣхъ сторонъ и открылъ пальбу, продолжавшуюся съ 10 часовъ утра до 2 по полудни, при чемъ съ нашей стороны убито 19 человекъ; будучи отбита, шайка слѣзла съ лошадей и стала ихъ путать для подвожнаго корма, тогда командиръ отряда приказалъ устроить окопъ, что и было исполнено. Въ 8 часовъ вечера нападеніе шайки возобновилось, но было отбито съ большою потерей непріятеля, при чемъ съ нашей стороны убитъ 1 казакъ. Между тѣмъ всѣ люди и лошади, находясь подъ сильнымъ жаромъ, истомились отъ жажды, почему начали рыть колодезь, что продолжалось всю ночь и весь день 8 числа подъ выстрѣлами; но оказа-

лось, что воды въ колодцѣ нельзя ожидать, почему онъ былъ оставленъ, а ночью начать другой колодезь, въ которомъ также не оказалось воды. 9 числа нападеніе возобновилось и опять было отбито съ большою потерю непріятели, съ нашей стороны раненъ 1 урядникъ и 3 казака. Такъ какъ люди и лошади уже впродолженіи 3 сутокъ находились подъ сильнымъ жаромъ, не имѣли воды и будучи окружены мертвыми тѣлами людей и лошадей, уже начинавшими разлагаться, совершенно истомились, такъ что у нѣкоторыхъ людей пошла кровь горломъ, начальникъ отряда рѣшился въ 4 часа утра 10 числа отойти къ роднику, для чего приказалъ навьючить на оставшіяся 26 лошадей сколько возможно фуража и провіанта; оставшееся же количество тяжести, которую нельзя было взять, приказано бросить въ вырытый колодезь, прикрыть сверху трупами убитыхъ лошадей и засыпать пескомъ. Устроивъ все это, отрядъ построился въ каре и двинулся къ роднику; непріятель и не подумалъ его преслѣдовать, а сейчасъ бросился въ оставленный лагерь, думая найти добычу. Всего впродолженіе этого дѣла съ нашей стороны убито 20 человекъ, ранено 5, отбито непріятеlemъ 20 лошадей и 13 верблюдовъ, брошено сѣделъ 5, ружей 7, вырвалось 19 лошадей и убито 15, кромѣ того, зарыто провіанта и фуража нѣсколько четвертей.

„16 мая явился въ фортъ № 1 бывшій при отрядѣ жокакъ, киргизъ Аль-Мамбетъ, который при самомъ началѣ дѣла успѣлъ скрыться въ сухомъ руслѣ Джаманъ-Дарьи, но былъ настигнутъ хищниками, раненъ въ голову и во время дѣла находился подъ карауломъ, а когда хищники стали отступать, то Садыкъ его от-

пустилъ и приказалъ кланяться всѣмъ бѣямъ, почетнымъ старшинамъ и аксакаламъ Чумекеевскаго рода и передать имъ, чтобы они были готовы оказать ему, Садыку, всякую помощь; султану же Илекею приказалъ сказать, что онъ дурно дѣлаетъ, не отвѣчая на поклоны Садыка, между тѣмъ какъ обѣщалъ ему помощь, вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ передать ему, что если онъ не будетъ его соучастникомъ, то осенью накажетъ его. По словамъ Аль-Мамбета, численность шайки Садыка простиралась до 2000 человекъ.

(Изъ журнала военныхъ дѣйствій и происшествій на средне-азіатской границѣ съ 10 мая по 1 іюня 1867 года).

XIV

Стычка подъ Джизакомъ.

Не объ этомъ ли нападеніи имѣются свѣдѣнія въ „Журн. воен. дѣйствій“ (по 28 октября 1867 г.), въ которомъ, между прочимъ говорится: „Сотникъ Бухаринъ доноситъ, что Садыкъ, собравъ шайку тысячъ до двухъ, вышелъ изъ Нуръ-Ата и собирается или сдѣлать нападеніе на Джизакъ, или пройти къ Чардарамъ и наказатъ кочующихъ тамъ киргизъ за отложеніе ихъ отъ бухарскаго эмира. Ни то, ни другое не было приведено въ исполненіе Садыкомъ; тѣмъ не менѣе онъ разослалъ по всему пространству Задарьинскаго пространства мелкія партіи, которыя и начали дѣйствовать на нашихъ сообщеніяхъ между Чиназомъ и Джизакомъ и между этимъ послѣднимъ пунктомъ и Зааминомъ. Нѣсколько разъ партіи эти прорывались даже до р. Сыръ-Дарья, на протяженіи между Чиназомъ и Ирджаромъ, и грабили и отгоняли скотъ у кочующихъ тамъ подвластныхъ намъ киргизъ.

Одна изъ этихъ шаяекъ отогнала 6 августа скотъ жителей г. Заамина. Для преслѣдованія хищниковъ послана была изъ Заамина команда изъ 22 уральскихъ казаковъ и 18 стрѣлковъ (оконенныхъ) 6-го баталіона подъ начальствомъ есаула Назарова. Хищники были настигнуты и скотъ отбитъ обратно. Преслѣдуя партію, есауль Назаровъ приблизился къ Джизаку и, имѣя въ виду дать отдыхъ людямъ и лошадямъ, направился съ отрядомъ и отбитымъ скотомъ не обратно въ Зааминъ, а

къ Джизаку. Но не успѣлъ отрядъ пройти и нѣсколькихъ верстѣ, какъ былъ окруженъ другою уже партиєю, числомъ до 1 тыс. челов., спустившихся съ горъ. Произошло столкновение; бухарцы нѣсколько разъ бросались на отрядъ, стараясь подавить его массой, но каждый разъ были отбиваемы съ значительною потерей, и отрядъ, не смотря на эти натиски, отошелъ къ Джизаку. Потеря наша при этомъ состоитъ изъ 3 убитыхъ стрѣлковъ и 4 раненыхъ. Потеря непріятеля въ точности неизвѣстна, но должна быть весьма значительна. «

XV

Сраженіе подъ Зерабулакомъ.

Авторъ рассказываетъ объ известномъ сраженіи подъ Зерабулакомъ, гдѣ была разбита на голову генераломъ фонъ-Кауфманомъ послѣдняя армія бухарскаго эмира. Результатомъ пораженія было заключеніе мира съ Бухарою. Сраженіе происходило слѣдующимъ образомъ:

„Получивъ свѣдѣнія, что у Катта-Кургана собираются всѣ силы эмира, генераль Кауфманъ, 30 мая утромъ, съ десятью ротами пѣхоты, 6 орудіями и 3 сотнями казаковъ усиленнымъ маршемъ двинулся къ Катта-Кургану. Въ Самаркандѣ въ цитадели оставлено 4 роты 6 баталіона, рота саперъ и два батарейныхъ орудія.

„2-го іюня, съ отрядомъ изъ 18 ротъ пѣхоты, 14 орудій и 6 сотенъ казаковъ, генераль Кауфманъ выступилъ изъ Катта-Кургана, оставивъ въ его цитадели двѣ роты 9 баталіона. Съ самаго выступленія, на разстояніи 10 верстъ до позиціи непріятеля, ихъ конница держалась въ сторонѣ, разъѣзжая по разнымъ направленіямъ. Криками они возбуждали другъ друга къ наступленію, вся степь гудѣла отъ этихъ криковъ; тѣмъ не менѣе только одиночные всадники отваживались подъѣзжать на разстояніе орудійнаго выстрѣла. На 12-й верстѣ отъ Катта-Кургана, по дорогѣ къ Кермене, на Зерабулакскихъ высотахъ ожидалъ насъ непріятель со

своими войсками. Позиція ихъ имѣла направленіе на югъ, почти перпендикулярное къ дорогѣ отъ Катта-Кургана въ Кермене. Непрiятель состоялъ болѣе чѣмъ изъ 6-ти тысячъ пѣхоты, 14 легкихъ орудій и до 15 тысячъ конницы.

„Для атаки войска были раздѣлены на двѣ колонны: правую командовалъ полковникъ Пистолькорсъ, лѣвою—полковникъ Абрамовъ; всѣми войсками руководилъ генераль-маіоръ Головачевъ. Генераль Кауфманъ со свитою слѣдовалъ за колонною полковника Абрамова. Правая колонна была двинута нѣсколько раньше на край лѣваго фланга позиціи непрiятеля и, обогнувъ его, начала атаку. Дивизионъ конно-облегченной казачьей батареи, подѣзжая на самый выгодный картечный выстрѣлъ къ непрiятелю, производилъ въ рядахъ его сильное опустошеніе. Выпущено было 34 картечныхъ зарядовъ изъ орудій; непрiятель началъ поспѣшно отступать; тогда полковникъ Пистолькорсъ приказалъ идти въ атаку кавалеріи, которая и dokonчила пораженіе лѣваго фланга. Орудійный огонь непрiятеля съ гребня высотъ Зарабулакскихъ не наносилъ намъ никакого вреда. Когда же выдвинута была колонна полковника Абрамова, то непрiятель съ поспѣшностію снялъ свою артиллерію. Пѣхота его центра, послѣ нѣкотораго сопротивленія, бѣжала, отброшенная нами въ степь по направленію къ Кермене. Войсками непрiятельскими на Зирабулакскихъ высотахъ начальствовали: Ходжа (турокъ) и Османъ (бѣглый сибирскій казакъ—ренегатъ); оба къ сожалѣнію успѣли бѣжать.

„3-го іюня вся окрестность на большое разстояніе

оказалась пустою; нигдѣ невидно было пикетовъ, и, по показанію жителей, непріятель разбѣжался въ разныя стороны».

(„Истор. 4 туркестанскаго линейнаго баталіона“, соч. Зайцева).

XVI

Нападеніе Садыка на колонну генерала Бардовскаго.

Нападеніе было сдѣлано на колонну генерала Бардовскаго, стоявшаго на Адамъ-крылганѣ, утромъ 6 мая 1873 года.

„Исполненіе колонною генерала Бардовскаго, возложеннаго на нее порученія было обезпечено, на разсвѣтъ 6-го мая, нападеніемъ на бивакъ шайки туркменъ, часть которой еще наканунѣ, въ полдень 5-го числа, пыталась отбить нѣсколько нашихъ верблюдовъ, ходившихъ на пастбищѣ. Но когда прикрытіе, окарауливавшее стадо, заняло близъ лежащій барханъ, туркмены отказались отъ своего намѣренія, поспѣшно удалились и соединились съ главною партією, державшеюся все время внѣ выстрѣла. Потомъ и эта партія исчезла, оставивъ на дальнемъ барханѣ небольшой пикетъ. Ночь на 6 число прошла спокойно; но въ 4 часа утра непріятель снова показался около лагеря. Раздѣлившись на двѣ кучки, въ каждой примѣрно по 200 человекъ, непріятель началъ наступать на нашу позицію съ двухъ сторонъ. Но войска въ лагерѣ уже были готовы къ отраженію атаки. Генераль Бардовскій поставилъ ихъ въ ружье безъ тревоги и выслалъ впередъ на барханы, въ стороны, гдѣ собрался непріятель, стрѣлковыя взводы. Туркмены два раза бросались на барханы но, встрѣчаемые изъ-за нихъ огнемъ стрѣлковъ, поворачивали назадъ, отступали и съ дальняго

разстоянія открывали по стрѣлковымъ взводамъ и по лагерю, безвредный для насъ, ружейный огонь. Попытка непріятеля атаковать нашъ бивакъ и безцѣльная перестрѣлка его заняли часа два времени и мѣшали намъ выпустить на пастьбу верблюдовъ и лошадей. Тогда генераль Бардовскій приказалъ начальнику кавалеріи, съ частью казачьихъ сотенъ и съ ракетною батареею, прогнать шайку. Нѣсколько удачно пущенныхъ ракетъ заставили непріятеля повернуть тыль и разсѣяться. Потомъ онъ снова собрался и готовился къ сопротивленію. Кавалерія двинулась на рысяхъ впередъ; непріятель не выждалъ атаки и опять разобѣлся. Тогда началось преслѣдованіе хивинцевъ; вмѣстѣ съ казаками, непріятеля гнала и часть нашей пѣхоты. Преслѣдованіе было остановлено въ 4-хъ верстахъ отъ лагеря. По всему пути отступленія хивинцевъ попадались окровавленные тряпки халатовъ, вата, виднѣлись слѣды крови. Непріятель понесъ значительную потерю отъ огня нашихъ стрѣлковъ и отъ боевыхъ ракетъ. У насъ потери вовсе не было.

„Какъ показалъ перебѣжчикъ, нападавшая на Адамъ-крылганъ, 6-го мая, партія хивинцевъ состояла изъ 400 туркменъ и киргизъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго степнаго разбойника Садыка. Онъ былъ посланъ изъ лагеря хивинцевъ у Учъ-учака, для обезпоченія туркестанскаго отряда во время перехода имъ стоверстнаго песчаннаго пространства, отдѣляющаго уроч. Хальата отъ Аму-Дарьи. За партією Садыка слѣдовалъ караванъ изъ 200 верблюдовъ съ водою. Въ ночь съ 4-го на 5-е мая шайка Садыка ночевала въ 8 верстахъ отъ Адамъ-крылгана. Здѣсь, отъ захваченнаго въ плѣнъ од-

ного нашего лаучи, Садыкъ узналъ, что на Адамъ-крыганѣ расположенъ русскій отрядъ, всего будто бы въ 150 человекъ, прикрывающій огромное число верблюдовъ. Случай показался Садыку соблазнительнымъ и онъ рискнулъ произвести нападеніе. Попытка эта, однако, была весьма неудачна. Пленныя, взятые нами впоследствии въ дѣлѣ 11-го мая, показали, что изъ партіи Садыка едва лишь половина возвратилась въ учъ-учакскій лагерь и то почти всѣ пѣшкомъ, еле живые отъ жажды и утомленія, вслѣдствіе поспѣшнаго и быстрого отступленія. Остальная половина или разбѣжалась, или погибла отъ ранъ, а еще болѣе отъ недостатка воды. Всѣ верблюды и много лошадей брошены на дорогѣ. Везпорядочное прибытіе остатковъ партіи Садыка въ учъ-учакскій лагерь, рассказы вернувшихся, произвели панику между хивинскими войсками. По словамъ ихъ, „если бы русскіе продолжали преслѣдованіе, то ни одинъ изъ насъ не вернулся бы“.

(Рукоп. „матеріалы для описанія хивинскаго похода 1873 года“; дѣйст. Туркест. отр.).

Лично Садыкъ рассказывалъ объ этомъ дѣлѣ слѣдующее. Въ хивинскомъ лагерѣ на Учъ-учакѣ время отъ времени получались свѣдѣнія, чрезъ рекогносцировочныя партіи киргизовъ и туркменъ, о движеніи русскихъ чрезъ Кызылкумскую пустыню. Когда отрядъ двинулся на Халь-ата, и за тѣмъ на Адамъ-крыганѣ, это всѣхъ удивило, такъ какъ избранный путь былъ самый тяжелый и непроходимый для пѣшихъ войскъ съ тяжестями. Хивинцы предполагали, что если не весь, то часть отряда погибнетъ въ пескахъ. Предположенія начали оправдываться слухами о весьма тяжеломъ положеніи

русскихъ. Тогда было рѣшено послать Садыка къ Адамъ-крыгану. Формируя отрядъ преимущественно изъ добротныхъ наѣздниковъ, онъ захватилъ съ собою до 300 верблюдовъ съ водою въ турсукахъ, съ провіантомъ и фуражемъ. Кромѣ того водою запасся и каждый всадникъ. Подойдя къ рускому отряду, онъ увидѣлъ, что солдаты, повидимому, нисколько не утомлены и встрѣтили его энергичною пальбою. Это его сильно смутило и онъ нападалъ весьма слабо, чѣмъ и объясняется незначительность его потери. Когда вышелъ запасъ воды, онъ началъ отступленіе, которое, вслѣдствіе отсутствія дисциплины между наѣздниками, было вполнѣ беспорядочное. На обратномъ пути, вслѣдствіе недостатка воды, жары и утомленія погибло чуть неполовина отряда. Изъ первыхъ погибли всѣ раненые въ дѣлѣ, а также имѣвшіе убитыхъ и раненыхъ лошадей; много погибло также и верблюдовъ. По мусульманскому обычаю умершіе были всѣ похоронены въ пескахъ, а не брошены безъ призора, такъ какъ позади былъ непріятель.

Появленіе отряда въ такомъ бѣдственномъ положеніи въ уть-учакскомъ лагерѣ и вѣсти, привезенныя Садыкомъ о бодромъ видѣ русскихъ, произвели на хивинцевъ тяжелое впечатлѣніе. Этимъ объясняется слабость ихъ сопротивленія на правомъ берегу р. Аму. Русскіе казались неодолимыми.

XVII

Выходъ туркестанскаго отряда на р. Аму-Дарью.

Авторъ рассказываетъ объ окончаніи тяжелаго и рискованнаго похода туркестанскаго отряда къ Хивѣ черезъ Кызылкумскую пустыню, и выходъ его на р. Аму-Дарью близъ Учъ-учака. Подробности послѣднихъ переходовъ и бой съ хивинцами близъ Учъ-учака довольно живо описаны въ рукописныхъ матеріалахъ для составленія „Описанія Хивинскаго похода“.

„7-го мая бивакъ на Алты-кудукѣ временно очень оживился; у многихъ лица сіяли радостью; воодушевленіе было полное. Теперь забавно даже вспоминать, какая ничтожная причина была предметомъ оживленія и общей радости въ отрядѣ. Но тогда это имѣло огромное для насъ значеніе. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день возвратился въ лагерь лазутчикъ-джигитъ, посланный къ Сардаба-кулю высмотрѣть силы и расположеніе тамъ хивинскаго скопища. Лазутчикъ, въ доказательство, что онъ дѣйствительно былъ на мѣстѣ, привезъ съ собою пучекъ камыша съ Сардаба-куля. Вотъ этотъ-то камышъ, свидѣтельствовавшій намъ во-очію близость Аму-Дарьи, и былъ предметомъ общаго оживленія. Всѣ спрашивали, волновались. Каждому хотѣлось, если не получить хоть вѣточки этого камыша, то по крайней мѣрѣ посмотреть на него и собственными глазами видѣть это неоспоримое доказательство близости живой, вольной воды. Вопросъ о томъ, какая масса хивинцевъ

собралась на Учъ-учакъ, чтобы загородить намъ выходъ къ Аму-Дарьѣ, былъ совершенно на второмъ планѣ; въ отрядѣ не допускалось мысли, что разъ, какъ ему удастся одолѣть грозную природу и благополучно выйти изъ песковъ, чтобы хивинцы воспрепятствовали ему достигнуть Аму-Дарьи—этой цѣли, къ которой стремились помыслы всѣхъ и cadaго уже впродолженіе почти 3-хъ мѣсяцевъ. 9-го мая, въ 7 часовъ утра, прибыла, наконецъ, на Алты-кудукъ давножданная, желанная колонна генерала Бардовскаго, съ наполненными водою сосудами и съ напоенными лошадьми и верблюдами. Но, къ общему ужасу, этихъ послѣднихъ осталось всего 1240 головъ. Нашъ вьючный обозъ, такимъ образомъ, постепенно таялъ: нельзя и подобрать другое выраженіе факту, который такъ затруднял и озабочивалъ туркестанскій отрядъ въ хивинскомъ походѣ. Нечего было, слѣдовательно, и думать о томъ, чтобы поднять съ Алты-кудука всѣ тяжести и всю колонну въ полномъ ея составѣ. Приходилось оставить на Алты-кудукъ отрядныя тяжести, въ коихъ не встрѣчалось насущной потребности, и, для прикрытія ихъ, 2 роты 3-го стрѣлковаго баталіона и дивизионъ конной батареи. Трудно представить себѣ, что ощущали тѣ войска, коимъ выпадалъ тяжелый жребій оставаться на неопредѣленное время въ алты-кудукской позиціи. Но тягость испытаній возбуждаетъ въ русскомъ воинствѣ пропорціонально еще большую энергію и стойкость, и отрядъ полковника Новолинскаго, оставленный на Алты-кудукъ, исполнилъ возложенную на него задачу по истинѣ съ мужествомъ и геройствомъ.

Для остальныхъ, сравнительно счастливыхъ, частей

войскъ насталь, наконецъ, давно ожидаемый часъ наступленія ихъ съ, черной памяти, алты-кудукскихъ колдцевъ.

Въ 3 часа послѣ обѣда 9-го мая, колонна въ составѣ 10 ротъ, 8 орудій, 2 картечицъ и казачьей сотни, поднялась съ бивака и медленно потянулась въ юго-западномъ направленіи. Опять та же угрюмая мѣстность кругомъ, тѣ же песчанья горы, тѣ же картины походнаго движенія по рыхлому, глубокому песку, чрезмѣрное напряженіе силъ людей и животныхъ. По счастью, погода была благопріятная, небо заволокло легкими тучками; маленькій вѣтерокъ освѣжалъ воздухъ. Первые 8 верстъ, до выхода на караванную дорогу, были очень тяжелы; снова пришлось идти безъ дороги, цѣликомъ. Верблюды, на которыхъ вьюки были не болѣе 8 пудовъ, сильно отставали на этихъ 8 верстахъ, и снова большое число ихъ пало здѣсь. Когда отрядъ выбрался, наконецъ, на караванную дорогу, верблюды пошли легче, войска бодро зашагали и, около 8 часовъ вечера, когда уже начало темнѣть, колонна отошла отъ Алты-кудука 20 верстъ и остановилась на ночлегъ. Начало, слѣдовательно, было вполне удачно. Съ 3-хъ часовъ дня до 8 вечера, т. е. въ продолженіе 5 часовъ, отрядъ прошелъ 20 верстъ, или 4 версты въ часъ, очень тяжелаго утомительнаго марша по пескамъ. Пищу на ночлегъ не варили; воду роздали людямъ только для питья и на чай; по одному ведру дали артиллерійскимъ и казачьимъ лошадямъ. На питье солдаты мало истратили воды; всю полученную порцію они употребили на чай, который составляетъ лучшее средство отъ жажды; сырая вода лишь временно уменьшаетъ жажду, не уто-

ляя ее. Спокойно, крѣпко заснуль отрядъ на ночлегѣ съ 9-го на 10-е мая; укладывался, кто какъ могъ, на бивакѣ, всякій мечталъ о томъ, что завтра, быть можетъ, доведется увидеть, наконецъ, три холма (Учъ-учакъ), у подножія которыхъ вьется, широкою лентою, рѣка, съ прѣсною, вкусной водой, достающею милліонамъ людей.

Ночью бивакъ былъ слегка потревоженъ. Небольшая непріятельская партія, подкрадываясь къ позиціи, наткнулась на одинъ изъ секретовъ, расположенныхъ впереди передняго фаса каре. Изъ секрета выстрѣлили, непріятель бросился назадъ, въ лагерьъ пробудились, но тревоги не трубили; въ ружье сталъ лишь одинъ передній фасъ, и то не надолго. Когда съ аванпостовъ дали знать, что непріятель скрылся, въ лагерьъ снова все успокоилось и захрапѣло.

За полчаса до разсвѣта 10-го мая, у ставки начальника отряда протрубили подъемъ. Отрядъ скоро собрался и черезъ полчаса тронулся въ путь. Прохладный вѣтерокъ съ Аму-Дарьи, такъ благодѣтельно освѣжавшій насъ наканунѣ, за ночь совершенно стихъ. Стало душно и солнце съ утра начало нещадно печь, обжигая сверху и раскаляя внизу песчаную почву. Къ полудню жаръ достигъ 45 градусовъ Реомюра.... А путь былъ необычайно труденъ. Во 1-хъ, вся мѣстность къ Аму-Дарьѣ дѣлала замѣтный подъемъ; во 2-хъ, дорога къ Учъ-учаку, песчаная на всемъ своемъ протяженіи, пересѣкалась поперегъ семью широкими и высокими песчаными кряжами (джиты-аши) и множествомъ менѣе значительныхъ песчаныхъ уваловъ. Длинная вереница нашей колонны непрерывно изгибалась; войскамъ съ

артиллерією и вьючнымъ обозомъ приходилось непре-
станно, то подыматься, то спускаться, снова подымать-
ся, опять спускаться и т. д. Лога между песчаными
нагроможденіями были незначительны по ширинѣ; въ
нихъ тоже былъ песокъ, движеніе по которому было
трудно; но здѣсь колонна отдыхала и движеніе къ логу
было ничто въ сравненіи съ подъемомъ, переваломъ и
спускомъ на джиты-аши и на остальныхъ менѣ значи-
тельныхъ песчаныхъ увалахъ, а между тѣмъ и увалы
эти и песчаные края или джиты-аши, чѣмъ ближе къ
Аму-Дарьѣ, тѣмъ дѣлались все выше и круче. Люди,
лошади, верблюды—все это надрывалось, сгибалось,
пыхтѣло, одолевая непомерную работу ногами въ рых-
ломъ, сыпучемъ пескѣ; организмъ напрягался, дѣлалъ
последнія усилія, а жгучее солнце, сверху, не давало
пощады. Медленно, шагъ за шагомъ, протянулись 8
верстъ отъ ночлега, перевалили два джиты-аши, взоб-
рались на третій. Утомленіе, жажда, невыносимо одолевъ-
вали всѣхъ. Но вотъ по отряду пронеслась восторжен-
ная вѣсть: съ вершины третьяго края увидѣли вдаль
на горизонтѣ три холма—„Учъ-учакъ! Учъ-учакъ!“ раз-
далось по всѣмъ направленіямъ. Всѣ устремили взоры
впередъ, напрягали зрѣніе, чтобы хорошенько всмотрѣ-
ться: не миражъ ли это, дѣйствительно ли то три
холма, достигнувъ которыхъ, мы покончимъ съ нашими
мученіями и испытаніями. Командующій войсками разо-
слалъ въ колонны своихъ адъютантовъ сообщить всѣмъ
радостную вѣсть. Восторженное, хотя и глухое „ура!“
вырвалось изъ тысячи надорванныхъ грудей и огласило
мертвенную пустыню. Все оживилось, приободрилось въ
отрядѣ. Нашлись сейчасъ же остряки, серьезно увѣ-

равшіе, что даже верблюды почували близость рѣки и бодрѣе зашагали. Всѣмъ сдѣлалось легче, веселѣе; какъ будто и солнце не такъ жгло и песокъ казался менѣе глубокимъ и песчаные перекаты легче предыдущихъ.

Отрядъ прошелъ еще версты три-четыре и остановился для привала. Версты 1½, впереди позиціи, на которой расположилась колонна для бивака, возвышался четвертый высокій кряжъ. Для обзора съ него впереди-лежащей мѣстности, тотчасъ же по расположеніи войскъ на позиціи, командированъ былъ Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ съ офицерами генеральнаго штаба. Съ вершины этого кряжа, далеко влѣво за песчаными барханами, уже виднѣлась синеватая, искрившаяся на солнцѣ, лента.— „Рѣка! рѣка!“ шевельнулось у каждаго радостная мысль.

Отдыхъ на привалѣ для всѣхъ былъ крайне необходимъ. Бивакъ расположенъ былъ на тѣхъ же неизмѣнныхъ, однообразныхъ, песчаныхъ, голыхъ барханахъ; низенькіе, стелющіеся по землѣ, чахлые кусты песчаной флоры, немного зеленой, невысокой, рѣденькой травы „рангъ“, да множество ящерицъ—вотъ все, что до извѣстной степени оживляло, изъ растительнаго и животнаго міра, мѣстность, на которой приваливалъ отрядъ. Впереди, назадъ, по сторонамъ, сколько могъ видѣть глазъ, вездѣ безбрежно разстилалась та же грустная, унылая картина массъ, глыбъ, горъ песку....

Во время привала топографы опредѣляли разстояніе до Учъ-учака; измѣренъ былъ 5-ти верстный базисъ и засѣченъ одинъ изъ трехъ холмовъ; разстояніе оказалось въ 15 версть.

Наблюдая съ бивака, въ бинокли и трубы, учъ-уцакскія высоты, увидѣли огромную пыль на ихъ отлогостяхъ и большую темную массу, спускавшуюся съ высоты правѣе крайняго холма. Это хивинское полчище, замѣтивъ наше приближеніе, переходило изъ лагеря на берегу Аму-Дарьи къ озеру Сардаба-кулю, на встрѣчу отряда.

Отдохнувши и подкрѣпившись чаемъ съ сухарями, колонна поднялась съ привала въ два часа дня и потянулась впередъ. Путь, чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался все утомительнѣе и тяжелѣе; песокъ былъ глубже, рыхлѣе; джиты-аши—выше, круче; песчаные перекаты черезъ дорогу—чаще. По пути стали больше попадаться павшія и уже ободранныя лошади, верблюды. Встрѣчались и живые еще, эти несчастныя животныя, брошенныя на произволь судьбы; изнуренныя недостаткомъ корма и воды, надорванныя трудною работою, лишенные силъ тронуться съ мѣста верблюды неподвижно лежали въ пескѣ, ожидая смерти.... То были слѣды быстрого, поспѣшнаго отступленія съ Адамъ-крылгана къ Учъ-учаку несчастной партіи Садыка.

Выбиваясь въ пескѣ изъ силъ, молча, медленно подвигалась впередъ длинная нитка нашей колонны. Вдругъ впереди произошло какое-то оживленіе; изъ авангарда по всей колоннѣ моментально перенесся слухъ о появленіи непріятеля. До Учъ-учака оставалось еще 8 верстъ. Начальникъ отряда генераль Головачевъ, слѣдовавшій впереди войскъ, первый замѣтилъ непріятельскіе разѣзды и остановилъ головныя части, чтобы дать подтянуться колоннѣ. Командующій войсками, слѣ-

довавший, обыкновенно, съ своею свитою, съ боку колонны, былъ въ это время на высотѣ ея середины. Онъ тотчасъ же, рысью, поѣхалъ къ авангарду.

Съ высокаго бархана, находившагося на мѣстѣ остановки головныхъ частей, открылась чрезвычайно оживленная, новая картина. Впереди-лежащіе барханы были все усыпаны неприятельскою конницею, растянувшюся полукружіемъ, приблизительно версты на двѣ разстоянія. Непріятель очевидно готовился задержать здѣсь дальнѣйшее движеніе отряда къ водѣ. Онъ считывалъ на крайнее истощеніе войскъ при выходѣ ихъ изъ безводныхъ песковъ и мечталъ, что отряду не устоять при первомъ дружномъ его натискѣ.

Было уже около 6-ти часовъ вечера; солнце близилось къ закату. Рѣшено было остановиться здѣсь на ночлегъ, стянуться, отдохнуть и съ разсвѣтомъ 11-го мая двинуться далѣе. Лишь только авангардъ началъ располагаться на позиціи, въ неприятельскомъ станѣ, бывшемъ до тѣхъ поръ совершенно спокойнымъ, замѣчено было движеніе. Изъ разныхъ пунктовъ его расположенія выскакали на рысяхъ впередъ кучки всадниковъ, изъ которыхъ наиболѣе смѣлые и отважные приблизились къ нашей позиціи на ружейный выстрѣлъ и начали стрѣлять. Понятно, что стрѣльба эта была совершенно для насъ безвредна; войска спокойно подходили къ мѣсту бивака и занимали на немъ свои мѣста. Для того же, чтобы отогнать дальше отъ позиціи болѣе рьяныхъ неприятельскихъ всадниковъ и отбить у нихъ охоту наскочить на растянувшійся по дорогѣ нашъ вьючный обозъ, высланы были впередъ отъ позиціи и къ правому ея флангу стрѣлковые взводы. Стрѣлкамъ,

по принятому въ отрядѣ правилу, строго подтверждено было не тратить патроновъ, стрѣлять лишь навѣрняка, съ близкихъ дистанцій. Позиція для ночлега занята была такимъ образомъ: на самой дорогѣ и по сторонамъ ея поставили конныя орудія, прикрываемыя на флангахъ двумя ротами пѣхоты. Орудія съ ротами составили передній фасъ каре, въ которое, по мѣрѣ стягиванія, устраивались остальные войска для ночлега; внутри каре помѣстился обозъ. Фасы каре заняли гребни бархановъ, а обозъ сталъ въ котловинѣ, скрывавшей его со всѣхъ четырехъ сторонъ отъ выстрѣловъ непріятеля.

Наступили сумерки; чѣмъ болѣе темнѣло и непріятель убѣждался, что мы остановились здѣсь не для того, чтобы подтянуться и идти далѣе, а располагаемся на ночлегъ, тѣмъ онъ дѣлался смѣлѣе и настойчивѣе. Фланги его растянутаго расположенія болѣе и болѣе сближались къ нашей позиціи и она оказалась, наконецъ, какъ-бы опоясанною, со стороны передняго и боковыхъ фасовъ, живою дугою массы непріятельскаго коннаго полчища. Но никакого дружнаго натиска, ни одной смѣлой, лихой атаки мы не дожидались въ этотъ вечеръ. Надо полагать, грозна была для хивинцевъ нравственная сила, сравнительно съ ихъ числомъ, горсти русскихъ храбрецовъ, надорванныхъ непомѣрными трудами пройденнаго пути, томимыхъ и обезсиленныхъ сильной жаждой. Лишь небольшое число смѣльчаковъ изъ непріятельскаго стана, пользуясь наступившею темнотою и неровностями мѣстности, рискнуло подкрадываясь, приближаться къ нашему лагерю; они вездѣ наткнулись при этомъ на наши стрѣлковые взводы, выставленные впередъ секреты, которые не клали охулку

на руку и живо снимали всадниковъ съ сѣдла или ранили и убивали ихъ лошадей удачными выстрѣлами съ самыхъ близкихъ дистанцій. Рѣдко кому изъ приближавшихся къ биваку смѣльчаковъ посчастливилось вернуться назадъ благополучно. Картина на самой позиціи была весьма оживленная; въ мракѣ сумерекъ безпрестанно сверкали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ и далеко разносилось ихъ эхо по песчаной, мертвенной пустынѣ. Не смотря на общее утомленіе, отрядъ бодрствовалъ, почти всѣ были на ногахъ, и, занявъ вершины бархановъ, войска и наши отрядные мусульмане безопасно забавлялись состязаніемъ двухъ враждебныхъ лагерей. Подошло время вечерней зари. Очередное орудіе зарядили гранатой; направленіе выстрѣлу дали въ болѣе густую массу непріятельскаго расположенія. Любопытныхъ собралось около орудія множество. Раздалось „пли“; орудіе рывнуло, сверкнулъ въ темнотѣ огонь, и граната, оставляя за собой свѣтящійся слѣдъ, полетѣла въ непріятельскій станъ. Все смолкло, насторожило слухъ; вдали раздался гулъ разрыва гранаты и въ хивинскомъ лагерѣ послышался глухой шумъ и какое-то движеніе. Затѣмъ снова настало затишье, изрѣдка прерываемое ружейною трескотнею, продолжавшеюся всю ночь. Съ наступленіемъ темноты бивачные огни зажглись и въ нашемъ и въ непріятельскомъ лагерѣ. Хивинцы не поскупились кострами и зажгли нѣчто въ родѣ иллюминаціи. Должно быть хоть этимъ они намѣрены были припугнуть насъ, чтобы, завидя такую массу огней, мы по нимъ представили бы себѣ, что за несмѣтное полчище накинется на насъ на слѣдующій день и опрокинетъ, или, какъ

есть у туркменъ выраженіе, растопчетъ весь русскій отрядъ. Что думали и на что рассчитывали, въ ночь съ 10-го на 11-е мая, хивинскіе ратники—это оставалось для насъ въ области догадокъ; но представлявшаяся картина двухъ вражьихъ лагерей, въ общемъ, въ ночной темнотѣ, была весьма интересна и занимательна. Одинъ лагерь—маленькій, крошечный, почти темный: рѣдко-рѣдко гдѣ догоралъ небольшой костеръ; утомленное въ немъ дневною работою воинство спало крѣпкимъ, сильнымъ сномъ, подъ охраною правильно, симметрично разставленныхъ сторожевыхъ постовъ. Другой бивакъ—огромный, растянутый, съ массою ярко пылающихъ костровъ какъ-бы сдавливалъ первый своимъ огненнымъ поясомъ. Надъ всѣмъ этимъ тихая, душная ночь, южное, звѣздное небо и изрѣдка, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ сверкнетъ огонекъ и раздастся раскатъ ружейнаго выстрѣла.

Начало, наконецъ, свѣтать; у насъ протрубили подъемъ. Живо поднялись войска, быстрѣе обычнаго шла навьючка верблюдовъ; все двигалось на позиціи какъ-то живѣе, торопливѣе. Черезъ полчаса отрядъ былъ готовъ къ выступленію и войска заняли мѣста, назначенныя имъ по диспозиціи, объявленной наканунѣ. Командующій войсками объѣхалъ каждую часть войскъ, поздравлялъ ихъ съ первою встрѣчею съ непріятелемъ, предупреждалъ не тратить попусту зарядовъ и патроновъ, не увлекаться преслѣдованіемъ и отраженіемъ атакъ непріятеля, а соблюдая стройность и порядокъ марша, имѣть въ виду главную цѣль—выходъ изъ песковъ и достиженіе живой, вольной воды.

Вьючный обозъ нашъ стянулся въ плотную, сомк-

нутую массу; верблюды были уставлены въ нѣсколько рядовъ, при чемъ, сколько могло ихъ, слѣдовало по дорогѣ, остальные по сторонамъ ея; общая фигура вагенбурга представляла квадратъ. Войска замкнули этотъ квадратъ со всѣхъ сторонъ.

Командованіе передовою цѣпью стрѣлковъ поручено было Его Императорскому Высочеству Князю Евгенію Максимиліановичу; Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Константиновичъ изволилъ слѣдовать при ротахъ 4-го туркестанскаго линейнаго баталіона. Кавалерія подосиѣвшая съ Адамъ-крылгана къ отряду за часъ до его выступленія, замыкала весь маршъ и слѣдовала позади арріергарда.

Солнце взошло уже довольно высоко и, по обыкновенію, начало сильно припекать, когда данъ былъ сигналъ наступленія колоннъ. Войска перекрестились, взяли ружье вольно и бодро зашагали снова по тому же песку, но уже на этотъ разъ каждый чувствовалъ и сознавалъ, что это послѣдніе трудные шаги, послѣднія усилія. Напряженіе, бодрость были всеобщія; замѣчательное явленіе—даже верблюды, этотъ тяжелый кошмаръ отряда, и тѣ на сей разъ шли лучше; они дѣйствительно, какъ бы чуяли близость воды, шагали къ ней неожиданно ходко; палыхъ и отсталыхъ не было ни одного.

Пока не трогалась съ мѣста наша колонна, въ непріятельскомъ расположеніи замѣтны были движеніе, суета; конныя его массы оставались однако, на мѣстѣ и лишь одиночные всадники выскакивали впередъ, приближались къ позиціи и стрѣляли съ коня. Но едва от-

рядъ тронулся съ мѣста, непріятельская линія заколыхалась, раздались трубные звуки, ободрительные крики „уръ—уръ“, и вся масса коннаго полчища ринулась на колонну, огибая ее съ фланговъ. Однако первый пылъ этого натиска скоро прошелъ. Не прибавляя и не убавляя ходу, наша колонна медленно, шагъ за шагомъ, словно стальная броня, зарываясь въ глубокомъ пескѣ, стройно и грозно подвигалась впередъ. Выскочившія первыми части коннаго непріятельскаго полчища, попавъ въ сферу дѣйствительнаго ружейнаго огня нашихъ передовой и боковыхъ цѣпей, сразу осадили своихъ коней, остановились и, выпустивъ съ сѣдла нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, повернули назадъ и спустились въ лощины, прикрываясь песчаными холмами. Наши цѣпи стрѣляли сдержанно; онѣ прибѣгали къ пулѣ только тогда, когда непріятель былъ шагахъ въ 400—500, не болѣе. Это было наступленіе съ пальбою по подвижнымъ мишенямъ. Нѣсколько всадниковъ повалились съ сѣделъ отъ пуль нашихъ стрѣлковъ; часть ихъ были раненные, другіе убитые; и тѣхъ и другихъ хивинцы ловко и быстро подхватывали на крупы лошадей и усаживали; наши стрѣлки подбили и поранили также нѣсколько лошадей въ непріятельскихъ рядахъ. Убѣдясь, что съ фронта нельзя задержать нашей колонны, непріятель попытался атаковать ея фланги. Здѣсь повторилось тоже самое. Огонь боковыхъ цѣпей живо разметалъ конныя партіи непріятеля, которыя, повернувъ тылъ, успѣшно скрылись за ближайшіе барханы. Наконецъ, попытка хивинцевъ опрокинуться и на хвостъ колонны была для нихъ столь-же неудачна, какъ и первая двѣ атаки. Тогда, окруживъ нашъ отрядъ, ни на

минуту неостанавливавшей своего постепенного, медленного движения впередъ, сильно растянувшейся порѣдѣвшею массою конныхъ, и не дерзая уже болѣе приближаться къ колоннѣ, непріятель сопровождалъ ее маршъ, на почтительномъ разстояніи, дикими оглушительными криками „уръ — уръ“, звуками огромныхъ своихъ, въ родѣ іерихонскихъ, трубъ и совершенно безцѣльной, безвредною ружейною трескотнею. Одолѣвая собственно трудности марша, колонна спокойно подвигалась впередъ, изрѣдка отвѣчая изъ четырехъ сторонъ квадрата, въ который она была заключена, на непріятельскіе ружейные и фальковенные выстрѣлы. Хивинцы видимо ослабѣвали и падали духомъ; съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ, они убѣждались, что имъ не остановить этого марша, не одолѣть силы, неуклонно, спокойно стремившейся къ данной цѣли. Шумъ, крики, трубные звуки въ непріятельскихъ рядахъ начали постепенно ослабѣвать, затихать; конныя его массы замѣтно порѣдѣли, большая часть ихъ собралась къ правой сторонѣ нашего движенія и оттуда, повернувъ назадъ, потянулась въ безпорядкѣ, правѣ Учъ-учака, къ берегу Аму-Дарьи. Въ этомъ направленіи пролегалъ ближайшій путь отступленія непріятеля къ переправѣ у Ичке-яра и на дорогу, по правому берегу Аму, въ Шураханъ. Очевидно было, что хивинцы, потерявъ надежду заградить намъ путь къ рѣкѣ, начали уже думать о собственномъ спасеніи и объ обезпеченіи пути отступленія.

Отрядъ протянулся уже пять верстъ отъ мѣста бывшаго нчлега. Съ высокихъ бархановъ, на которые взобралась колонна, виднѣлась уже темно-голубая полоса. — „Вода! рѣка!“ невольно и радостно вырвалось у

каждаго. То было озеро Сардаба-куль, всего верстахъ въ трехъ впереди отряда. Его окаймляла, такъ давно невиданная нами, пріятная зелень камыша и осоки. Озеро занимало огромную площадь, сѣверо-западная сторона которой примыкала къ отлогостямъ учь-учакскихъ холмовъ. Учь-учакскія высоты, далѣе вправо, въ сѣверномъ направленіи, тянулись въ видѣ каменной гряды, окаймляющей берегъ Аму и носящій мѣстное названіе „чинка“. Къ сѣверной сторонѣ чинкы постепенно понижался и терялся въ пескахъ; южною же своею оконечностью онъ упирается въ Аму-Дарью.

Съ песчаныхъ возвышенностей, до которыхъ достигъ въ то время отрядъ, мѣстность постепенно понижалась и переходила въ низменность, противоположный скатъ которой составляли отлогости чинка и подошва трехъ учь-учакскихъ холмовъ. Прямо по направленію дороги, шагахъ въ 300 отъ сѣвернаго берега озера, виднѣлось обширное, массивное кирпичное зданіе, оказавшееся потомъ старою полуразвалившеюся постройкою Сардаба-рабатъ. На этой-то низменности, влѣво отъ дороги, разстилалась обширная площадь озера Сардаба-куля, питаемое водою изъ разливовъ Аму-Дарьи.

Къ 8-ми часамъ утра колонна вышла, наконецъ, изъ песковъ къ краю низменности. Ноги и людей, и животныхъ, сразу почувствовали облегченіе; онѣ не тонули, не вязли уже въ раскаленномъ пескѣ, а ступали по твердой, глинисто-солонцоватой почвѣ. Непрiятель ускорилъ свое отступленіе; онъ послѣшно уходилъ, скрываясь отъ насъ за чинкы и за учь-учакскіе холмы. Часть его, какъ-бы пытаясь еще оказать намъ послѣднее сопротивленіе, остановилась у подошвы и по отлогостямъ

чинка. Тогда съ нашей стороны выдвинули впередъ на позицію взводъ орудій; два удачные выстрѣла гранатами, разорвавшимися какъ-разъ въ серединѣ конной непріятельской толпы, моментально ее разсѣяли; всадники быстро повернули назадъ и скрылись за чинкомъ къ сторонѣ Аму-Дарьи.

Этимъ закончилось трудное дѣло выхода туркестанскихъ войскъ изъ безводной, песчаной пустыни. Отрядъ стоялъ на берегу озера; вольная, прѣсная вода, о которой такъ давно и сладко мечтали, была у всѣхъ на виду, подъ глазами. Съ особеннымъ восторгомъ и жадностью взоры всѣхъ устремились на озеро. Требовалось усиліе, чтобы сдерживать коней и верблюдовъ, которые рвались къ водѣ. Жажда томила всѣхъ; каждый готовъ былъ броситься къ озеру и прильнуть запекшимися губами къ водѣ“.

(Рукоп. матер. для описан. Хивинск. похода; дѣйств. турк. отряда).

XVIII

Свѣденіе о походѣ Якубъ-бека въ Аксу.

По поводу похода въ Аксу Садыкъ лично разсказалъ слѣдующій эпизодъ, характеризующій непрочность положенія Якубъ-бека въ своемъ ханствѣ. Задумавъ движеніе на Аксу, Якубъ-бекъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ, между прочимъ, былъ возбужденъ вопросъ—кого послать начальникомъ войскъ. Якубъ-бекъ изъявилъ желаніе самъ командовать войсками. Садыкъ запротестовалъ противъ такого рѣшенія. Въ своей рѣчи, произнесенной въ совѣтъ, онъ выразилъ ту мысль, что въ случаѣ пораженія полководца, посланнаго съ войсками, бѣду можно поправить, но въ случаѣ пораженія государя страны, бѣдствіе будетъ всеобщее, а особенно при томъ положеніи, какое они всѣ, пришельцы, занимаютъ въ Кашгарѣ.

Садыкъ указалъ на шаткость этого положенія, на непрочность всего, что создано ханомъ; все держится его энергіею и авторитетомъ. Въ случаѣ несчастья съ нимъ, поднимутъ головы противъ пришельцевъ—анджанцевъ всѣ недовольные ими и ханство можетъ очутиться на краю гибели. Съ Садыкомъ согласились и нѣкоторые члены совѣта, но большинство, угождая хану, одобрило его рѣшеніе.

Должно быть рѣчь Садыка (онъ говоритъ прекрасно) не отличалась мягкостью. Якубъ-бекъ разсердился на него, не принималъ втеченіе мѣсяца и въ концѣ концовъ не взялъ его въ походъ съ собою.

Какъ извѣстно, дальнѣйшія событія доказали правильность взгляда Садыка, что говоритъ за большую его умственную развитость и опытность въ средне-азіатской политикѣ.

XIX

Свѣденіе о занятіи Кашгара китайцами.

Объ уничтоженіи китайцами государства, основаннаго Якубъ-бекомъ, и о завоеваніи ими Кашгара имѣются слѣдующія краткія свѣденія въ книгѣ А. Н. Куропаткина, „Кашгарія“.

„3-го апрѣля 1877 года китайцы изъ Урумчи, въ числѣ 4,000 человекъ, двинулись къ укрѣпленію Диванчи и обложили его. Гарнизонъ Диванчи, въ числѣ 1,300 человекъ, послѣ трехъ-дневной слабой защиты сдался китайцамъ.

„Одновременно съ наступленіемъ изъ Урумчи къ Диванчи, китайцы произвели наступленіе изъ города Хами (Комула) въ Куня-турфану. 2,000 вооруженныхъ жителей, составлявшихъ гарнизонъ города, передались китайцамъ безъ выстрѣла. Хакимъ-ханъ-тюря успѣлъ только съ горстью солдатъ отступить къ Тогсуну, гдѣ и соединился съ Хакъ-кулы-бекомъ. Отрядъ этого послѣдняго къ тому времени состоялъ изъ 4,000 джигитовъ и сарбазовъ и изъ 6,000 вооруженныхъ жителей.

„Узнавъ о наступленіи китайцевъ, Хакъ-кулы-бекъ послалъ къ своему отцу въ городъ Курля за разрѣшеніемъ отправить подкрѣпленіе къ Диванчи и Куня-турфану, но ранѣе полученія отвѣта эти укрѣпленія уже были взяты и Хакъ-кулы-бекъ, на этотъ разъ уже безъ разрѣшенія, отступилъ со всѣмъ своимъ отрядомъ къ городу Карашару, опасаясь быть отрѣзаннымъ со стороны ущелья Су-баши.

„Лу-ча-даринъ, начальникъ китайскихъ войскъ, поступилъ съ плѣнными, взятыми имъ въ Диванчи, чрезвычайно дипломатично и выгодно для китайскаго вліянія.

„Изъ числа плѣнныхъ солдатъ, жители Джитышара, — а таковыхъ набралось до 1,000 человекъ, — были обласканы, снабжены деньгами на путевыя издержки, пропускными бумагами и отпущены на свободу.

„При этомъ Лу-ча-даринъ внушалъ имъ, что онъ воюетъ только противъ *андижанцевъ*, т. е. пришельцевъ изъ Ферганы и Ташкента, что въ преданности китайскому правительству жителей Джитышара онъ не сомнѣвается и что въ скоромъ времени постарается освободить ихъ отъ притѣсненій Якубъ-бека.

„Остальные плѣнные, родомъ изъ другихъ частей Туркестана, были отправлены въ Урумчи.

„Освобожденные плѣнные прибыли въ Карашаръ и слухъ о подробностяхъ, сопровождавшихъ ихъ освобожденіе, дошелъ до бадаулета. Считая весьма опаснымъ принятый китайцами образъ дѣйствій, Якубъ-бекъ, чтобы парализовать вліяніе ихъ обращенія съ плѣнными, принялъ мѣру, которая еще болѣе повредила ему и создала симпатію къ китайцамъ. Онъ предписалъ сыну своему Хакъ-кулы-беку лишить плѣнныхъ возможности распространять слухъ о своемъ освобожденіи далѣе. Хакъ-кулы-бекъ выполнилъ волю своего отца, умертвивъ значительную часть этихъ несчастныхъ. Остальные успѣли бѣжать обратно къ китайцамъ.

„Эта мѣра, какъ и слѣдовало ожидать, произвела результатъ обратный тому, котораго ожидалъ Якубъ-бекъ. Слухъ объ этомъ звѣрствѣ быстро прошелъ по

всей Кашгаріи, выказалъ слабость андижанцевъ и сдѣлалъ ихъ еще болѣе ненавистными. Обращеніе же китайцевъ съ плѣнными, преувеличенное въ разсказахъ, послужило къ усиленію партіи, противной Якубъ-беку, расположило ее къ китайцамъ, и положило начало энергичнымъ дѣйствіямъ къ сверженію власти Якубъ-бека.

„Дѣятельностью этой партіи, въ связи съ общимъ недовольствомъ населенія противъ Якубъ-бека, только и можно объяснить послѣдующіе необычайно быстрые успѣхи китайцевъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

„16-го мая 1877 года, въ 5 часовъ пополудни, бадаулетъ былъ сильно раздраженъ своимъ мирзою (секретаремъ) Хамаломъ, котораго за неточное исполненіе какихъ-то порученій онъ билъ прикладомъ до смерти.

„Убивъ Хамала, Якубъ-бекъ набросился и началъ бить своего казначея Сабиръ-ахуна. Въ это время съ нимъ сдѣлался ударъ, лишившій его памяти и языка. Оставаясь въ этомъ положеніи, бадаулетъ 17-го мая въ 2 часа утра скончался. Слухи объ отравленіи Якубъ-бека сыномъ его Хакъ-кулы-бекомъ и о томъ, что онъ самъ, въ виду неудачъ противъ китайцевъ принялъ ядъ, не имѣютъ основанія.

„Приведемъ здѣсь дословно характеристику Якубъ-бека, сдѣланную Заманъ-ханомъ въ письмѣ ко мнѣ.

„Покойный Якубъ-бекъ былъ человекъ умный, дѣятельный, съ удивительною памятью, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитрый и лукавый; правды почти не говорилъ; въ полномъ смыслѣ былъ эгоистомъ и ни для кого не былъ другомъ. Полководцемъ же въ послѣднее время онъ выказалъ себя весьма плохимъ, а въ отношеніи много-

женства перешеголялъ персидскаго Фатали-шаха. Въ частной жизни жилъ онъ очень просто, безъ всякихъ претензій, довольствовался очень малымъ,—по временамъ бывалъ добръ и привѣтливъ со всѣми. Обряды религіи своей исполнялъ усердно. Въ сутки отдыхалъ только около 4-хъ часовъ (*), а остальное время былъ занятъ. Никому не довѣрялъ: во всѣ дѣла, начиная отъ конюшни и кухни, до самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ, вникалъ самъ.

„Всю его канцелярію составляли три мирзы (секретари). Самъ Якубъ-бекъ былъ не грамотенъ, но въ разговорѣ всѣ, его незнавшіе, приняли бы его за ученаго человѣка, ибо часто, для краснорѣчія или для внушенія, онъ провозносилъ подходящія къ разговору тексты изъ алкорана, или же куплеты изъ стиховъ, извѣстныхъ персидскихъ поэтовъ; на персидскомъ языкѣ объяснялся свободно. Приказы его, посылаемые всѣмъ властямъ, составлялись на бѣло безъ черновыхъ, а получаемыя донесенія хранились только впрядь до отписки. Получаемыя же изъ Россіи или другихъ государствъ письма, вмѣстѣ съ снятыми съ нихъ копіями, хранились у него.

Съ правителей городовъ Якубъ-бекъ, кромѣ ежегоднаго тартука (подарка), ничего не получалъ; впрочемъ каждый изъ нихъ обязанъ былъ содержать извѣстное число войска; что же касается до податей, взыскиваемыхъ правителями съ управляемыхъ ими жителей, то на это не имѣлось никакого контроля. Только иногда впрочемъ въ неопредѣленные сроки онъ требовалъ

(*) Вѣроятно не считая времени сна.

съ правителей значительныя суммы денегъ, которыя вносились безпрекословно. Хотанскій же хакимъ Ніязбекъ, кромѣ ежегоднаго тартука, вносилъ еженедѣльно 11 ямбъ серебромъ, что составляетъ болѣе 1,200 рублей и 44 сэра золотомъ, что составляетъ около 1,800 рублей, т. е. всего до 3,000 рублей серебромъ въ недѣлю“.

„Въ день смерти Якубъ-бека, т. е. 17-го мая, прибылъ въ Курля изъ Карашара Хакъ-кулы-бекъ. Трое сутокъ Хакъ-кулы не объявлялъ никому о смерти отца. Въ это время всѣ находившіяся въ Карашарѣ войска были вызваны въ Курля.

„По сборѣ войскъ въ Курля, 20-го мая, Хакъ-кулы объявилъ имъ о смерти правителя страны и заявилъ свою волю слѣдовать съ тѣломъ покойнаго въ Кашгаръ, къ старшему брату своему Бикъ-кулы-беку, который теперь замѣнитъ ему отца и безъ воли котораго онъ ничего не предприметь. Затѣмъ, удовлетворивъ войска двухмѣсячнымъ содержаніемъ и назначивъ Хакимъ-ханъ-тюрю своимъ временнымъ намѣстникомъ, Хакъ-кулы-бекъ, 25-го мая, выѣхалъ изъ Курля.

„По другимъ свѣденіямъ, желаніе Якубъ-бека было оставить своимъ преемникомъ не старшаго сына, а младшаго Хакъ-кулы-бека, какъ болѣе воинственнаго и любимаго войсками. Хакъ-кулы-бека поддерживали и всѣ начальники войскъ. Что же касается симпатій населенія, напримѣръ Кашгарскаго округа и въ особенности кушцовъ, то онѣ были на сторонѣ Бикъ-кулы-бека.

„По этимъ свѣденіямъ, Хакъ-кулы-бекъ отправился въ Кашгаръ съ цѣлью провозгласить себя правителемъ, а отвозъ тѣла отца былъ только предлогомъ.

„Фактически вѣрно только то, что Бикъ-кулы-бекъ видѣлъ въ братѣ своемъ опаснаго соперника, отъ котораго и рѣшился избавиться при помощи убійства.

„26-го мая, т. е. на другой день послѣ выѣзда Хакъ-кулы-бека изъ Курля, всѣ войска, собранныя въ этомъ городѣ, провозгласили своимъ ханомъ Хакимъ-ханъ-тюрю, который тотчасъ же послалъ нѣкоего Дашъ-бека (изъ кипчаковъ) съ 500 всадниковъ для преслѣдованія Хакъ-кулы-бека и воспрепятствованія ему захватить аксуйскую казну.

„11-го іюня Хакъ-кулы-бекъ, съ своею прислугою изъ 30-ти человекъ, оставилъ Аксу и направился къ городу Кашгару. Въ 80-ти верстахъ отъ этого города, близъ станціи Купрюкъ, у моста черезъ Кызылъ-су, Хакъ-кулы-бекъ былъ измѣннически убитъ Махмедъ-зіапансатомъ, посланнымъ Бикъ-кулы-бекомъ подъ видомъ встрѣчи.

„По другимъ свѣденіямъ, менѣе заслуживающимъ вѣроятія, Бикъ-кулы встрѣтилъ лично Хакъ-кулы-бека и въ минуту привѣтствія убилъ его выстрѣломъ изъ револьвера, одновременно съ чѣмъ была изрублена и свита Хакъ-кулы.

„Вслѣдъ за этими событіями кашгарское царство распалось на три части, изъ которыхъ каждая имѣла во главѣ отдѣльнаго правителя: въ Кашгарѣ—Бикъ-кулы-бека, въ Аксу—Хакимъ-ханъ-тюрю, а въ Хотанѣ—Ніазъ-бека. Эти три правителя начали борьбу между собою. Сильнѣйшимъ и энергичнѣйшимъ оказался Бикъ-кулы-бекъ. Собравъ до 5,000 войска, онъ двинулся на Аксу. Хакимъ-ханъ-тюря, въ свою очередь, собравъ

свыше 4,000 двинулся ему на встрѣчу. Близъ урочища Яйды, (Джайды) между Мараль-баши и Аксу, передовые отряды имѣли стычку, въ которой кашгарцы были разбиты и преслѣдованы до урочища Чуль-кудука (Шурь-кудукъ). Три дня спустя всѣ войска Бикъ-кулы-бека собрались въ Чуль-кудукъ, а войска Хакимъ-ханъ-тюри въ Яйдахъ. Между этими пунктами произошло рѣшительное сраженіе, продолжавшееся пять часовъ. Хакимъ-ханъ былъ разбитъ; онъ спасся въ русскихъ владѣніяхъ, а войска его сдались Бикъ-кулы-беку.

1-го августа Бикъ-кулы-бекъ вступилъ торжественно въ Аксу. Проживъ тамъ около 2-хъ недѣль, онъ, 24-го августа, вернулся обратно въ городъ Кашгаръ, гдѣ далъ войскамъ мѣсячный отдыхъ, а 22-го сентября съ 5,000 выступилъ на Хотанъ.

8-го октября на урочищѣ Зава онъ былъ встрѣченъ хотанскими войсками подъ начальствомъ Эминъ-бека, брата Ніязь-бека. Хотанцы при первомъ натискѣ кашгарской кавалеріи разбѣжались. Ніязь-бекъ, находившійся въ то время въ городѣ Хотанѣ (Ильчи), въ 30-ти верстахъ отъ Завы, услыхавъ о пораженіи брата, не думалъ продолжать оборону и, захвативъ свое семейство и имущество, направился на Чаръ-чакъ, откуда, вѣроятно, вверхъ по рѣкѣ Хотанъ-даръѣ черезъ Лобноръ, намѣревался пробраться къ китайцамъ.

„На другой день Бикъ-кулы-бекъ вступилъ въ городъ Хотанъ и послалъ преслѣдовать и поймать Ніязь-бека. Посланные вернулись безъ успѣха.

„18-го октября Бикъ-кулы-бекъ получилъ извѣстіе о взятіи китайцами городовъ Курля, Куча, Аксу и объ

отступленіи находившихся тамъ войскъ въ Кашгаръ. Подъ вліяніемъ этого извѣстія онъ отправилъ гонца въ городъ Кашгаръ за своимъ семействомъ, которое приказалъ перевезти въ Яркендъ. Къ 25 октября онъ и самъ прибылъ въ городъ Яркендъ, гдѣ уже напелъ семью. Въ это же время въ Яркендъ пришло извѣстіе еще болѣе печальное: часть китайскихъ солдатъ, обращенныхъ Якубъ-бекомъ въ мусульманство, ворвалась въ крѣпость Янгишаръ (цитадель города Кашгара) и заперлась въ ней. Извѣстіе это произвело весьма тягостное впечатлѣніе на всѣхъ приближенныхъ Бикъ-кулы-бека, ибо семейства очень многихъ изъ нихъ жили въ Янгишарѣ и были захвачены китайцами. Бикъ-кулы-бека стали публично обвинять, говоря, что если-бы онъ не выписалъ своего семейства изъ Янгишара; то китайцы никогда не осмѣлились-бы на подобный отчаянный поступокъ.

„Немного ранѣе Бикъ-кулы-бекъ всю пѣхоту свою направилъ изъ Яркенда прямымъ путемъ на Мараль-баши, но дорогою все войско разбѣжалось. Тогда, считая свое дѣло проиграннымъ, онъ вмѣстѣ съ хакимомъ (губернаторомъ) Яркенда и съ своимъ семействомъ направился ночью 4-го ноября въ городъ Каргалыкъ, по дорогѣ въ городъ Хотанъ. Но нѣсколько лицъ, у которыхъ были захвачены въ Янгишарѣ семейства, остановили Бикъ-кулы-бека и требовали чтобы онъ вмѣстѣ съ ними шелъ на выручку этой крѣпости.

„Бикъ-кулы-бекъ долженъ былъ повиноваться и двинулся къ Кашгару. Въ городѣ Янги-гиссаръ на половинѣ пути между Яркендомъ и Кашгаромъ, въ безсиль-

ной злобѣ на китайцевъ, онъ отдалъ приказъ перебить всѣхъ китайскихъ мальчиковъ, находившихся въ услуженіи у разныхъ лицъ.

„По этому приказу было избито до 200 человекъ. Въ это же время губернаторомъ Кашгара Алдашъ-датхою было избито до 400 китайцевъ разнаго возраста и пола, не попавшихъ въ цитадель Янгишаръ.

„24-го ноября Викъ-кулы-бекъ прибылъ въ Кашгаръ и остановился въ саду своемъ, отстоящемъ въ трехъ верстахъ отъ Янгишара. Войска прибывшія съ нимъ, отступившія изъ Аксу и дунгане, въ числѣ болѣе 10-ти тысячъ человекъ, обложили крѣпость и начали дѣлать приступы противъ нея. Всѣ ихъ попытки были тщетны. Гарнизонъ изъ 500 человекъ китайцевъ велъ себя геройски. Не только всѣ штурмы были отбиты, но рѣдкую ночь китайцы не дѣлали вылазки и не наносили чувствительнаго урона осаждающимъ.

„4-го декабря въ лагерѣ Викъ-кулы-бека распространился слухъ о приближеніи китайцевъ къ Файзабаду, въ 60-ти верстахъ отъ Кашгара. Высланный противъ нихъ съ отрядомъ Алдашъ-датха послѣ ничтожной перестрѣлки отступилъ и положилъ начало общему отступленію.

„Паника овладѣла войскомъ и оно бѣжало въ рускіе предѣлы, частью на Терекъ—даванъ въ Фергану и частью на Чамакъ и Артушъ къ Нарыну. Викъ-кулы-бекъ первый подалъ примѣръ бѣгства.

„Къ 7-ми часамъ вечера того-же числа ничтожный китайскій рекогносцировочный отрядъ, посланный изъ Мараль-баши, безъ боя вступилъ въ городъ Кашгаръ.

„Велѣдъ за войскомъ бѣжали тысячи жителей съ семействами, опасаясь повторенія ужасовъ, каждаго развѣ сопровождавшихъ появленіе китайцевъ, какъ это было при изгнаніи ходжей Дженгира, Валихана, Катта-тюри.

„Несчастные жители, направившіеся на Терекъ-даванъ, переходили этотъ хребетъ при 30° мороза.

„Началось повтореніе ужасовъ бѣгства кашгарцевъ послѣ изгнанія Катта-тюри, когда отъ мороза и голода погибли десятки тысячъ народа.

„Къ счастью для бѣглецовъ, начальникъ Ошскаго уѣзда, въ который входитъ и Терекъ-даванскій переваль, энергичный и опытный туркеставецъ, майоръ Юновъ, принялъ мѣры къ спасенію бѣглецовъ. Отправившись лично вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ капитаномъ Реслейномъ на переваль, онъ организовалъ скорую помощь кашгарцамъ, достигавшимъ нашей границы почти замерзшими и умиравшими съ голода.

„Бѣглецовъ отгирали, кормили, садили за лошадей и отправляли въ городъ Ошъ. Всѣ перешедшіе нашу границу были спасены. Уѣзднымъ начальникомъ Семирѣченской области также, на сколько возможно, облегчена была участь спасшихся бѣгствомъ въ наши предѣлы.

„Населеніе Иркенда бросилось бѣжать къ Сары-колю и далѣе къ Шугиану, но сарыкольскіе киргизы возвратили бѣглецовъ и отдали ихъ въ руки китайцевъ.

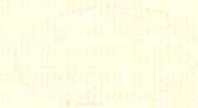
На этотъ разъ китайцы, наученные горькимъ опытомъ, держали себя первое время относительно весьма сдержанно. Населеніе было успокоено, начальниками городовъ были назначены мусульмане, оставлено старое

судопроизводство по шаріату; религія осталась неприкосновенною (*). Кащено въ первые дни всего 10 человекъ. Но китайцы привезли съ собою и новинку. Они, оставивъ въ покоѣ людей, обратили свое преслѣдованіе, между прочимъ на лошадей. Кашгарцамъ, по слухамъ, было запрещено имѣть лошадей, а находившихся на лицо отбарали въ казну, а по другимъ слухамъ, мало вѣроятнымъ, жорили голодомъ и даже разстрѣливали.

Въ лошадяхъ, дававшихъ кашгарцамъ возможность быстро передвигаться на огромныя пространства, китайцы видѣли одну изъ главныхъ причинъ своихъ прежнихъ поражений⁴.

(„Кашгарія“, соч. А. Н. Куропаткина).

(*) Неприкосновенность религіи всегда строго соблюдались китайцами.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строк.	Насечтано	Слѣдуетъ читать.
5	24	Ковандскую	ковандскую
10 прим.	2	разбивать	разбить
36 прим.	3	21 сентября	22 сентября
48	10	Кванн	Ковни
54	7	Ковандиръ	Командиръ

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стран.
Предисловіе	I.
ГЛАВА I.	
Первоначальная дѣятельность султана Кенисары Касимова	1.
ГЛАВА II.	
Дѣяствія манаповъ Джантая и Урмана и смерть Кенисары и его приближенныхъ въ войнѣ съ кара-киргизами	12. ✓
ГЛАВА III.	
Потомство Кенисары-хана	25.
ГЛАВА IV.	
Причина переселенія сыновей Кенисары-хана на берега р. Сыра	31.
ГЛАВА V.	
Дѣятельность султана Садыка до взятія русскими Ташкента	34.
ГЛАВА VI.	
Взятіе русскими Ташкента	45.
ГЛАВА VII.	
Участіе Садыка въ войнѣ русскихъ съ Бухарою	50.

ГЛАВА VIII.

Участіе Садыка въ возмущеніи Абдуль-Малика (Катты-тюри) 62.

ГЛАВА IX.

Завоеваніе русскими Хивы и переходъ Садыка къ туркменамъ 68.

ГЛАВА X.

Пребываніе Садыка въ Кашгарѣ и возвращеніе въ русскіе предѣлы 77.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Свѣденія объ Аблай-ханѣ	1.
II. Записка о Кенисарѣ	5.
III. Записка о смерти Кенисары	7.
IV. Битва подъ Уаунъ-агачемъ	8.
V. Причины движенія русскихъ отрядовъ въ культурную часть средней Азии	12.
VI. Взятіе русскими гор. Туркестана	14.
VII. Вой подъ Акбулакомъ	17.
VIII. Реконноцировка гор. Чимкента	28.
IX. Вой подъ Икавомъ	30.
X. Вой подъ Шоръ-тюбе	45.
XI. Взятіе гор. Ташкента	50.
XII. Зимнее движеніе къ гор. Джизаку	86.
XIII. Вой подъ Сарыбулакомъ	92.
XIV. Стычка подъ Джизакомъ	96.

XV. Сраженіе подъ Зерабулакомъ	98.
XVI. Нападеніе Садыка на колошну генерала Бардовскаго	101.
XVII. Выходъ туркестанскаго отряда на р. Амударью	105.
XVIII. Свѣденіе о походѣ Якубъ-бека въ Аксу	121.
XIX. Свѣденіе о занятіи Кашгара китайцами	128.

PK
12070